

Низами Джафаров

**С КЕМ
НЕ БЫВАЕТ...**

рассказы из жизни

Джафаров Н. Н.

С кем не бывает...

(рассказы из жизни)

Москва
Capital Press
2017

УДК 82-32

ББК 84

Джафаров Низами Наджаф оглы.

С кем не бывает... (рассказы из жизни) – Москва: Capital Press, 2017.-224с.

ISBN 978-5-9909562-7-8

В книге собраны рассказы, основанные на реальных событиях из жизни. Имена героев умышленно изменены. Любые совпадения могут быть случайностями. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-9909562-7-8

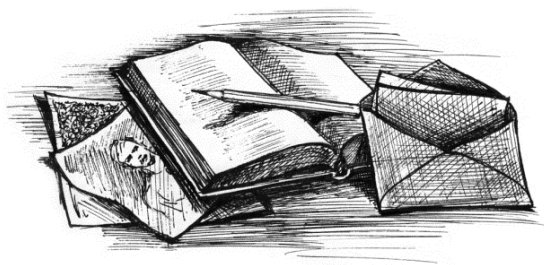
©Джафаров Н.Н., 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
Гордая птица	8
Рыбалка	13
Айрылыг	16
Варенье из лепестков роз	20
Буханка хлеба	27
Мясо «косули».	33
Цена благородства	35
Брал – не брал	38
Поддержка	40
«Гостеприимная» встреча	42
Култышка	46
Кат	49
Валун.	52
Нечистая сила	57
Самарканд	60
Лечение	64
Сам постирал	66
Искренность людей – подкупает	68
Вторая кровать	69
Гид	71
Два работника	74
Фонари	76
Рапорт.	87
Забавный рейс	91
Как медведь из анекдота	94
Куриные ножки	99
Кому что.	103
Кукурузник	111
Попутчик.	115
Метод Антона	118
На привязи	123

Место встречи изменить нельзя	124
Нарочно не придумаешь	128
Неловкое положение	130
Новогодний стол	132
Ориентир	136
Отдохнул так отдохнул!	139
Отпуск в шапке	144
Поварешка	148
Простак	152
Профессор	155
Ремень	161
Секрет вкусного чая	163
Семейные трусы	166
С кем не бывает	170
Согым-святое дело.	172
Женские ноги	175
Сколько пальцев	178
Знаю	179
Розыгрыш	180
Спроси у соседей	183
Тайник	185
Шарф	189
Болтушка.	191
Шрам	193
«Доходчивое» объяснение	195
Где, где?...	197
Тайна всей жизни	200
Пожар выявил многое	206
Цена человеческой жизни	211
Мамина любовь	218
<i>Об авторе</i>	221

«Пока выбьешь место под солнцем, уже вечер»
Г. Е. Малкин

Предисловие

Уважаемый читатель! Почти сорокалетнее пребывание в Казахстане изменило мою жизнь, и я стал тем, кто я есть. Здесь мой дом, моя семья, здесь родились мои дети и внуки. Я люблю эту землю, и она стала мне второй родиной, дав возможность реализовать себя как специалиста, ученого, человека. Здесь я никогда не чувствовал себя чужим, наоборот, год за годом приобретал друзей, соратников, родных, изучал языки, окунулся в мир культуру и традиции народов.

Чем больше вникал в историю и особенности национальных традиций казахов, тем больше находил общего между нашими народами. Я смог найти много сходства не только в языках, истории, укладе, обычаях, каждодневной жизни, но и в цветах и запахах, которые нас окружают. Хотя всегда понимал: насколько мы близкие, настолько мы и разные, не только потому, что мы внешне отличаемся. Наше отличие еще в самобытности наших народов.

Например, когда я слышу звуки домбры, величайшего изобретения степного человека, перед глазами расстилаются бескрайные степи и чувствуется запах цветущей полыни, но в этом исполнении я подсознательно ищу созвучные нотки с таром – азербайджанским народным инструментом, а как только нахожу, невольно оказываюсь в горах Большого Кавказа, среди трав с чабрецом.

Национальные черты казахского народа – почитание своих исторических корней и традиций, особое отношение к родственникам и старшему поколению, гостеприимство, миролюбивость и многое другое, сформированные веками, исходя из географического расположения и климатических условий среды обитания, хода исторических событий, уклада жизни, религии и других факторов, – заслужили мое глубокое уважение к людям, проживающим на этой благодатной земле.

Мысль собрать вместе все то, что когда-то «брал на карандаш», давно поселилась в моей голове, но я долго не мог определиться и сомневался в целесообразности этого. Я вовсе не собирался писать так называемые мемуары. Во-первых, рановато: жизнь продолжается, впереди еще очень много интересного; во-вторых, не думаю, что это кому-то было бы интересно. Не претендуя на создание литературного произведения, я все-таки решился подготовить несколько рассказов о реальных событиях, которые происходили в моей жизни со мной, с моими

друзьями и в моем окружении, не только в Казахстане и Азербайджане, но и в других странах, куда жизнь меня бросала. Когда я готовил рассказы, пришлось много пережить и вспомнить, перелистывая страницы жизни, изучить большое количество писем, просмотреть видео- и фотоматериалы. Сам того не замечая, так окунулся во все это, что застрял надолго в подъемах, спусках, поворотах жизненной дороги, по которой пришлось пройти. Я вполне согласен со сравнением человеческой жизни и зебры, где есть и белые, и черные полосы, и мои рассказы об этом, хотя я старался многие печальные истории не включать в книгу. Когда были готовы первые несколько рассказов, я с большими переживаниями передал их для просмотра двум знакомым – профессиональному журналисту и коллеге-книголюбу – и после поймал себя на мысли, что я переживаю по-настоящему, как студент, сдавший свою курсовую на проверку. Больше всего, конечно, переживал, когда их читала супруга. Все с большим интересом и пониманием отнеслись к моим сочинениям, порекомендовав не останавливаться. Конечно, после первых отзывов я продолжил работу и, наконец, подготовил настоящую книгу. Я очень надеюсь, что вы тоже с пониманием отнесетесь к моим рассказам, и они вызовут у вас живой интерес с чередованием эмоций.

Низами Джафаров.

18.02.2017г

*«Лучше умереть,
чем маяться в неволе»
Леонардо да Винчи*

Гордая птица

У каждого есть в жизни такие страницы, которые лишний раз не хочется листать. И я не исключение. Но сегодня я все-таки хочу раскрыть одну страницу моей жизни ...

Начало 90-ых прошлого столетия. Фундамент некогда огромной и могучей страны по имени СССР расшатывается, и люди, теряя веру в будущее, все больше замыкаются в собственных проблемах, а понятие «Родина» для большинства сужается до границы своего села, города, собственной семьи. Для меня происходящее – огромная трагедия. На меня давит тяжелый груз неопределенности, терзает чувство, что у меня украли что-то очень дорогое. Тяжелее всего то, что этому невозможно противостоять, а тем более – остановить.

Ищу отдушину, чтобы терзания, тяжелые мысли не раздавили. И тут один из моих друзей предлагает вступить в общество охотников. Вот где я смогу отвлечься, хотя бы временами уходить от жестокой социально-политической реальности в мир дикой природы!

Получаю все необходимые разрешительные документы, покупаю двустволку. Как же мне не терпится выехать и пострелять! И когда друг предлагает охоту на зайца, я без раздумий соглашаюсь – наконец-то!

И вот мы с другом в машине. Он заядлый охотник – всю дорогу травит байки.

– А вообще-то новичку на первую охоту лучше с монтировкой идти, – неожиданно выдает он.

– Зачем это? – спрашиваю я, в ответ ожидая услышать очередную небылицу.

– Как зачем?! Зайца оглушить, – переходит он от веселой болтовни к моему обучению азам охотничьей науки.

– Знаешь, сколько таких случаев было, когда подходили к подстреленному зайцу, а он вскакивал, задними лапами – об живот охотника и – наутек?! Не каждый охотник выживает после этого. Поэтому, прежде чем наклоняться к своему трофею, «косого» стоит оглушить.

Мое живое воображение сразу же выдает мне неприглядную картинку, которая как-то мало похожа на мои представления об охоте, до этого момента казавшейся мне красивым и благородным занятием. Я так явно вижу, как заяц острыми когтями крепких задних лап вспарывает живот охотнику и выпускает кишки... Потом рисую себе другую картину – как бью подстреленного зайца ломом по голове... Мне не по себе. Желание охотиться пропало напрочь, захотелось вернуться домой. Но мы уже далеко от города. Да и не хочется, чтобы приятель заподозрил меня в трусости. Теперь в голове у меня одна мысль: «Хоть бы нам никто не попался!»

Мы продолжаем ехать. И, кажется, мои мольбы кем-то услышаны – уже темно, и ни одного серого мы пока не встретили. Я уже подумываю о том, что пора произнести:

«Что-то не везет нам сегодня. Наверное, надо уже возвращаться», как неожиданно раздается крик друга: «Останови машину!»

Водитель резко тормозит, и мы все вылетаем из салона. Я рыскаю взглядом вокруг, пытаюсь разглядеть зайца, однако не вижу его. И тут раздается выстрел. Краем глаза замечаю, как что-то или кто-то, пикируя, падает на землю. Одновременно слышу ор приятеля: «Стреляй!». Я в замешательстве и забываю снять ружье с предохранителя. Секунда и я прихожу в себя. Бегу туда, куда рухнула подбитая другом добыча. И столбенею от пронзительного взгляда, обращенного на меня: на земле – орёл.

Не могу выдержать этот взгляд, отвожу глаза. В душе бушует целый ураган: злость, стыд, жалость...

– Ты обалдел? Это же орел! – сжимаю я кулаки и срываюсь на крик.

Но по лицу его не пробегает ни тени.

– Не ори. По ошибке я. Ну и ничего страшного. На чучело пойдет. Пусть не появляется там, где человек хозяйничает! Эти слова поднимают во мне вторую бурю. Но спорить и доказывать что-то – бесполезно.

– Мы на его территории хозяйничаем, – зло кидаю я в сторону приятеля и осторожно делаю несколько шагов к птице. Подойти еще ближе боюсь – этот хищник внушает страх. И я понимаю, что этот страх вызывает не только его сила, но и то презрение, которое вырывается из-под этих век.

Понимаю, что не могу вот так просто уйти. Я должен ему помочь – попытаться исправить то, что мы натворили. И единственное, что приходит мне на ум – забрать орла домой и попробовать выводить его. Мне кажется это единственно правильным решением, и я не подозреваю, каким будет его итог...

Возвращаюсь к машине, открываю багажник и вытаскиваю из него полог. Напарник, поняв мои намерения, протестует. Но я не слушаю его.

Пока заворачиваю птицу в полог и кладу в машину, приятель садится в УАЗик, недовольно поджимая губы. Мне всё равно, что он думает.

Всю обратную дорогу едем молча.

Меня подвозят к подъезду, я вынимаю полог с птицей из машины и тащу к себе в квартиру – на четвертый этаж. Звоню в дверь. Открывает супруга. Она видит огромный брезентовый сверток в моих руках и мое странное лицо. Читаю в ее глазах страх и недоумение. С ходу ей все объясняю. Кажется, она сразу все понимает. Кивает: «Попробуй. Хотя не знаю, что из этого выйдет...». И вот птица устроена. Теперь картонный ящик на нашем балконе – ее прибежище. Я так надеюсь, что смогу выходить птицу и выпустить ее на волю...

Дни идут один за другим. Орел все так же враждебно смотрит на меня. Это невыносимо. Но хуже всего то, что он не принимает еду и воду, которые я ему приношу...

Мои надежды тают с каждым днем. Каждая новая встреча – испытание для меня. В душе молю о прощении, как будто держу перед этим орлом ответ за деяния всех нас, людей...

Не сплю по ночам, ворочаюсь, думаю и терзаюсь. Совсем пропал аппетит. Домочадцы смотрят на меня с тревогой. Всё это длится уже неделю. Я в ожидании конца. Но и представить не могу, что он будет таким...

Я только что вернулся с работы. Первое, что делаю, – иду на балкон, чтобы проверить, как там орёл. Открываю дверь и – застываю. Сердце обрывается в груди. Не могу произнести ни звука – в горле пересохло...

Он лежит окровавленный, держа собственное сердце в когтях. А в мертвых глазах – все то же презрение...

Я рыдаю. Это слезы стыда и жалости. Но сквозь эту жалость растет новое чувство – глубочайшего уважения к существу, сохранившему гордость ценой собственной жизни...

Рыбалка

- С утра пригласил к себе нашего плотника, заядлого рыбака.
- Петрович, как работается? Как здоровье?
  - Да, все слава богу! А почему спрашиваете? Я не болею, на работу хожу вовремя, все задания выполняю, – забеспокоился он.
  - Вы не волнуйтесь, я просто хотел поручить Вам одно ответственное задание, поэтому и спросил о здоровье. Дело в том, что к нам приехали гости из Баку, друзья и партнеры, надо бы их хорошей ухой из свежей рыбы угостить. Как Вы думаете, получится?
  - А почему не получится? Рыбы у нас на базаре хватает.
  - Да нет! Я хотел, чтобы Вы сегодня поехали на речку и порыбачили, а часам к трем-четырем мы с гостями подъедем и при них сварим настоящую уху. Скажите, что нужно, – мы все организуем.
  - Да у меня все есть: и удочки, и спиннинг, и бредни, и сети, наконец. Только хороший помощник нужен. И машина, чтобы нас довезти до речки.
- На том и договорились. Через час Петровича и еще одного работника уже везли на речку. Когда приехали на то место, где мы хотели поставить палатку, Петрович, выйдя из машины, неодобрительно посмотрел по сторонам, на речку и в небо:
- Место не ахти, но думаю, на уху наловим.

Мы их оставили и уехали на работу. В условленное время я с гостями приехал на берег реки, где уже была установлена палатка и подготовлен дастархан. Рыбаки плавали на лодке. Горел костер, Сергей готовил уху.

Я с гостями пошел вдоль берега и стал рассказывать им о том, как река выручает жителей нашего города, что вокруг нее раскинулись сады-огороды, люди летом купаются, отдыхают, и еще водится здесь очень много рыбы, даже название реки Шортанды в переводе с казахского – «щука».

– Мы сейчас попробуем уху из рыбы, которую Петрович поймал прямо здесь.

Подошел и спросил Сергея про уху.

– Скоро будет готова. Я Вас позову, – ответил он.

Гости отправились кататься на лодке, а я подошел к кастрюле, где варилась уха:

– Много рыбы наловил Петрович? – спросил у Сергея.

– Ни одной, – хитро заулыбался он.

– Как?! А рыба откуда?

– На базаре купили, правда, речной не было – взяли только карасей.

– А я-то думаю, почему это Петрович меня избегает? Вон оно что! Грешным делом подумал, он водки перебрал...

– Если бы пил, рыбы было бы много! Говорит, рыба клюет на запах водки, а мы ему утром ничего не оставили, – пошутил Сергей.

Через несколько минут гостей позвали на уху. Она вышла отменная, все были в восторге и хвалили Сергея за уху, а Петровича – за рыбу.

Только в конце нашего пиршества мой друг, который сидел рядом, тихо, как бы невзначай, промолвил, что впервые ест уху из озерной рыбы, которую ловили на речке.

Я засмеялся и ничего не сказал. А Петрович, которому налили уже не первую рюмку водки, настолько вошел в роль, что руками показывал размеры рыб, которых он сегодня наловил...

*«Женская догадка обладает большей точностью,
чем мужская уверенность»*

Джозеф Редьярд Киплинг

Айрылыг

Чтобы в десять часов утра присутствовать на заседании научно-технического совета управления, мне пришлось выехать в Кокшетау днем раньше. Дорога не близкая, тем более зима – выехали с таким расчетом, чтобы засветло прибыть в город и устроиться в гостинице.

Доехали без приключений. В гостинице выбрали комнаты с пластиковыми окнами: думали, герметичность хорошая, успеем отдохнуть с дороги.

Ожидаемого отдыха не было. Окна моего номера выходили на центральную улицу города, где всю ночь ходили и шумели машины. Спал, затыкая уши ватой, прикрывал голову подушками и одеялом. Утром встал пораньше и начал пересматривать материалы к техническому совету.

Постучался в дверь водитель, пригласил меня в столовую на завтрак, который был включен в стоимость номера. Для небольшой гостиницы размеры столовой впечатляли. Народу практически не было, только за одним столиком сидели женщина и мужчина, по внешности казахской национальности. Женщина сразу же, как мы зашли, радостным голосом сказала: – Мои земляки приехали!

Я эти слова не принял на наш счет и на казахском спросил у Саши про меню. Саша родился в Коканде, неплохо знает узбекский язык и, естественно, понимает многие созвучные слова на казахском.

– Да уже каши нет, только яйца и оладьи со сметаной, чай.
– Больше ничего?! Без каши мы не защитимся сегодня, – пошутил я.

Вдруг женщина спросила меня:

– Вы не из России приехали?

– Нет, мы из Казахстана, из Костанайской области, – ответил я на казахском языке.

– А мы из Омска, здесь по работе.

И дальше она обратилась к официантке:

– Девушка, будьте добры, те каши, которые я заказывала, принесите для ребят, – и стала нам давать советы по выбору завтрака.

Она отнеслась к нам с такой теплотой, что мы расслабились, даже почувствовали себя по-домашнему защищенными. Поблагодарив ее за оказанную заботу, сели за соседний стол завтракать.

Мы чувствовали нескрываемый интерес к нам.

– А кто Вы по национальности? – спросила неугомонная наша соседка.

– Я азербайджанец, а Саша – русский.

– Азербайджанец? Что-то Вы не очень похожи...

– Да уж, какой есть, – шуткой ответил ей, не прекращая поглощать «подаренную» кашу.

Они закончили завтракать, попрощались с нами и ушли. А мы только доели наши каши и начали пить чай, как дальше произошло то, что до сих пор остается для меня необъяснимым.

Наша «таинственная» незнакомка быстрыми шагами вернулась в столовую, подошла к нашему столику, обняла меня за шею, положила голову на плечо и красивым голосом на чистом азербайджанском языке

начала петь знаменитую азербайджанскую песню, которую когда-то исполнял Рашид Бейбурдов – «Айрылыг» («Разлука»).

От неожиданности я чуть не поперхнулся чаем. Она пела так душевно и с нескрываемой горестью – как будто она действительно потеряла своего самого дорогого в жизни человека. От ее пения со мной произошло невероятное... На несколько мгновений я забыл все вокруг и погрузился в свой мир, полный потерь и разлук. Она спела всего один куплет и припев, а потом на казахском языке добавила:

– Пусть никто не болеет и никто не разлучается, всем здоровья и счастья, пусть на земле будет мир, – резко отвернулась и ушла очень взволнованная.

– Саша, что это было? Что с ней? – спросил я, пока не успевший понять, что случилось.

– Наверное, у нее недавно случилась какая-то драма, связанная с этой песней или с Вашими земляками, – чисто мужской вывод сделал Саша.

– Да, Саша, мы с Вами уже почти жизнь прожили, но женскую природу так и не смогли разгадать. Не допив чай, быстро вышли за ней, чтобы догнать и поговорить с ней, но ее уже нигде не было...

Пусть простят меня все те выдающиеся корифеи музыкального мира, которые когда-либо пели эту песню, но для меня таинственная незнакомка стала лучшим исполнителем этого душераздирающего произведения.

*«Попадая в неловкое положение,
уловов судьбы не избежать»
И. Субботин*

Варенье из лепестков роз

Мы собирались на свадьбу – двоюродный брат мамы женил сына.

– Если хотите вовремя успеть, выходите пораньше, – предупредила мама, – пока доедете до Намазгаха, столько времени уйдет! А там еще пешком по руслу реки километров пять-шесть идти. Может, кто-нибудь на лошади подбросит, но, думаю, не стоит на это надеяться: обычно люди едут с грузеными лошадьми. Да вам и самим интересно будет пешком. Там такие красивые места! Я с удовольствием пошла бы с вами, но не могу. Да и если я пойду, быстро оттуда не вернусь: все мои близкие и родные там, пока со всеми встретишься и погостишь. Только вам мешать буду... А, вы хорошо смотрите по сторонам – может, себе невест приглядите, в горах такие красивые девушки...

– Мама, ты же знаешь, у меня чисто туристический интерес. Хочу посмотреть горы и места, где родились и выросли вы с отцом. А искать кого-нибудь не собираюсь. Вот Эльдар старше нас, пусть он и ищет...

– Э-эй! Ты давай кончай людей баламутить. Я туда вовсе не для этого еду. Просто отец поручил, чтобы присутствовали на свадьбе, – возмутился старший брат.

– А я вообще пока никуда не собираюсь, – раздался из нашей комнаты безразличный голос брата-близнеца Физули. Он даже с постели еще не вставал.

– Мама, ты лучше расскажи о наших родственниках: кто есть кто, и у кого нам остановиться на ночлег. Днем-то понятно: будем на свадьбе, а вот потом куда?

– Остановиться можно у кого угодно: у моих или у родственников отца. Да они сами вас разберут по домам... Не забудьте взять с собой деньги на свадьбу и еще отдельно подарок для жениха – подарите ему, когда его выведут танцевать. Я купила. Вот он здесь, – показала мама на сверток на столе, – я упаковала.

Как не торопились, вышли только к одиннадцати часам. Было уже жарко, солнце стояло высоко. Мама, как обычно, бросила нам вслед воды, тем самым благословляя нашу поездку. Из нашей деревни на эту свадьбу собирались многие, но в большинстве своем они уехали на лошадях, кое-кто предпочел идти пешком напрямик по горным тропам, поскольку до села, где предстояла

свадьба, автомобильной дороги не было. А мы планировали часть дороги проехать: добраться на попутном транспорте до горной деревни Намазгах, через которую проходила дорога. Дорогу построили недавно, она пролегла по серпантинам гор. Одним словом, нам предстоял нелегкий путь.

Собравшись мы направились к шоссе. Маршрутные автобусы не ходили, и добраться нужно было на попутках. Ждали машину недолго. Нам повезло: сели на «скорую помощь» на базе УАЗика, которая ехала за тяжелобольным в Лагич, большой поселок в горах.

В машине очень трясло, сидеть было неудобно. По краям машины были установлены лавочки. Даже держаться было не за что. Я ехал и думал о тяжелобольном, которого собирались привезти в районную больницу на этой машине. Здесь и здоровому-то сидеть было тяжело. Ехать было так неудобно, что я даже не мог смотреть по сторонам.

Через час доехали до Намазгаха. Оплатив проезд, мы спустились по серпантину к руслу реки. Как нам объясняла мама, отсюда до Мудруса, где сегодня вечером состоится свадьба, оставалось пять-шесть километров – примерно час ходьбы.

Село Мудруса расположилось на склоне гор по правому берегу горной речки Гирдиман. Мы не торопились, фотографировались возле красивых скал и водопадов и так увлеклись, что забыли о свертке — подарке жениху, и когда подошли к деревне, свертка у нас уже не было.

Свадьба началась вечером, а до этого мы ходили и осматривали окрестности, любовались красивыми видами природы. Потом долго думали, что подарить жениху вместо потерянного свертка. К началу свадьбы вдруг появился и Физули. Хорошо, у него оказались деньги, и мы на месте купили другой подарок.

На свадьбе мы были в центре внимания.

Все наши родственники, о существовании которых раньше мы даже и не подозревали, приглашали нас остановиться у них на ночлег. Между собой шутили, что если мы у кого-нибудь переночуем, то кто-то из нас будет обязан жениться на девушке из этого дома.

После обильного ужина с шашлыком и родниковой водой мы решили отдохнуть. Нас повели в дом по соседству и определили в комнату для гостей. Вход в нее проходил через спальни хозяев. Была еще дверь, как мы подумали – на балкон. Мы устроились на кроватях и, прежде чем уснуть, еще долго слушали музыку свадьбы, шутили и смеялись.

Я проснулся от резкой боли в животе. Живот крутило не на шутку. Мне нужно было в туалет, но куда? В основную дверь нельзя было, поскольку там спали хозяева.

В темноте оделся, открыл дверь на балкон, шагнул и полетел... прямо в крапиву. Оказалось, на балконе не было пола: еще не успели сделать, и торчали только балки.

Такого кошмарного поворота событий я не ожидал. Мало того, что все тело зудело от крапивы, я еще

поцарапал руки и ноги о балки. Когда по балкам поднимался обратно в нашу «гостиную», братья хихикали, в подушку – чтобы хозяева не услышали. Мои следующие заходы уже были обдуманными и прошли более гладко. А утром, когда нас пригласили позавтракать, хозяйка дома мне к чаю подала варенье из лепестков розы, добавив:

– Ты ешь варенье с чаем, тебе поможет.

Я понял, что она, да и, видимо, вся семья, была в курсе моих ночных приключений, поскольку моя мама при расстройстве живота нам тоже давала именно такое варенье.

На обратном пути я спросил у Эльдара:

– Как ты думаешь, откуда хозяйка догадалась, что у меня ночью были проблемы с животом?

– Так ты ж, когда упал, издавал такие стоны, что даже ленивые деревенские коты проснулись!

По приезду домой мама с интересом слушала о моих приключениях и долго смеялась, а потом спросила:

– Ну, вы хоть заметили красивых девчат?

– Мама, после того, что я там натворил, никто за нас своих дочерей не выдаст, – отшучивался я.

Буханка хлеба

Обычный будний день лета. В разгаре полевые работы, они идут на разных участках.

Я отправился на один из них – тот, что в пятидесяти километрах от города. Ехать решил по грейдеру, через село: во-первых, так не заблудимся – водитель еще плохо знает дорогу через степь, во-вторых, меньше пыли наглотаемся, поскольку по степным дорогам она клубами поднимается до небес.

С нами едет опытный топограф, несмотря на преклонный возраст, он подтянут и выглядит намного моложе своих лет. Обычно Юрий Васильевич немногословен, но сегодня его не узнать: шутит, рассказывает истории из своей долгой профессиональной жизни, задает много вопросов о том, как идут буровые работы...

В разговорах мы даже не заметили, как подъехали к селу. Здесь дел у нас не было, и мы, не останавливаясь, поехали дальше. Вскоре впереди показались кресты – дорога проходила мимо сельского кладбища. Когда же машина оказалась напротив кладбищенских ворот, Юрий Васильевич попросил водителя остановиться.

Его глаза, еще несколько минут назад блестящие от оживления, очень изменились: в них теперь читалась

какая-то печальная задумчивость. Я не решался что-либо спросить, боясь нарушить то особое, что было – я это чувствовал – в душе, в мыслях моего попутчика.

Притих и водитель – по-видимому, и ему передалось это ощущение.

Мы молча вышли из машины и последовали за Юрием Васильевичем на кладбище.

Он уверенно шел среди могил – явно бывал здесь не раз. Лишь однажды остановился на мгновение, будто позабыл дорогу, но тут же двинулся дальше. Несколько шагов – и он остановился у неприметной могилы. Поклонился поросшему травой холмику и, кажется, только теперь вспомнив о нас, начал рассказывать...

– Я тогда был еще молодой. Наша партия вела в этом районе геологоразведочные работы, и мы жили здесь неподалеку: поселок геологов примыкал к селу. Во-о-он там он был, – вытянул руку Юрий Васильевич, указывая на возвышенность, где кроме недостроенного коровника ничего не было. – Полевые работы велись и летом, и зимой. На место добирались обычно гужевым транспортом: на телеге, зимой – на санях.

Стоял февраль. Нам нужно было выехать в поле и прогнать теодолитный ход. Вчетвером: наш возничий, две женщины – топорабочие и я, ответственный исполнитель работы, – сели в сани и двинулись в путь. Зимний день был удивительно мягкий. Местами из-под облаков

выбивались солнечные лучи, еще не гревшие землю, но уже предвещавшие приближение весны.

До места работы доехали без приключений. Еще раз объяснив задачу – начал расчехлять прибор. Пока я возился с ним, женщины, взяв рейки, ушли к точкам.

Увлечшись настройкой теодолита, не сразу услышал нашего кучера. А он, размахивая руками, кричал: «Юра, Юра, смотри!».

Происходило что-то странное, непонятное: на нас стремительно надвигалась чёрная масса, неся с собой темноту, снег и небывалой силы ветер. Я даже не успел убрать инструмент, как меня поглотил буран.

Взяв теодолит, я хотел было пробираться к лошади с санями, хотя уже и не видел их в бушующей снежной массе, которая давила на веки, не позволяя хоть что-то рассмотреть. Но двигаться наугад мне не пришлось: лошадь, управляемая кучером, мгновенно сообразившим, что нужно делать, уже проступила из тьмы.

Мне было не по себе, но права позволить растерянности овладеть мною я не имел: как руководитель я должен был принимать решения. И времени на раздумья у меня не было.

Прежде всего нужно было спасти женщин. Я взял лошадь за поводья и, опустившись на четвереньки, двинулся по следам, которые буран еще не успел стереть. Мне повезло: я натолкнулся на них – не успев разойтись

по своим точкам, они встретили бурю вместе и сразу же приняли решение вернуться по собственным следам.

Радости моей не было предела. Я посадил их в сани, и мы развернулись в сторону, где по нашим представлениям должно было быть село.

Держа уздцы, на четвереньках, сменяя друг друга, мы с кучером пытались вести лошадь по дороге, по которой приехали. Наших сил хватило ненадолго.

Сидя в санях, я силился вспомнить дедушкины рассказы о буранах, и вдруг в судорожно работавшем мозгу всплыло: нужно отпустить поводья лошади – она, в отличие от нас, наверняка, не только по следу – по запаху может ориентироваться. И мы отпустили поводья...

Сколько мы так ехали, не знаю: буран все не прекращался – мы совсем утратили чувство времени.

Вдруг лошадь встала. Возничий слез с саней, чтобы узнать причину остановки, и стал пробираться к животному. Вскоре раздались его радостные возгласы: лошадь уперлась в стену какого-то строения. И тут мы почувствовали отчетливый запах еды и поняли: мы спасены – животное привезла нас к сельской столовой. Мы, пробираясь вдоль стены, нашли ее дверь и ввалились внутрь.

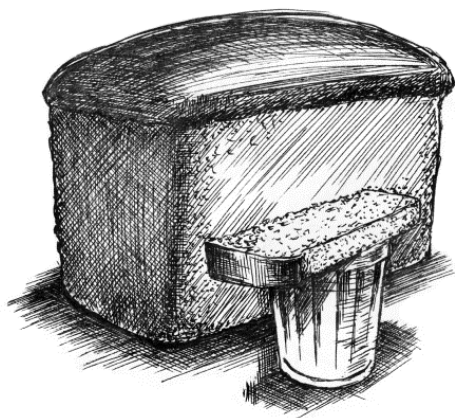
В столовой была только Мария Егоровна, буфетчица, обрадовавшаяся нашему возвращению: «Хорошие мои, как же мы за вас переживали! В 10 часов утра уехали, а уже вечер, буран целый день... Слава Богу: живыми-здоровыми вернулись».

Она налила нам горячего чая. Такого вкусного, такого ароматного мы не пили еще никогда!

Прихлёбывая чай из стакана, кто-то из девчат попросил у буфетчицы буханку хлеба – домой: дети не накормлены.

«Да я уже все раздала людям. Вы пока пейте чаёк, а я мигом в пекарню и принесу», – сдернула пальто с крючка Мария Егоровна и исчезла за дверью. Мы даже не успели возразить, сказать, что сами по пути зайдём в пекарню. Нам осталось только ждать ее. Шли минуты, но она все не возвращалась. Когда ожидание стало затягиваться, нами завладела тревога: что-то случилось...

Ее искали всем селом. Всю ночь. И только утром нашли замерзшее тело на другом конце села. Она потеряла ориентир и ушла совсем в другую сторону...

Когда бываю в этих местах, всегда прихожу на ее могилу – поклониться.

*«Ну не нравятся жертвенным
баранам наши обычаи»
М. Мамчич*

Мясо «косули»

Раннее летнее утро. Город еще не проснулся, на улицах еще почти нет людей.

Ждем гостей из Узбекистана. Отправил за ними машину в Бреды, чтобы встретить с поезда. По моим расчетам, они должны были приехать к семи часам. Это был первый приезд ребят – Ильхома и Икрома, после нашего переезда в новый дом, и к этому событию я купил барана на шашлык.

Мне не спалось, и я вышел во двор, посмотрел вольер, где находился баран. Все было нормально, баран спокойно пережевывал свою еду.

По времени мы не ошиблись, и к семи часам УАЗик с ребятами остановился возле наших ворот. Встречать их ездил мой племянник Асаф, который жил с нами.

После встречи гостям предложили помыться с дороги и позавтракать, но они изъявили желание посмотреть все вокруг – двор, огород. Когда вышли в огород, баран лежал в вольере и не обращал на них никакого внимания.

Тут я подошел к вольеру и, показывая на барана, сказал: – Если вы думаете, что это баран, то глубоко ошибаетесь. Это вовсе не баран, а без пяти минут шашлык.

Как только я произнес эти слова, баран вскочил и начал бегать по вольеру – как будто только понял, для чего его здесь держат, а когда ребята подошли близко к вольеру, чтобы осмотреть его, вдруг он из-под сетки вылетел наружу и побежал в сторону степи.

Пока мы сообразили, что произошло, животное уже было за пределами нашего огорода.

Все четверо кинулись за ним.

Все наши попытки поймать его были тщетны, в течение сорока минут мы носились по степи, несколько раз брали его в кольцо, но каждый раз он вырывался из окружения.

Время было уже восемь часов утра. Силы у всех были на исходе, особенно у ребят после двухдневной дороги в поезде.

Я уже хотел было остановить этот марафон, но очередной бросок Асафа увенчался успехом: он поймал барана.

После, когда он резал животное, шутил:

– Я никогда еще с такой легкой душой не резал барана.

За столом я заметил, что баран напоследок нам всем отомстил и оставил о себе незабываемую память:

– Можно сказать, мы кушаем шашлык из мяса дикого животного – мы же его поймали в степи. И пока мы бегали за ним, он потерял весь свой жир, и по качеству наша баранина сравнялась с мясом косули.

*«В отношении бесстыдного человека
благородство — чрезмерная глупость»*

Публилий Сир

Цена благородства

Взять билеты на самолет в таком провинциальном городке, как Джетыгара, было проблемой. Для покупки билетов транзитом, нужно было заранее их заказывать и ждать неделю-другую, несколько раз ходить в местный аэропорт (билеты продавали только здесь), чтобы узнать, дали места на нужные рейсы или нет. Случалось, что в итоге я оставался без билетов...

В тот раз с билетами мне повезло. Но...

Я собирался поехать в отпуск домой – к родителям. За две недели купил билеты из Кустаная в Баку транзитом через Свердловск (раньше так назывался Екатеринбург).

Поначалу все складывалось удачно. Я своевременно прибыл в Кустанайский (ныне Костанай) аэропорт. И только здесь я узнал, что мой рейс – из Чимкента (ныне Шымкент).

Самолет приземлился. Через несколько минут объявили регистрацию. До вылета оставалось совсем немного, и после регистрации люди сразу шли на посадку. Народу было немного. Я встал в очередь, за мной был майор сухопутных войск с женой и ребенком в возрасте двух-трех лет, который непрерывно плакал и кричал.

Я решил пропустить их, чтобы они смогли успокоить малыша.

Как только они прошли регистрацию, женщина на стойке объявила:

– Регистрация завершена, мест больше нет.

– Как нет?! Я же купил билеты за две недели, у меня транзит через Свердловск. Когда же я смогу поменять билеты?

– Вопросы не ко мне, из Чимкента самолет прилетел полный – мест нет.

Все мои планы в одно мгновение рухнули – за свой благородный жест я был жестоко наказан.

Надо было что-то делать. Думать уже было некогда, я подхватил свой багаж – сумку и портфель – и побежал по коридору, по которому пассажиры шли на посадку.

– Молодой человек, остановитесь, у Вас нет регистрации, Вы не можете идти на посадку, – попытались остановить меня.

– У меня есть билет, мне необходимо лететь, и Вы обязаны посадить меня в самолет.

Я – в руках вещи – выбежал из здания аэропорта и направился в сторону самолета АН-24, который уже готовился к отлету. За мной бежала работница аэропорта и кричала вслед, чтобы я немедленно вернулся, а я не обращал внимания на ее крики и по трапу поднялся в самолет. Бортпроводница остановила меня и сказала, что все места заняты.

– Поймите: хоть стоя, но я должен лететь! Тем более, что у меня заранее купленный билет, ну не может быть, чтобы не было мест.

То ли сдавшись под напором моей дерзости и упрямства, то ли пожалев меня, она отступила:

– Если найдете свободное место, возьмем Вас на борт, если нет – покинете самолет.

– Хорошо, – обрадовался я и побежал по проходу. Действительно, все места были заняты. Но в некоторых креслах сидели маленькие дети, в том числе ребенок военного, которого я пропустил.

Я посмотрел на майора в надежде, что он возьмет ребенка на руки и предложит мне сесть. Тем более что лететь им предстояло недолго. Но майор отвел взгляд в сторону.

«Все пропало! Придется выходить из самолета», – расстроено подумал я, уже готовый сдатьсь. И тут меня окликнула женщина и предложила место, где сидел мальчик лет пяти:

– Да здесь лететь-то всего сорок минут, как-нибудь поместимся.

– Спасибо Вам огромное. Вы меня просто спасли. Я возьму ребенка на руки.

– Не беспокойтесь, он со мной сядет, – настояла моя спасительница.

К этому моменту сотрудница аэропорта только поднялась в самолет, и бортпроводница сказала ей:

– Мы разобрались – он летит с нами.

Прямо в самолете произвели регистрацию билета и оформили мой багаж.

*«Человек отличается от всех других
созданий способностью смеяться»*

Джозеф Аддисон

Брал – не брал

Сергей Степанович был добрым, отзывчивым человеком. Работу свою делал на совесть. Любил выпить. А когда выпьет, всегда говорил стихами – в рифму. А еще красиво рассказывал байки, взятые из жизни.

Помню, когда он не согласился с начисленной ему зарплатой, то пришел ко мне. Я пригласил бухгалтера и попросил сделать ему перерасчет и все проверить. Потом, при встрече, спросил у Степаныча – мы все его так называли:

– Ну? Вам все объяснили?

– Когда Вы меня направили к бухгалтеру, я вспомнил свою молодость. Тогда я жил в деревне и работал в колхозе. Главного бухгалтера колхоза звали Сан Санычем. У него был непререкаемый авторитет. Как он скажет, так и будет. Никто с ним не спорил. Как-то мой сосед дядя Федя зашел ко мне и попросил пойти с ним в бухгалтерию: что-то по итогам года он не только ничего не получил, даже остался должен колхозу.

– Целый год работал и вот тебе на... А как же жить? Пойдем разбираться, ты же грамоте учился, пособишь.

Мы пришли сначала к кассиру, он даже разговаривать не стал:

– Идите к Сан Санычу, он все вам объяснит.

У Сан Саныча собралось много народу со своими вопросами. Он каждого терпеливо слушал и на счетах пересчитывал доходы и расходы. Когда очередь дошла до нас, Сан Саныч неодобрительно посмотрел на меня поверх своих очков с толстыми стеклами: мол, ты зачем пришел?

– Я его попросил, чтобы послушал тебя, а потом мне объяснил, а то я тебя не успеваю понимать.

– Что там понимать?! За год у тебя 200 трудодней, так? Так, – он на счетах перевел двести. – Сено брал? Брал...

Он на счетах вычитал так быстро, что я не успевал следить.

– Сено брал, – поддакнул дядя Федя.

– Отходы брал для свиней? Брал. Поросят брал? Брал, – снова щелкнул он костяшками счетов.

– Какие поросята? Бог с тобой! Ты же сам мне их не выписал, сказал, что уже разобрали, – завопил дядя Федя.

– Допустим, ... не брал, – сказал Сан Саныч и снова вычел.

На счетах вышло, что дядя Федя остался должен.

– Вот видишь, все правильно, иди, дай людям работать.

Вот так считают бухгалтера. Брал – не брал, все равно вычитают...

*«Иногда только промахнувшись,
понимаешь, как ты попал»*
Е. Кащеев

Поддержка

Было воскресное раннее утро. Я уже вернулся со стадиона после утренней пробежки и принял душ. Вечером топили баню и парились, поэтому все еще спали, как говорится, без задних ног. Я старался ходить тихо, чтобы никого не разбудить.

Вдруг звонок в дверь. Никого вроде не ждали. Чтобы долго не звонили, я выбежал во двор и через забор спрашиваю:

– Кто там?

– Я не помешал? – слышу голос Сергея Степановича.

– Мне – точно нет, но надо спросить других, которых, Вы, наверняка, только что разбудили.

– Да я мимо проезжал – на дачу еду. Дай, думаю, зайду, спрошу, может, Вам рассада нужна? А то у меня «неучтенка» есть, несколько штук, – и он затащил свой велосипед с рассадой к нам во двор.

– Степаныч, да Вы что?! Мы свою не знаем куда деть, уже и места нет, чтобы посадить. Кстати, я не понял, а почему «неучтенка»?

– Да от Зины спрятал. Она уехала на автобусе, а я везу рассаду. Сегодня помидоры будем сажать, будь они

неладны. А у меня «трубы горят». Думал, поможете «поправить» здоровье. Не знал, как начать разговор.

– Степаныч, тетя Зина потом на меня будет обижаться. Нельзя с утра...

Степаныч сделал такое лицо, как будто, как он сам выразался, его отключили от аппарата искусственного дыхания.

– Ну, Вы поймите, Степаныч, с утра Вас развезет, а Вам целый день работать надо. Давайте, как обратно будете ехать, зайдете к нам, и мы ситуацию поправим, заодно поможете собрать систему полива в огороде.

К полудню Степаныч уже вернулся с дачи:

– Я там все закончил. Все посадили. Сразу выехал пораньше, чтобы успеть подсоединить трубы.

После работы супруга пригласила Степаныча за стол, а я попросил племянника, который только что приехал к нам в гости из Азербайджана, поддержать его за столом, так как у меня было очень важное дело.

Буквально через десять минут племянник заходит ко мне в комнату и заплетающимся языком говорит:

– Я дальше его не могу поддерживать, я пас... – лег на диван и уснул.

Потом я узнал, что слово «поддержать» он понял буквально и пил наравне со Степанычем.

Пришлось мне идти на кухню и самому «поддерживать» его.

*«Лучше страшный конец,
чем бесконечный страх»
Иоганн Фридрих Шиллер*

«Гостеприимная» встреча

В советское время работать за рубежом считалось большой удачей. Во-первых, заработок был в несколько раз выше, чем в Союзе, во-вторых, можно было привезти с собой разные диковинки, которые невозможно было приобрести у нас. Обычно советские специалисты работали в странах, которые имели с Советами добрые отношения и развивались в основном за счет экономической помощи СССР.

Многие ходили в разные инстанции и просили, чтобы их отправили работать за границу. В мои планы работа за рубежом не входила, но судьба сложилась так, что мне пришлось в 1988-1989 годах работать в Йеменской Арабской Республике.

Я был направлен туда техническим директором – главным инженером проекта по разведке известняков для расширения сырьевой базы цементного завода на юге страны, в городе Баджилъ. Кроме разведки известняков мы также занимались инженерными изысканиями для строительства нового завода. В состав группы входили специалисты: ученые, инженеры, врачи, переводчики, квалифицированные рабочие – из разных союзных республик. Я представлял Казахстан.

Мы жили в специально построенном для советских специалистов поселке со всеми удобствами. Работали шесть дней в неделю, пятница была выходным. Рабочее время начиналось в 6 утра и заканчивалось в полдень, поскольку после 12 часов дня находиться под открытым небом было невозможно из-за жары.

В течение того периода, что я жил и работал в Йемене, со мной и моими коллегами происходили разные события. Главным событием для меня оказалась встреча с женщиной, которая впоследствии стала моей женой. А что касается страны, то она запомнилась мне очень жарким климатом, грязными городами и деревнями, добрыми людьми, бедностью и безграмотностью населения.

Но эта история о другом.

Я прибыл в поселок после обеда. Меня встретили ребята, которые прилетели туда на неделю раньше. Временно поселился в комнате из двухкомнатной секции на первом этаже. Миша, геолог из Москвы, занимал вторую комнату, он с утра уже был на маршруте в пустыне.

С дороги я устал и решил пораньше лечь спать. Странно было то, что в шесть часов вечера уже было темно, и это в начале августа! Но уснуть я не мог, жара была невыносимой, кондиционер еще не успели установить, да и странные звуки мешали.

Долго ворочался и решил написать письмо родным.
Встал, включил свет.

Через минуту ко мне зашел Миша. Он был взволнованным:

– Не спится? – спросил он меня.

– Какой сон, если от жары дышать нечем! И еще эти странные звуки.

– Странные звуки – это термиты, которые пожирают деревянные оконные рамы. Рамы трогать нельзя, уже сыпаться начали. Такие щели, что все что угодно зайдет. Здесь все окна и двери менять надо.

– А смысл? Термиты снова сожрут!

– Вот в других корпусах сразу установили алюминиевые и все хорошо. Но я к тебе зашел не для этого. Как только ты пошел спать, я совершенно случайно в своей сумке обнаружил странное существо, похожее на скорпиона. Так сильно испугался, что не смог хорошо закрыть сумку. Боюсь, что он вылезет, если уже не вылез, там же кругом щели. Зашел к тебе сообщить.

Грешным делом сначала я подумал, что он меня разыгрывает:

– Ты что, Миша? С ума сошел? Какой скорпион?! Это же опасно! Они ядовитые! Как он здесь может оказаться? – я машинально посмотрел по углам комнаты, под кроватью, проверил постель.

– Да я не шучу, в сумке – реально скорпион. Надо его обезвредить прямо там. Иначе в эту ночь мы спать не сможем.

– Я, когда собирался сюда, изучил все возможные опасности для работы и жизни в этой стране. И о скорпионах прочитал, но я не думал, что первую же ночь проведу в комнате со скорпионом. Ну и гостеприимная встреча! Кстати, они ночью активизируются – охотятся, наверное.

Мы вышли в коридор. Миша надел брезентовые рукавицы и осторожно открыл сумку. В сумке мы действительно обнаружили настоящего скорпиона. Он держал свой хвост приподнятым и ждал атаки. Миша быстро закрыл сумку.

– Надо вместе с сумкой его сжечь на костре, – предложил он.

– Зачем-сумку-то сжигать? Давай просто вынесем ее на улицу и вытряхнем. Пускай уходит с богом.

На том и остановились. В ту ночь никто из нас не спал, а назавтра мы переехали в другой корпус, и в наших комнатах начался ремонт.

*«Свершивший да несет
последствия дел своих»
Эсхил*

Култышка

К приезду наших специалистов в Йеменскую Арабскую Республику ремонтировали жилье. Меняли съеденные термитами деревянные окна и двери на алюминиевые, белили потолки, красили стены, стелили линолеум. Я проверял состояние работ и по необходимости делал заявки на стройматериалы.

Маляром работал высокий араб по имени Джамал, на вид лет сорока. У него вместо правой руки торчала култышка. Мне было любопытно, но неудобно спросить его о руке. Он умудрялся использовать култышку для работы и практически справлялся без посторонней помощи, кроме особых случаев, когда что-то надо было переносить. Как все местные рабочие, работал неторопливо. По окончании работы все за собой убирал и меня просил, чтобы я все считал и закрывал под замок. Я был в восторге от его аккуратности и бдительности.

Однажды после работы он пригласил меня на место ремонта и показал кусочки линолеума, которые валялись на полу, спросив:

– Почему их не убирают?

– Они уже все равно никуда не пойдут, потом уберем.

Но Джамал их собрал и попросил меня закрыть их под замок. Я удивился, но сделал так, как он просил.

На следующий день, когда другим рабочим-арабам я привел в пример аккуратность и честность Джамала, один из них мне сказал:

– А Вы не поняли, почему у него вместо руки торчит култышка?

– Нет. Не понял. Думал, может несчастный случай.

– Он работал в Саудовской Аравии и там попался на воровстве, ему по законам шариата отрубили правую руку выше локтя. Поэтому сейчас он очень боится и убирает не только за собой, чтобы на него не пало ни малейшей тени подозрения.

Тогда я подумал: если применить законы шариата у нас, то полстраны ходили бы инвалидами.

Кат

В ЙАР был сухой закон, алкоголь под запретом. Но для специалистов из Советского Союза сделали исключение и при въезде разрешали завозить несколько бутылок крепких напитков. Поскольку эта тема меня не интересовала, когда заезжал, мои коллеги были в недоумении, почему я не привез положенного спиртного.

С приездом нашей группы, особенно буровиков, жизнь в поселке советских специалистов стала веселее в прямом и переносном смысле. В первые же недели из аптек близлежащих городов исчезли бутылочки с медицинским спиртом, а дальше в ход пошли все спиртосодержащие жидкости.

Мы, руководители группы, такого поворота событий не ждали и, конечно, переживали, что это отразится на работе, да и местное население может пожаловаться. Уже были «сигналы» от наших арабских партнеров. Правда, через полмесяца ажиотаж стих. Думали, что у людей деньги, полученные авансом по приезду, закончились.

Однако выяснилось, что дело тут в другом. В кооперативе, созданном специально для оптовой покупки продуктов, с приездом буровиков заказы на сахар увеличились в несколько раз. Стало понятно: в стране, где алкоголь запрещен религией и законом, идет самогонование.

Неоднократные рейды по комнатам самогонный аппарат не выявили. И лишь потом выяснилось, что все было очень просто. Наши «Кулибины», используя принцип работы кондиционера, применяли его с небольшими доработками как самогонный аппарат...

Прошло еще полмесяца. Вместе с геологами на микроавтобусе выехали из карьера, который находился на вершине горы, и направились на цементный завод. Наше внимание привлек пикап, который на высокой скорости двигался по степи.

– Смотри, как едет, как будто за ним кто-то гонится. Наверное, что-то случилось, – предположил геолог нашей группы.

– Мы сейчас спустимся с горы и как раз встретимся с этой машиной, узнаем что там.

Действительно, как только мы свернули на трассу, пикап, вылетев со степной дороги на большой скорости, загородил нам дорогу. Я был за рулем и едва успел отвести машину в сторону, при этом даже немного помял бок микроавтобуса.

Все перепугались, но запомнили номер машины, чтобы сообщить властям.

Машина эта была загружена тюками, упакованными в полиэтилен. Когда по приезду на завод мы рассказали об инциденте арабским друзьям, они объяснили:

– Сегодня же четверг – день, когда все покупают и жуют кат! Эта машина доставляет с гор на рынок листы кустарника. Цена на базаре зависит от того, насколько они свежи. Самые свежие и молодые листы продаются очень дорого. Вам еще повезло – легко отделались: они

всегда очень торопятся, бывает, даже людей сбивают и не останавливаются.

– А что за растение? И зачем его жуют?

– Кат – это кустарник, который выращивают в горной местности, чем-то его посадки похожи на чайные плантации. Кат обладает одурманивающими, возбуждающими свойствами. Практически все мужчины и даже некоторые женщины у нас жуют кат, чтобы расслабиться, – объяснил мне Хаким, который в свое время учился в Москве и неплохо говорил на русском.

– Значит, кат имеет наркотическое свойство. А разве он не запрещен? – спросил я.

– Да что Вы? Ислам не запрещает кат. У нас сам президент кат жует.

– А почему по четвергам? Что это особый день или растение в тот день имеет особое свойство? – с сарказмом спросил я.

– У кого деньги есть, кат жуют каждый день. А четверг — это просто день перед выходным, пятница же у нас выходной день, поэтому накануне все его покупают.

– Сейчас мне стало понятно, почему у ваших людей всегда одна щека полная, оказывается, они так кайфуют. Даже водители за рулем едут с опухшими щеками и красными глазами.

Да, видишь, Хаким, каждый по-своему расслабляется: наши специалисты пьют водку, а ваши – жуют кат, – пошутил я.

*«Самый любимый инструмент
человечества – грабли!»
Александр Примак*

Валун

Для выполнения горных работ на Баджилском цементном заводе нам требовались рабочие из числа местных жителей. Известие о том, что набирают рабочих, как правило, собирало огромную толпу, а требовалось – максимум пять-шесть человек. Мы попросили набирать сильных и выносливых рабочих, но из управления завода пришел человек с готовым списком и зачитал имена тех, кого уже приняли на работу. Устройство на работу обеспечивало местным жителям получение бесплатной первичной медицинской помощи и некоторые другие льготы. Поэтому на работу брали в основном родственников чиновников завода. Потом, в ходе производства работ, у нас возникали проблемы из-за отсутствия элементарных навыков по работе и физической формы рабочих, но деваться было некуда.

На территории завода проходили шурфы, глубиной от десяти до пятнадцати метров. Место строительства завода было древним руслом реки, грунты состояли из песка, гравия и галечника. Чтобы стены не обсыпались, их обязательно надо было закреплять брусками, или хотя

бы досками. Но все это было очень дорого, и нам не выдавали материал, «били» шурфы без крепи. На наши претензии по поводу отсутствия крепи для стен шурфов руководство завода разводило руками, давая нам понять, что безопасность рабочих их меньше всего волнует. Для того, чтобы хоть как-то обезопасить людей, мы уменьшали сечения и глубину горных выработок.

Каждое утро рабочий день начинался с того, что арабы отказывались спускаться в шурф – боялись. У нас, производственников, не было переводчиков, кто как мог, так и изъяснялся.

Знание нескольких восточных языков мне очень помогло быстро освоить арабский, и я мог терпимо понимать и объясняться с местными жителями. Однако мои уговоры ни к чему не приводили, и в конце концов мне приходилось сначала самому спускаться в шурф: мол, бояться не надо. Хотя самому, честно говоря, было очень и очень страшно. К забою сечение выработки уменьшалось. Когда поднимал голову вверх, видел крохотный кусочек неба и узкие стены, которые в любой момент могли осыпаться, и тогда шурф стал бы моей могилой. С высоты прожитых лет мне все это сейчас кажется безумием.

Рабочие сами устанавливали очередность, и один из них спускался вниз. Часто в их глазах мы видели слезы. Оборудование для работы было нехитрое: лопата, ведро, блочок на треноге и канат. Рабочий на забое копал лопатой с коротким черенком, заполнял ведро грунтом и дергал за канат, наверху один тянул канат через блочок, а другой принимал ведро и высыпал грунт в кучу, а наши специалисты прямо на месте проводили исследования. Однажды, возвращаясь с известнякового карьера, я захал посмотреть шурф. Издалека увидел, что наши специалисты Костя и Олег сидят в тени небольшого куста и в тетрадке рисуют.

Арабы ходили вокруг устья шурфа и громко переговаривались. Я начал переживать, думал, наверное, с рабочим, который находился в шурфе, что-то случилось.

Ребята, увидев меня, встали, рабочие тоже остановились. Видно было, что все ждут моего появления.

– Костя, все живы, здоровы? – как обычно спросил я.

– Пока да, слава Аллаху! – ответил Костя, – но у нас возникла проблема. На глубине семи метров рабочий встретил большой валун, который поднять у них не хватает сил. Ты же видишь, они все хилые, да и тренога не выдержит, канат порвется. Не знаю, что дальше делать, вот остановились. Ты начальник – ты и решай.

– Костя, причем здесь начальник?! У тебя есть предложение?

– Для того, чтобы поднять валун, необходимо установить мощную треногу и блочок, заменить канат, конечно же, попросить других, более сильных рабочих. Но ты же знаешь, что на это уйдет уйма времени, а у нас его почти нет. Мы с Олегом подумали, может валун вообще не поднимать. Для исследования он нам не нужен, надо только измерить размеры и оставить в шурфе, а затем потихоньку подкапывать и опускать ко дну.

Я обратился к Ахмеду, старшему среди рабочих, и объяснил суть предложения. Кто-то из рабочих с рулеткой спустился в шурф и оттуда крикнул размеры: где шестьдесят, а где-то всего тридцать сантиметров. Мы прикинули, на том и порешили – будем продолжать проходку. Сначала все шло хорошо. Но в один прекрасный день мне сообщили, что на забое встретился камень еще больше и, чтобы продолжить работу, нам необходимо для начала поднять первый.

Я еще раз убедился в правильности народной мудрости: не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. Нам пришлось уже из глубины не семи метров, а одиннадцати поднимать валун, что потребовало больше сил и времени.

*«Истина далеко не всегда на
стороне большинства, но она
всегда на стороне здравого смысла»
Андрей Мэрко*

Нечистая сила

Недалеко от карьера Баджилского цементного завода для проведения буровых работ бульдозером прокладывали извилистую дорогу для прохождения буровой установки на гору Хай, которая целиком состояла из известняков.

Рядом с горой находилась деревня. Внешне все домики были практически одинаковыми – построены из темного камня-известняка, почти без окон, в виде куба, как главное святилище ислама – Кааба.

В деревне не было ни единого дерева, все вокруг тонуло в пыли, царил нищета.

Как обычно, утром наших специалистов и местных рабочих развезли по объектам, а я на микроавтобусе заехал в лабораторию и после направился к горе, где работал бульдозер. Когда подъехал, увидел скопление деревенских мужчин возле нашего трактора на склоне горы. У всех в руках были камни. Наши специалисты сидели на кузове машины.

Я подошел к ГАЗ-66 и спросил у мастера:

– Что случилось?

– А черт его знает! Языка-то их мы не понимаем. Стоят уже почти час с камнями, и мы боимся выйти из машины.

Наверное, гора для них святое место, а может быть там их кладбище? Не хотят, чтобы мы разворошили.

Слышу со стороны арабов голос:

– Ля, Ля («Нет, нет» по-арабски).

– Опять лялякают. Если не боитесь, идите и поговорите.

Я пошел к арабам и поздоровался:

– А салам у алейкум.

– Уалейкум а салам, – хором ответили они.

Спросил, в чем проблема. Седоволосый араб, видимо, самый старший из них, обратился ко мне, как к старому знакомому:

– Я тебя знаю, ты мусульманин. Мы с тобой кушали одну лепешку пополам, и ты должен нас понять.

В нем я узнал пахаря, с которым познакомился в поле, звали его Мухаммедом. Он пахал свой участок земли. Тогда я попросил у него разрешения сфотографироваться с плугом и волом – держал за плуг, шел за волом. После угостил его белым хлебом, а он мне дал ломтик деревенского черного хлеба из дурры (растения внешне очень похожего на кукурузу). Для хлеба они использовали муку из зерна «колосьев» в виде веника, выросших в верхней части дурры. Остальную часть они применяли как корм для скота, в хозяйстве, даже для строительства жилища (в виде шалаша).

Помню, он еще у меня попросил свиную тушенку. Я удивился, мол, мы, мусульмане, не употребляем свинину, зачем тебе? Он объяснил: знахарь сказал,

что в теле его сына поселился шайтан и это можно вывести, только накормив его мясом нечистой силы, кем является для них свинья.

Конечно, у ребят попросил и передал ему банку тушенки. А наших ребят шуткой успокаивал:

– Зато можете быть спокойными, поскольку вы питаетесь мясом нечистой силы, в ваших телах шайтанам делать нечего.

Я спросил у Мухаммеда о здоровье его сына.

– Все хорошо. А мы хотели собрать камни для строительства дома, которые как раз ваша техника откопала. Боимся, что ваши специалисты не разрешат. На самом заводе камни стоят очень дорого. Завтра здесь уже ничего не возьмешь, будут солдаты с ружьем.

– Уважаемый Мухаммед, а наши специалисты подумали, что вы вооружились камнями и не хотите пускать их работать здесь. Мы не располагаем этими камнями и не охраняем их. Наша задача проложить дорогу и пробурить скважины. Вы только не мешайте нам работать, остальное нас не касается.

Инцидент был исчерпан и трактор начал работать, а местные жители собрали все камни, которые валялись на склоне горы.

И действительно, через день там уже стоял солдат с оружием и охранял гору, трактор и заодно наших специалистов.

*«По существу своему традиция —
это сохранение того, что есть»*

Ханс Георг Гадамер

Самарканд

Раньше я даже и не мечтал побывать в Самарканде, но судьба сложилась так, что он стал для меня родным и я полюбил этот город.

Здесь чуть ли не каждый камень – носитель истории, кругом памятники старины неслыханной красоты и величия, оживляющие перед глазами средневековую историю своим видом.

Они доносят до наших дней все самое лучшее, чего добилося человечество в своем развитии – стремление к совершенству, созиданию. Каждый из них по-своему уникален еще и потому, что чем больше их посещаешь и о них узнаешь, тем больше они становятся загадочными и таинственными.

Звездное небо Самарканда неповторимо. Кажется, что там звезды ближе и светят они ярче. Не удивительно, что именно в этом городе вырос и построил свою обсерваторию знаменитый ученый-астролог Улугбек, любимый внук Тимура.

Для меня Самарканд, кроме того, что там живут родные мне люди, особенный еще тем, что туда приезжала моя мама, и она была в восторге от него. Каждый раз, когда мы семьей гостим у родных и ходим по городу, я вспоминаю высказывания мамы о тех местах, которые ей больше нравились.

Люди здесь замечательные и особенные.

Гостеприимство, почитание старших, приверженность к историческим национальным традициям, семейным ценностям, терпеливость – вот малая толика из того, что характеризует этих людей.

Когда я впервые попал в Узбекистан, особенно в Самарканд, меня, поразило то, что большинство людей были одеты в национальную одежду, и не по случаю, а

просто так – это неотъемлемая часть каждодневной жизни обычных людей.

В семьях жена и муж обращаются друг к другу на Вы, самобытность культуры застолья, узбекская кухня, обряды свадеб – невозможно перечислить всего того, что было для меня открытием.

И еще здесь люди очень веселые. При каждом удобном случае могут пошутить, рассказать анекдот про Насреддина.

Когда первый раз в Самарканде меня угощали зеленым чаем, младший брат супруги Шухрат прежде,

чем разливать, начал переливать чай из чайника в пиалу и обратно несколько раз. Я удивленно посмотрел и спросил, что он делает. Он спокойно, без эмоций ответил:
– Полоскаю свою пиалу.

Когда он увидел, что я принял все за чистую монету, рассмеялся и объяснил:
– Зеленый чай сначала надо несколько раз переливать в пиалу и обратно, или, как говорят в народе, туда-сюда делать, чтобы заварился.

А когда подавали самаркандский плов, дедушка говорил собравшимся за дастарханом:
– Перед каждым, под пловом на дне блюда, есть надпись, кто первым прочтет, тот получит приз. А чтобы прочесть, надо покушать плов и «очистить» свою половинку табака.

Многие верили, и я поначалу...

Лечение

Бурхан, брат жены, работал заведующим хирургическим отделением районной больницы. К нему народ шел со всеми своими болячками, а он старался по мере своих возможностей всем помочь.

Как-то на приеме в поликлинике перед его кабинетом в коридоре толпилось много народа. Кроме того, что он вел прием, его еще без конца приглашали в хирургическое отделение для консультации.

Когда он в очередной раз выбежал из кабинета, то в очереди встретил дальнего родственника – старика из кишлака. Доктор поздоровался и поинтересовался его здоровьем. Чтоб хоть как-то уделить ему внимание, заранее дал ему термометр и второпях объяснил, как использовать, а сам убежал в отделение. Думал, вернется и сразу его осмотрит, а когда вернулся, старика уже не было...

«–Обиделся, наверное, не дождался и ушел», – подумал доктор.

Через неделю они случайно встречаются на базаре, и Бурхан уже был готов выслушивать упреки в свой адрес, а старик возвратил ему термометр со словами благодарности:

– Спасибо доктор, возьмите, мне очень помогло и у меня все боли прошли.

Бурхан улыбнулся и забрал термометр.

Оказалась, что старик использование термометра принял за лечение и неделю ходил с ним.

*«Я спасал себя сам – самоанализ,
самодисциплина, самообразование,
самосовершенствование»*

Омар Хайям

Сам постирал

В нашей семье было двуязычие. Кроме азербайджанского мы говорили на местном диалекте фарси. Русский язык в деревне не знали.

Когда я закончил университет на родном языке и приехал работать в Казахстан, у меня возникали трудности на работе из-за плохого знания русского языка. Нашлись люди, которые ставили меня в неловкое положение, смеялись над моими выражениями. Я очень злился и обижался. А через два года практики, когда я сдавал вступительный экзамен по истории в аспирантуру в Свердловском горном институте, не смог вспомнить название работы Ленина и сочинил на ходу:

– В произведении «Пусть будет мало, но хорошо будет» сформулированы принципы подбора кадров.

Профессор засмеялся:

– Молодой человек, произведение товарища Ленина называется иначе – «Лучше меньше, да лучше».

Поставили мне все-таки хорошую оценку, поскольку я знал материал, и в уме переводил с азербайджанского.

Прошли годы.

В семье супруги наоборот все, кроме мамы, говорили на русском языке, дети учились в школах и институтах тоже на русском. Когда бывали в Узбекистане, родственники старались говорить со мной на русском, хотя я неплохо понимал и говорил на узбекском языке.

Однажды в райцентре Лаиш Самаркандской области у родных собрались гости. Один из гостей, тоже родственник, в целом сносно говорящий на русском языке, хвастался ухоженностью своей машины, а я в свою очередь похвалил его за чистоту двигателя.

– Сам постирал, – гордо ответил он.

А я не мог удержаться и, попросив прощения, забежал в комнату, упал на диван и долго заливался смехом.

Вот так... Все в жизни повторяется...

*«Хотели, как лучше,
а получилось как всегда»
В. С. Черномырдин*

Искренность людей – подкупает

В очередной поездке мы должны были возвращаться из Самарканда в Ташкент, мой свояк предложил отвезти нас на своей машине. Мы не смогли отказаться и согласились, а когда выехали на дорогу, поняли, что поторопились с согласием. Нас было четверо: я с супругой, и он тоже, еще наши чемоданы, а машина маленькая. Получился перегруз.

Мы ехали очень медленно и на дорогу потратили почти в два раза больше времени, чем обычно, а наши родственники в Ташкенте, которые собрались и ждали нас, звонили непрерывно – не могли понять, в чем дело. Перед Ташкентом нашу машину остановили на полицейском посту. Когда свояк выходил из машины, я острил:

– Видимо, создаем помехи для движения транспорта – едем очень медленно.

Я не услышал начало его разговора с полицейскими, но слышал, как он требовал от них показания радара.

Оказалось, что полиция обвинила его в превышении скорости. Это было кульминацией всего того, что происходило во время нашей поездки. Я уже не смог удержаться и очень долго смеялся.

*«Юмор – это добродушное
созерцание и художественное
изображение нелепости жизни»
Ликок С.*

Вторая кровать

В свое время, поверив в меня – двадцатипятилетнего парня, назначили руководителем предприятия союзного подчинения.

Моим непосредственным начальником был М. И. Хазанов. Он всегда поддерживал меня, тем самым сыграл важную роль в моем становлении как человека, специалиста, практика. Был в меру строг, но при этом наделен особым чувством юмора, и мы не всегда могли определить границы его юмора.

Помню, как-то позвонил ему по работе. Поздоровался, спросил:

– Как Ваши дела, Михаил Израилевич!

– Ты что, уже моими делами стал интересоваться? – ответил он вопросом на вопрос.

Очень растерялся и не знал, как дальше вести диалог.

Как-то в середине девяностых годов прошлого века я пригласил его из Москвы к себе в гости.

Побыл он у меня почти неделю, и мы повезли его на самолет в Кустанай. Когда приехали в аэропорт, узнали, что рейс в Москву по техническим причинам откладывается аж до следующего дня. Он решил остановиться в гостинице, рядом с аэропортом, и мы пошли туда.

В регистратуре заявили, что одноместных номеров нет, остались только двухместные.

– Вы можете меня одного в двухместный номер заселить?
– спросил он.

– Проблем нет, только Вам придется оплатить и за второе место, там же две кровати.

– Но тогда Вам придется меня разбудить ночью.

– Зачем? У Вас самолет ночью? – озабоченно спросила девушка.

– Нет, самолет у меня завтра. Понимаете, Вы должны меня разбудить ночью для того, чтобы я смог перелечь на вторую кровать, за которую заставляете меня сейчас платить.

Мы все засмеялись, девушка задумалась, но деньги все-таки взяла.

*«Юмор – это улыбка человека, знающего,
как мало оснований для смеха»*

Жюльен де Фалкенаре

Гид

Когда бывали в гостях у своих родных, всегда старались навестить всех близких и друзей, полюбоваться красотами природы и, конечно же, вспомнить детство и юность, встретиться с одноклассниками, однокурсниками и друзьями детства. Каждая поездка запоминалась чем-то особенным – встречами, событиями, иногда, к сожалению, потерями...

Был июнь. Время сенокоса. Мы в гостях у мамы в Азербайджане. Природа в это время здесь раскрывает всю свою красоту так, что глаз оторвать невозможно. В этот раз с нами была мама моей супруги из Узбекистана. Мы собрались проехать до Лагича, средневекового населенного пункта городского типа, расположенного высоко в горах. Там еще со старых времен действовала канализация, водопровод, стены домов и сами улицы выложены из речного камня. Лагич славится своими знаменитыми деятелями науки, культуры и мастерами по изготовлению медной посуды – мы в этом убедились, когда шли по улицам и заглядывали в витрины мастерских. И еще девушки ткут здесь очень красивые ковры, которые отличаются своими самобытными и неповторимыми узорами, ярким колоритом.

Местное население говорит на своем языке, похожим на диалект фарси.

Прибыв в Лагич, мы спросили, где находится краеведческий музей, и решили, пока не устали, первым делом побывать там. И как оказалось, не зря – в музее столько редких и интересных экспонатов, что время в нем пролетает незаметно и остаются незабываемые впечатления.

В музее с нами произошел курьезный случай. Зашли в музей, кстати, совершенно бесплатно. Нам представился директор музея, молодой мужчина лет сорока.

Он решил лично ознакомить нас с экспонатами. Но прежде чем начать экскурсию, он спросил у моего старшего брата:

– Откуда гости приехали?

– Есть из Узбекистана, есть и из Казахстана.

Посмотрев на мои светлые волосы, он начал говорить на русском с таким сильным акцентом, что понять его было очень трудно. По его лицу было видно, что разговор ему дается нелегко. Но его манера разговора была такой занятой, что я не стал его перебивать, спокойно слушал и снимал на видео. Вопросы тоже задавал на русском.

После того как бедный директор-гид устал от разговора на непривычном для него языке и остановился, я на чистом местном диалекте фарси, который знал в совершенстве, задал ему вопрос. От удивления у него челюсть отвисла, он закашлялся и с укором посмотрел на моего старшего брата, с которым, видимо, был знаком:

– А ты говорил, что они приехали из Казахстана. Я полчаса мучаюсь и кривляюсь перед гостем, а он даже тати (они так называют свой диалект фарси) знает.

– Так ты же не поинтересовался, на каком языке нужно говорить! Сам начал, – засмеялся брат, – зато потренировался.

– А мне очень понравилось, и я хочу Вас поблагодарить за очень содержательную экскурсию, – сказал я на русском.

На его лице засияла улыбка.

Два работника

Трудовая биография складывалась так, что мне смолоду пришлось быть руководителем, поэтому по долгу службы нужно было вникать во все тонкости производственного процесса и организации труда. Иногда я вел приватные беседы с рабочими. И часто в таких беседах мне очень помогала притча, которую рассказал мне наш слесарь Степаныч. Я запомнил ее и пересказывал всем, кто недорабатывал, не успевал, жаловался на низкий заработок... Случалось, что встречи с отдельными бригадами я начинал с этой притчи и сразу многие вопросы отпадали.

У одного барина трудились два работника. Одного звали Иван, а другого – Петр. Однажды Петр пришел к барину и спрашивает:

– Барин, хотел бы я узнать, почему ты Ивану платишь десять рублей в месяц, а мне всего один рубль. Вроде мы оба одинаково крутимся, бегаем.

– Петр, давай продолжим разговор попозже, сейчас времени нет. Видишь, обоз идет? Пойди узнай, в чем дело.

Барин только сказал, Петр пулей выбежал навстречу обозу и вскоре вернулся с ответом:

– Овес везут.

– А куда?

– Сейчас узнаю, – и Петр побежал обратно.

Поговорил с теми, кто сопровождал обоз, и бегом вернулся обратно.

– На базар везут, ваше благородие, – тяжело дыша, доложил он.

– Почему продавать-то собираются?

– Я мигом узнаю, – снова кинулся Петр к обозу, который уже находился на приличном расстоянии от имени барина.

Петр вернулся уставший, запыхавшись, доложил:

– Да вроде не дорого.

– Ты же знаешь, что нам нужен овес для лошадей, можно бы и купить.

– Постараюсь их догнать, – и Петр отправился догонять обоз.

Вернулся он через час, без обоза и без овса.

– Ваше благородие, не догнал я их.

– Да, я понял, Петр. А сейчас хотел бы ответить на твой вопрос по поводу разницы в ваших с Иваном жалованиях. Если бы к обозу я послал Ивана, он сразу же узнал бы куда идут, что везут, почему продают и привел бы обоз на наш двор.

Тихо, без вопросов, Петр удалился.

«Борьба есть условие жизни: жизнь умирает, когда оканчивается борьба»

Белинский В. Г.

Фонари

28 января 1993 года можно считать моим вторым днем рождения.

В тот день мне нужно было поехать в Оренбургскую область, в город Ясный – по работе. Зимой мы обычно выезжали пораньше, чтобы добраться засветло. Но в этот раз выезд почему-то затянулся, и только в 2 часа дня мы: я, водитель Сергей и наш экономист Катя – смогли двинуться в путь.

День хотя и выпал морозный, но был тихий и солнечный. Только в пути мы обнаружили, что многие дороги задуты снегом, и по совету жителей Адамовки свернули, чтобы ехать в Ясный через Осетиновку.

Проехали поселок и вышли на грейдер. Дело шло к закату. Чем дальше мы ехали, тем сильнее дорога была занесена снегом. Приходилось проезжать заносы с разгона, и несколько раз мы вынуждены были откапываться и толкать машину.

Так мы ехали до тех пор, пока не уткнулись в занос, конца которому не было видно. Наши промеры показали такую глубину снежного покрова, какая была не по силам Уазику.

Взглянув на спидометр, мы прикинули, что до Ясного еще километров двенадцать-пятнадцать.

Уже стемнело. Сцепление машины забило снегом. Ни дальше ехать, ни обратно вернуться. Мы с Сергеем обследовали окрестности и решили поставить наш УАЗ в кармашек у дороги.

По расчетам Сергея бензина нам хватило бы максимум на час или два. Чтобы экономить горючее, решили каждые полчаса глушить мотор минут на тридцать. Но как только двигатель затихал, машина моментально остывала, становилось очень холодно. Мы терпели, поскольку другого выхода не видели.

В душе стала нарастать тревога. Я беспокоился не только за себя, но и за моих попутчиков – на меня, их руководителя, давил груз ответственности за жизнь этих людей. Решил еще раз осмотреть все вокруг и вышел из машины.

Мела поземка. Ночь была темной – хоть глаз выколи. Стал напряженно всматриваться в густую темноту, и вдруг мне показались какие-то огни справа, как будто населенный пункт. Через минуту, когда глаза привыкли к темноте, я уже точно решил: там – деревня. А чуть в стороне четко видел одиноко светящийся фонарь: видимо «водокачка», – подумал я.

Внезапно в голове возникла мысль: надо идти в эту деревню и звонить в Ясный, чтобы к нам отправили вездеход – село-то вот оно, рядом!

Я стал напряженно вслушиваться в морозную тишину и как будто уловил что-то – будто где-то лопасти вертолетного винта режут воздух. Значит, Ясный – недалеко!

Вернулся в машину и поделился своими мыслями с коллегами. Они не стали возражать, и я принял решение идти в деревню.

Для начала определился с ориентирами: справа деревня, прямо – условная «водокачка», сзади – фары нашего автомобиля, – и отправился в путь.

Меня окружала такая тьма, что можно было хоть что-то разобрать только на расстоянии вытянутой руки.

Держа курс на мерцающий свет деревенских фонарей, я шел напрямик, даже не пытаясь выбрать дорогу – просто не видел, что у меня под ногами.

Идти было тяжело. Снег был глубокий, покрытый настом. Местами на моем пути выросли снежные барханы, но я упорно преодолевал их, двигаясь только вперед – к пятну электрического света.

Не знаю, сколько так шел, пока вдруг под моими ногами не разверзлась земля. Полетел куда-то вниз, совершенно потеряв ориентацию в пространстве – всё вокруг меня смешалось. Руки судорожно хватили пустоту и цеплялись за проглатывающую меня снежную массу.

Я задыхался от смеси морозного воздуха и снега, обжигающей горло.

В детстве, когда шел сильный дождь я тоже падал в яму в собственном дворе. Мне тогда было года четыре... может пять. Бултыхался в грязной ливневой воде и пытался выбраться, отчаянно цепляясь за скользкие бортики ямки, но все мои старания были напрасны. Ямка все больше и больше наполнялась водой... Мои крики никто не услышал – все были дома. Видимо, там никто не догадывался о моем отсутствии, поскольку детей в семье было много. Когда уже мои силы были на исходе, меня спасла двоюродная сестра, случайно зашедшая к нам во двор. А сейчас кроме себя мне не на кого было надеется. Понемногу приходя в себя, я продолжал барахтаться в этом снежном озере, пытаясь найти его берег. Чувство времени пропало: не представляю, сколько это продолжалось, но тогда мне казалось – вечность.

Наконец, я нащупал руками землю, уже понимая, что угодил в какую-то яму, и мне нужно найти пологий склон, чтобы выбраться из этой снежной ловушки. К счастью для меня, в том месте, куда выгреб, уклон был не слишком крутым, и с некоторым трудом, но все же смог выползти на поверхность.

Отлежавшись минуту, чтобы немного отдохнуть и успокоить колотящееся сердце, встал на ноги, ликуя, что смог выбраться. Отряхнув одежду и шапку, почистив очки, которые к моей несказанной радости не потерялись и остались у меня на голове и на носу, выбив из ботинок снег, готов был продолжить путь. Но оглядевшись, пришел в ужас – огоньков деревни и водокачки нигде не было. Как не было и света фар, который оставался за моей спиной. Только в небе холодной величавостью искрились далекие звезды.

Я потерял ориентир... и остался в полной власти безжалостной морозной тьмы...

Воспаленный мозг тут же стал рисовать страшные картинки моего ближайшего будущего, и ужас холодными лапками сжал душу. Неужели это конец?!

– Без паники! – остатками благоразумия стал гнать от себя мысли, которые – я понимал это – парализуют мою волю и лишают последних сил.

Мне удалось взять себя в руки, стал думать. Темнота была настолько густой, что не мог увидеть даже собственные следы, чтобы можно было вернуться по ним обратно. Впрочем, делать это все равно было бы неблагоприятно –

мой путь прошел через снежную ловушку, и в этот раз могу уже не выбраться из нее.

Опустился на колени и склонился к самой земле, изучая отпечатки собственных ботинок на снегу. Кажется, с того момента, как выбрался из ямы, моя траектория не изменилась – по инерции двигался вперед!

Восстановив направление, пошел по мысленно нарисованной прямой. Я все шел и шел.... Усталость все больше овладевала телом, уже не чувствовал мороза, наоборот, мне было жарко, даже вспотел. Руки сами собой стали расстегивать пуговицы на куртке. В ботинках было полно снега – он легко попадал внутрь, потому что защелки, державшие ремешки, давно расстегнулись – их раскрыли края твердого наста, когда проваливалась нога.

Мне казалось, что меня преследует какое-то животное, и даже слышал его дыхание. Хотя идти по снежной корке, проваливаясь каждым шагом, было очень тяжело, я почти бежал.

В темноте наткнулся на что-то – как будто на крышку вкопанной в землю ёмкости. Наклонился и действительно увидел крышку, лежащую рядом с ямой. И таких крышек и ям обнаружил несколько. Испугался, решив, что попал на заброшенный военный объект – вокруг Ясного много военных точек, повернул направо и побежал еще быстрее. Ветер усиливался. Вдруг споткнулся, и упал лицом в снег. От усталости встать не торопился. Лег на спину, расслабился и смотрел на сверкающие звезды, прислушивался к тишине. Где-то слышен был тот же звук, похожий на шум

лопастей вертолета. Стало клонить ко сну. Перед глазами появился наш деревенский дом, где зимой в общей комнате устанавливали печку – «буржуйку». Увидел возле буржуйки моего покойного отца, он что-то рассказывал. Мне захотелось поближе к печке, хотел втиснуться между нею и отцом. Он меня не пустил. Но я уже чувствовал тепло от печи и тонул в этом тепле. Перед глазами появился тот же фонарик, который часто снился в детстве, вокруг которого я порхал, как бабочка, ужасно боясь обжечься. Вдруг отчетливо услышал голос мамы: «Сынок, не спи, вставай, обожжешься» – и вздрогнул, как будто по телу ток прошел. Понял, что засыпал, и мои ангелы-хранители – родители пытались помешать мне, спасая от явной смерти.

Открыл глаза. Далеко в небе сверкали звезды. Мой взгляд, устремленный в эту вечность, проскользнул сквозь какие-то линии и удивленно вернулся к ним. Провода?! Всмотрелся – точно: надо мной шли провода электролинии. Усилием воли заставил себя сесть, застегнул замочки ботинок, пуговицы куртки и стал бить себя по щекам, по бедрам, по груди.

Глупый конец! Нет! Не хочу так умирать! Собрал волю в кулак и поднялся на ноги. Обернулся по сторонам и увидел фонарик. Неужели опять сплю, опять сон... Закричал. Нет, это не сон, я слышу свой голос. Может быть, электролиния ведет к этому фонарю? Тут же вспомнил, что рядом с нашим УАЗиком тоже про-

ходила электролиния – «десятка». Но если это наша машина, почему горит только одна фара?

– Наверно водокачка, но почему ее свет только сейчас появился? А где справа свет фонарей из деревни? – сам себе задавал вопросы.

Стал внимательно присматриваться, чтобы определить направление проводов, и нашел первый столб. Решил идти по линии в сторону фонаря. Шел почти по пояс в снегу и, чтобы не сбиться, внимательно следил и за проводами, и за фонарем.

Мой лучик света жизни – фонарь вдруг погас. Остановился, но стоять было нельзя – без движения холод сковывал. И я пошел.

Через какое-то время уперся в холмик и начал вскарабкаться на него на четвереньках. Оказалось, что взобрался на грейдер. И тут недалеко от меня – чуть справа – вспыхнул фонарь и раздался звук мотора. Не может быть! Это был наш УАЗик!

Когда открыл дверь машины, мои попутчики встретили меня радостными возгласами. Они тоже чувствовали, что зря меня отпустили.

Переоделся, благо всегда брал с собой запасную одежду, и стал отогреваться. Рассказал свои приключения попутчикам. Как оказалось, я отсутствовал около полутора часов и сделал большой крюк. А только одну фару увидел потому, что смотрел на машину под углом. Тому, что свет то появлялся, то снова исчезал, тоже нашлось объяснение – как договаривались, Сергей

каждые полчаса глушил мотор и свет для экономии бензина. Яма, в которую я провалился, по-видимому, была небольшим карьером, который выкопали дорожники, чтобы взять щебенку.

Не прошло и двадцати минут с момента моего возвращения, как наша машина заглохла, и погасли фары. Сергей вышел, поднял капот, посмотрел и объявил, что сел аккумулятор и машину завести уже не получится. Если бы я опоздал с возвращением на полчаса, уже не смог бы найти наш УАЗ – верная гибель. Вот тебе и везение!

Сергей снял с двигателя кошму и укрыл Катю – нашего экономиста, сидевшую на заднем сиденье, а мы с ним, чтобы было теплее, уперлись спинами.

Машина остыла моментально. Ветер усиливался. Чтобы не уснуть, мы по очереди окликали друг друга. Время приближалось к полуночи....

– Машина! – вдруг услышал голос Сергея.

Видимо, вздремнул и не совсем понял, о чем он говорит:

– Какая машина? Дороги-то нет.

– Ну, смотрите же, вон фары приближаются!

Действительно, по дороге со стороны села Осетиновка, шла какая-то техника.

Мы быстро вылетели из остывшего Уазика, встали посреди дороги и начали махать руками и кричать. Я уже отчетливо видел, что это вездеход «Урал». Он резко тормознул перед нами и из машины вышел высокий

человек примерно нашего возраста и накинулся на нас с криком:

– Обалдели что ли? Я же мог вас раздавить!

– Помогите, пожалуйста, мы в беде. Нам до Ясного надо.

– Да вы с ума сошли! По этой дорожке уже давно никто не ездит, и дорога не чищенная... Как я вам помогу? Если я вас возьму на буксир, то либо по снегу ваша машина перевернется, либо вас потеряю и не почувствую.

– Ну, пожалуйста, давайте попробуем. Если что-то случится, можете ехать дальше без нас, – уже согласные на любой риск, лишь бы не оставаться здесь.

– Нет, я так не могу, – уперся он, а потом неожиданно спросил: – У вас водка есть?

– Бутылка.

– Идите и пейте, а то замерзли, говорить не можете, – удивил он нас. – Буксировочный трос есть?

– Есть, – показал уже приготовленный трос Сергей.

Оказалось, что он едет из районного центра Домбаровки в город Светлый через Ясный, груженный мукой. С ним был попутчик.

Мы подцепили наш УАЗ к «Уралу». Но когда сели на свои места, поняли, что у нас ситуация намного хуже, чем мы думали. Двигатель не работал, и не было подогрева стекол, которые от тепла нашего дыхания полностью покрылись наледью.

Мы быстро сообразили, что делать – мне нужно было своим носовым платком на лобовом стекле вычищать щель перед глазами водителя, чтобы он мог

хотя бы ориентироваться во время буксировки. Но как бы быстро я не работал руками, чистить стекло не успевал – оно моментально покрывалось наледью. Так мы ехали за «Уралом» около получаса. Машину кидало как игрушку, и Сергей едва успевал поворачивать руль, чтобы мы не перевернулись.

Неожиданно мы остановились. Думали, трос порвался. Присмотрелись – «Урал» буксует. Вышли из машины в ожидании упреков от водителя: мол, из-за вас забуксовал. Ан нет, он молча вышел из кабины, взял лопату и подчистил под задними колесами, а потом с кузова снял пару мешочков и высыпал под колеса. Я грешным делом подумал, он сыпал муку, но оказалось, что он специально возил с собой песок в мешочках. Шофер бывалый.

Продолжили путь, Сергей через щели на лобовом стекле уже отчетливо видел огоньки Ясного. Вдруг у нас порвался буксировочный трос. Мы подумали, что «Урал» уедет, но он остановился, и мы заново подцепились.

Когда въехали в город Ясный, было 2 часа ночи. Нас оставили возле гостиницы, а я в знак благодарности дал водителю деньги, тогда еще советские – 2000 рублей.

Когда он прощался, спросил:

– Водку выпили? А то я взял бы с собой.

Когда мы встали утром и выглянули в окно, машины нашей не было – коллеги и друзья забрали на ремонт.

Вот так завершилась одна из наших зимних поездок.

Потом было еще много других...

*«Ни один человек не встретит
вас так, как собака!»*

Рапорт

Интересное животное собака – понимает на всех языках мира, не делит людей по расам, по национальным, религиозным и другим признакам и дружит со всеми на одинаковых условиях – условиях любви и верности.

Мое более близкое знакомство с собакой произошло в детстве, когда я еще ходил в подготовительный класс в сельской школе. Злая собака укусила меня за бок, и я весь зареванный вернулся домой и долго не мог успокоиться. Чтобы перестал реветь, мне сказали, что собаку наказали, потом узнал, что просто отец поговорил с ее хозяевами. После этого у меня появилась боязнь собак, и ничего не мог поделаться с этим, пока не переехал в собственный дом и не завел пса – в середине девяностых годов прошлого века жить в своем доме без охраны было рискованно.

Однажды в нашу дверь позвонили. Во дворе собака по кличке Шериф всюю заливалась лаем. Когда открыл калитку, увидел двух девочек: одна из них – Вика, дочка нашей знакомой, а другая – незнакомая, на поводке держала маленькую овчарку.

– Мы хотели предложить Вам собаку, а у Вас уже есть. А Вы не хотите взять еще эту? – спросила Вика.

– А как зовут пса? – поинтересовался я.

– Дези, она очень агрессивная, из-за чего мы и не можем держать ее в многоэтажном доме.

Собака мне сразу понравилась, и я согласился. Действительно, первые недели мы не могли близко к ней подойти, она кидалась на всех. Из-за характера решили переименовать ее – в Джину, по имени известной героини некогда знаменитого американского сериала «Санта- Барбара». Прошли годы...

Был спокойный зимний день. После планерки в кабинете я занимался текущими делами. Ко мне зашел мужчина средних лет, поздоровался и подошел к окнам кабинета и стал осматривать задний двор, где по проволоке бегала Джина, и спросил:

– Чья это собака?

– Моя. Недавно привел сюда, чтобы охранять здание и территорию. Кто Вы? Что случилось?

– Я новый начальник милиции города. Дело в том, что Ваша собака укусила мою маму.

– Мне очень жаль, что так получилось. Но как она оказалась здесь, во дворе?

– Искала аптеку и заблудилась, перелезла через забор и наткнулась на собаку. Я, конечно, особых претензий не имею, но хочу узнать, сделаны ли этой собаке прививки и можно ли состричь у нее немного шерсти, чтобы приложить к ране – говорят, тогда рана быстрее заживает.

– Да вообще-то, Джина – хорошая собака, она так просто на людей не бросается. Думаю, это случилось в первый раз. И конечно-же, все прививки есть. Сейчас про шерсть узнаю, – я сразу пригласил секретаршу и дал задание, чтобы кто-нибудь отстриг немного шерсти у Джины.

Выслушав меня, и, видимо, не зная, кто у меня в кабинете, она взволнованно выпалила:

– Вы знаете, если так пойдет, у бедной собаки уже и шерсти не останется. Несмотря на то, что по всему забору закрепили плакаты «Осторожно, злая собака!», люди превратили территорию в проходной двор. Никто не хочет обойти, все привыкли лазить через забор, и у нас каждый день разборки, кому Джина штаны порвала, кого за сумку, а кого и за ногу укусила. Вчера начальник дорожного фонда, шла к нам в контору и вместо того, чтобы зайти через калитку, перелезла через забор и встретила с Джиной. Хорошо, что легко отделалась – Джина ей только папку с документами укусила, мы еле успели собаку убрать...

Рапорт был полным.... Добавить было нечего.

От греха подальше, через неделю, я забрал Джину обратно, в свой двор.

*«Жизнь часто похожа на анекдот.
Но его участникам смешно бывает
намного реже, чем наблюдателям»
Дмитрий Калинин*

Забавный рейс

Как только прибыли в аэропорт Домодедово, благоговременно зарегистрировали билеты и сдали багаж. Когда проходили регистрацию билетов, я специально попросил девушку на стойке:

– Посмотрите, пожалуйста, чтобы места были хорошие.

– Все нормально, – уверила она, – не беспокойтесь.

Мы прошли все необходимые процедуры проверки, паспортный контроль и пошли на посадку.

Когда вошли в самолет, я, как всегда, стал искать наши места в центре лайнера. Но по номерам мест, указанных в посадочных талонах не смог сориентироваться, и обратился к бортпроводнице.

– У вас последние места в салоне, – сказала она, посмотрев наши посадочные талоны.

– Я же попросил на регистрации...

– Мужчина, это не ко мне вопрос, не задерживайте людей, занимайте места согласно посадочным талонам.

Мое настроение резко упало. Наши места были возле туалета, а значит, рядом с нами еще и очередь будет стоять.

Мы с супругой заняли свои места в последнем ряду.

– Спасибо, что не в туалете! Помню, еще в советское время как-то, когда мы были в Самарканде, меня срочно вызвали в Москву. Купил билет на самолет без мест и взлет переждал в туалете – по указанию бортпроводницы. Потом сидел на ее месте. И за это еще и ей дополнительно заплатил столько, сколько стоил билет. А когда долетели, я попросил свой билет обратно для отчетности по командировке, она еще потребовала деньги, – вспомнил давнюю историю, чтобы хоть немного поднять дух себе и жене.

Но полет оказался хуже, чем я думал. Во-первых, сидения не регулировались, то есть расслабиться, поспать не было возможности. А как только самолет взлетел, откуда-то стало сильно дуть, было очень холодно.

Начали разносить газеты и журналы. Когда дошли до последнего ряда, бортпроводница объявила:

– Прессы больше нет.

– Значит, ни спать, ни читать не будем, – недовольным голосом озвучил я перспективы.

– Хоть одеяло дайте, а то окоченею, пока прилечу в Костанай.

Через минуту она вернулась:

– Извините, все одеяла уже разобрали.

Стал возмущаться уровнем обслуживания полета:

– Как так?! У вас же на всех пассажиров должны быть одеяла!

Она пожала плечами и уже хотела удалиться, но я остановил:

– Тогда передайте мне мое пальто из верхнего багажника, пожалуйста, – решил хоть своей одеждой укрыться.

– Вы уже выходите? – громко сострил пассажир с рыжей бородой, сидевший на нашем ряду, который все это время следил за моим с бортпроводницей общением.

Мое раздражение волшебным образом улетучилось:

– Да, я всегда здесь выхожу, – ответил шуткой на шутку, уже широко улыбаясь.

Как медведь из анекдота

Из Алма-Аты позвонил брат-близнец: мол, прилетаю с международными экспертами и инвесторами в Актобе, а оттуда едем на машинах – 500 километров – осматривать Бенкалинское месторождение меди.

Я решил тоже поехать туда, чтобы встретиться с братом – от нас до места, куда они планировали приехать, около двухсот километров. Вокруг безлюдная степь, ближайшая к месторождению деревня – на расстоянии 15 километров. Взял собой на всякий случай теплые вещи и кое-что из еды.

Был февраль. Морозы стояли крепкие, в степи было много снега. По пути я заехал в эту деревню – договориться о колесном тракторе, чтобы почистить дорогу. Почти одновременно со мной в село приехал и мой брат. Мы встретились, его компаньоны оказались моими давними знакомыми.

Решили ехать к месторождению сразу – пока еще светло. Определились с направлением и в степь, закутанную снегом, пустили трактор – чистить дорогу. Но мощный «Кировец» не смог пробиться. Давно не паханная земля, поросшая высоким бурьяном, была укрыта настолько толстым снежным одеялом, что даже мощной технике было не справиться с ним.

Но эксперты настаивали на том, чтобы побывать на месторождении, до которого оставалось километра четыре. Решили идти пешком, хотя я предупредил гостей, что придется пробираться по глубокому снегу, и на это уйдет не меньше двух часов.

Посещение месторождения не входило в мои планы, но отпускать брата не хотелось, решил идти с ними. И группа из пяти человек начала путь: впереди – мы братом Физули как геологи, хорошо знающие объект, за нами – Фил, эксперт из Лондона, с помощницей Юлией, и замыкал группу молодой парень-технолог. Через час Юля уже не могла продолжать путь, и Филу пришлось тащить ее по снегу за куртку.

Идти было тяжело, но и останавливаться нельзя – на крепком 20-градусном морозе с ветром без движения мы моментально промерзли до мозга костей. Когда мы добрались до тракторного колеса, брошенного на устье скважины в центре месторождения, солнце уже садилось. Все как маленькие дети радовались, что дошли. Кто-то высказал недоумение по поводу того, что руководитель проекта не стал идти с нами, а остался у дороги возле машин. А я не видел смысла в том, чтобы всем идти сюда. Всего-то и нужно было, что сфотографировать панораму участка, а экспертам – убедиться в наличии устьев пробуренных скважин на местности.

Дойти сюда – это было даже не полдела. Главное – вернуться обратно: силы у всех были на исходе, мороз и ветер усиливались.

Мы выдвинулись в обратный путь. Шли очень медленно. По очереди тащили по снегу куртку, на которой сидела Юля. Скоро Фил остановился, идти было выше его сил, ему требовался отдых. Он молчал, видимо, понимал свою ответственность – это ведь по его настоянию мы, рискуя своей жизнью, оказались в этой ситуации. Остальные тоже остановились, сели поближе к Юле и Филу, чтобы было теплее. Я понимал настойчивость Фила – он сделал огромный путь именно для того, чтобы все увидеть своими глазами, и как профессионал не мог поступить иначе.

Прошло немного времени, как вдруг на горизонте появился наш трактор, на подножке которого стоял руководитель проекта – тот самый молодой человек, которому недавно ребята перемывали кости. Оказалось, он с самого начала решил, что нельзя идти всем, и остался, чтобы с трактором пробиваться к нам.

Мы, как спасенные полярники, радостно встретили их и начали размещаться на тракторе: Юля и Фил – в кабине возле тракториста, а мы – где придется: на капоте, на крыльях, на подножках.

Доехали до дороги, к машинам, где нас ждал «горячий» прием. Когда все согрелись, начали шутить и рассказывать анекдоты.

– Когда мы шли из последних сил, я вспомнил медведя из анекдота, – и начал рассказывать. – Как-то в лесу медведь, волк и лиса провалились в глубокую и широкую яму. Они с опаской смотрели друг на друга и сидели по разным сторонам. Вдруг в эту же яму упал огромный лось. Хищники от испуга сбились в кучу и стали следить за лосем. Прошел день, второй – лось стоит и пережевывает свою жвачку, а хищникам невмоготу – есть охота. Лиса стала подбивать всех, и они, набравшись смелости, подошли к лосю:

– Видишь, – говорит лиса, – мы все в западне, и все погибнем. Кто раньше, а кто позже. Ты травоядный и не сможешь съесть нас. А мы могли бы питаться твоим мясом как минимум в течение недели. Было бы благоразумно с твоей стороны согласиться с тем, чтобы мы тебя съели.

Лось оценивающе посмотрел на них и невозмутимо сказал:

– Я полностью с вами согласен. Но понимаете, я не смогу просто так согласиться с тем, чтобы вы меня съели, пока не узнаю главный секрет моей жизни.

– А что за секрет? – спросил волк.

– Да, пустяковое дело. Когда я родился, кто-то из окружающих закричал, что у меня на попе что-то написано, и до сих пор мне не удалось прочесть эту надпись. Напоследок очень хочется, наконец, узнать. Если сможете прочитать мне, что там написано, я в вашем распоряжении, – сказал лось.

Не успел он выговорить финальную фразу, как хищники кинулись, чтобы выполнить его последнее желание. А лось того и ждал – изо всех сил лягнул их задними копытами. Лису и волка – сразу на смерть, а медведя отправил в глубокий нокаут. Через некоторое время медведь, наконец, пришел в сознание и выговорил:

– Ну ладно, черт с ними – с лисой и волком, но я-то, на кой хрен туда полез, если вообще букв не знаю и читать не умею?!

Вот и я как тот медведь. В отличие от всех вас мне там делать было нечего. Но я рад, что был с вами. Будет что вспомнить.

Кстати, когда Фил подготовил свой отчет, на обложке он разместил фото – я и брат на заброшенном колесе у устья скважины.

Куриные ножки

После окончания университета я с двумя однокурсниками по направлению приехал работать в Казахстан. Я впервые в жизни покидал Азербайджан, и для меня всё было новым, неизведанным. Надо бы привыкать к климату, языку, традициям и нравам – в общем, ко всему.

Мы, совсем еще мальчишки, оказавшиеся в чужом краю, держались вместе. Все, что происходило с нами, детально обсуждали. Поскольку все вокруг было непривычным, во многих ситуациях мы видели подоплеку. И надо сказать, порой не ошибались в своих подозрениях...

Жили мы в общежитии, по студенческой привычке завтракали и ужинали у себя в комнате, а обедали в рабочей столовой. В один ничем не примечательный день мы, как обычно, пришли туда и стали с шутками и жутким акцентом заказывать первое, второе, салаты, напитки, выпечку и ставить все на подносы. Оплатив, мы выбрали свободный столик и сели обедать.

Когда дело дошло до второго блюда, я обнаружил под гарниром куриную ножку. Удивился: ее я не заказывал – взял картофельное пюре с гуляшом. И почему ножка внизу, а не лежит сверху, как положено?

Сначала подумал: какая-то ошибка. Но оба мои товарища тоже выкопали из гарнира куриные ножки

и с удивлением смотрели то на свои находки, то друг на друга. Думали, что делать.

– Ну, не выбрасывать же их, – сказал один из ребят и с аппетитом вонзил зубы в мясо.

Мы последовали его примеру. Когда наши тарелки опустели, мы отнесли подносы с грязной посудой, ожидая, что кто-нибудь из работников общепита подойдет к нам. Но этого не случилось, и мы вышли из столовой задумчивыми. Мы понимали, что нас кормят не просто так. Но почему? Мы могли только теряться в догадках.

– В конце концов, не корову же съели, чтобы так переживать! Посмотрим, чем это кончится, – остановил кто-то целый поток версий.

На следующий день мы снова пошли в столовую, где уже привыкли обедать. И снова в наших тарелках под горками гарнира нас ждал сюрприз!

В последующие дни история повторялась. Мы так привыкли к этому, что, садясь за стол, первым делом искали в гарнире куриные ножки. Мы шутливо упрекали друг друга в том, что поедаем незаслуженные, нетрудовые ножки. Между тем, час расплаты за халявную порцию курятины приближался...

В один из дней мы, как обычно, взяли обед и сели за стол. Я пошел за ложками и вилками, а когда вернулся, увидел, что ребята озабоченно читают какую-то записку.

– Что это? – поинтересовался я.

– Нас приглашают в гости. Видимо, пришло время оплаты, – кивнули ребята на тарелки.

– Кто приглашает? – со смесью любопытства и растерянности спросил я.

– Не написано. Только адрес, время и «Приходите все».

Впервые куриные ножки под гарниром не лезли в горло. Мы без особого аппетита пообедали, а когда вышли из столовой, завязался спор:

– Девчата нас в гости приглашают, надо идти!

– Какие девчата? Где ты их здесь видел? Здесь одни тетki работают!

– Может, кто-то просто хочет с дочкой познакомиться...

– Зачем тогда нас всех гурьбой приглашать?

Вопросов было больше, чем ответов. После долгих споров мы решили, что никуда не пойдём.

Но когда подошло назначенное время, споры разгорелись с еще большей силой. В конце концов верх

взяло любопытство, и мы решили, что хоть с опозданием, но пойдем. И мы с запиской в руках отправились по указанному адресу. С трудом, но нашли его. Постучали... Дверь открыла полная женщина лет сорока. С порога был виден зал однокомнатной квартиры, в котором за столом сидели две такие же тетушки.

– Ой, тетя, извините. Мы, наверное, адресом ошиблись...
– забормотали мы.

– Какая я тебе тетя?! Клава, это те мальчики? – обернулась она к подругам.

– Они, они! Мальчики, проходите, садитесь. Мы уже жаждали вас...

В комнате стоял запах еды, подкрепленный алкоголем, и по покрасневшимся лицам женщин было видно, что застолье началось уже давно.

Такой компании мы, конечно, не ожидали. Мы переглянулись и поняли, что надо поскорее ретироваться.

– Да мы ненадолго. Просто зашли отблагодарить за куриные ножки, – не разуваясь, мы прошли в зал, поставили на стол бутылку коньяка, развернулись и вышли из квартиры.

Вот так банально и грубо кончилась история с куриными ножками.

На следующий день один из моих товарищей по привычке еще искал в гарнире куриную ножку. Тщетно.

В целях безопасности наша тройца стала ходить в другую столовую...

Кому что...

Уже наступил апрель, но снега было еще много – зима выдалась затяжная. Ночами мороз усиливался, а днем подтаивало.

Нам очень нужно было побывать в Ясном и встретиться с руководством комбината. Выехали с утрачка пораньше, чтобы проехать, пока дороги не раскисли. К 11 часам мы уже были на месте. Мои встречи прошли вовремя, и ближе к двум часам дня мы уже выехали обратно. Возвращаться решили той же полевой дорогой.

Когда проехали около пяти километров по полевой дороге, на которую мы свернули за Комаровкой, поняли, что надо бы ехать по грейдеру. Но вернуться мы не могли – были зажаты снежным коридором. Высота снега была не такой большой, но сама дорога, проложенная по пашне, раскисла, и наш УАЗик продвигался с большим трудом. Мы надеялись, что дальше ситуация изменится, и не ошиблись – она изменилась. Но только в худшую сторону – неожиданно перед нами выросла снежная куча. – Это еще что такое? Утром же не было здесь ничего! – удивились мы.

– Давай-ка поближе, – попросил я Сергея.

Мы подъехали ближе и вышли из машины. Смотрели и глазам своим не могли поверить – будто кто-то

специально сгреб снег и перекрыл дорогу. Времени на раздумья не было, и мы решили расчистить проезд. Целый час кидали снег двумя лопатами. Очистили дорогу и продолжили путь.

Но не проехали и километра, как машина встала. Сергей вышел осмотреть ее, а когда вернулся, объявил: – Сцепление полетело. Буксир нужен.

До ближайшей деревни – Красноярска – было, по нашим расчетам, больше пятнадцати километров. Мы с Геннадием Александровичем, оставив Сергея возле машины, двинулись в путь.

Шли по снегу, поскольку из-за грязи по дороге идти было невозможно. Поначалу шли и шутили. Но идти становилось все тяжелее. Наши ботинки забивались снегом, из-за чего ноги намокали, поэтому мы часто останавливались, чтобы очистить обувь. Но буквально через несколько шагов все повторялось.

Светило солнце, но в лицо дул ветер. Говорить было тяжело, и мы смолкли.

Вокруг царила удивительная тишина – такая, что я слышал за спиной дыхание своего попутчика.

Иногда мне казалось, что улавливаю отдаленный лай собаки – значит, село уже не так далеко.

Мысль о деревне пробудила во мне картины моего прошлого. Шагал и вспоминал деревню, в которой вырос. Я любил ее летние вечера. Они были наполнены особенным шумом: крики взрослых и детей, блеяние ягнят и овец, мычание телят и коров сливались в единый

оркестр, а гогот домашних птиц придавал особый колорит этой симфонии вечерней деревенской жизни.

У нас с братьями было много дел: сенокос, заготовка дров и миллион других. А к вечеру мы должны были загонять птиц в курятник – пока они не расселись на деревьях, где могли стать легкой добычей лис, и встречать отару и стадо, возвращавшиеся с пастбищ. В эти часы деревня была окутана облаком пыли, и воздух, наполненный мельчайшими частицами, щекотал ноздри. Я до сих пор помню этот особый дух – дух моей деревни.

Мое детство невозможно представить без игры в футбол. Но наши вечерние обязанности на подворье лишали нас этого удовольствия. Поэтому иногда мы устанавливали очередность, и кто-то один выполнял всю работу, остальные братья отправлялись на игру. Но чаще мы все вместе убегали на футбол, делая вид, что не слышим возмущенные возгласы мамы, которая кричала нам вслед. А потом, получив крепкую взбучку от родителей, до полуночи искали пропавших коров, овец или домашнюю птицу...

Шел по раскисшей весенней дороге, мои ноги промокли, а холодный сырой ветер каждым своим порывом норовил проникнуть за ворот куртки. Я ёжился, но мысли мои были заняты другим. Мое погружение в детство неожиданно прервал голос Геннадия Александровича. Очнулся и посмотрел назад – туда, куда указывал мой спутник: по дороге ехал УАЗик, но не наш – цвет другой. Может, военные или пограничники?

Мы остановились, надеясь, что нас подберут и подбросят до деревни. Но каково же было наше удивление, когда за рулем машины мы увидели Сергея! Из-за грязи мы не узнали свой УАЗ! Оказалось, что Сергей решил не терять время и за те два часа, что мы шли, смог починить машину.

Мы сели в УАЗик и с облегчением подумали, что на этом наши мучения закончились. Но не тут-то было! Проехав около километра, мы встретили... огромную снежную насыпь на дороге.

Объехать ее не представлялось возможным, и мы снова взялись за лопаты. К тому времени, когда мы покончили со снежным завалом, стемнело. Но огоньков Красноярска, которые мы должны уже были увидеть, не было. Метров через пятьсот мы снова наткнулись на насыпь, которая была больше предыдущих. Хотели опять откапываться, но Сергей остановил нас:

– Пойду, погляжу, что там дальше.

Он скоро вернулся и озадачил нас:

– Копать бесполезно – впереди целая череда таких завалов. Попробую по свежему снегу, – по его голосу чувствовалось, что нервы у него сдают.

Взял штыковую лопату – хотел померить глубину снежного покрова, чтобы определить место объезда. Но не успел – Сергей с разгона выскочил на снег и ... повис. Я подошел к машине и попытался лопатой измерить глубину снега. Моя лопата не доставала дно: теперь мы точно приехали!

Сидеть в машине и ждать теперь было нельзя – ее качало. Мы с Геннадием Александровичем снова выдвинулись в путь. Мороз усиливался, так что можно было идти по дороге. Хотя идти по колее, оставленной колесами трактора, было нелегко, но все же лучше и быстрее, чем по снегу.

Через полчаса мы уже отчетливо слышали шум работающего мотора трактора, лай собак. А еще через полчаса мы были на окраине деревни. По дороге насчитали пять снежных завалов, а возле самой деревни дорога была перегорожена толстой длинной трубой. Мы уже ничего не понимали.

Удивительно, но улицы деревни были хорошо освещены. Мы хотели спросить у прохожей женщины, где можно найти управляющего отделением, чтобы попросить у него трактор, но она шарахнулась от нас и убежала. Ее реакция вызвала у меня недоумение, но когда я глянул на Геннадия Александровича, сам испугался: он был покрыт снежно-ледяной корочкой и выглядел очень странно. Очевидно, не в лучшем виде был и я.

Мы решили идти на шум трактора и на соседней улице увидели «Кировец», который чистил подъезды к дому. Подойдя поближе стал махать трактористу. Он заметил меня и остановил трактор. Я поднялся к нему в кабину и начал объяснять ситуацию. Но он почему-то прижал большой палец правой руки к своим губам и прошептал:

– Тише, управляющий услышит!

Только тут я понял, что он крепко пьян.

– Слушай, я твой трактор за десять верст слышал, если управляющий в деревне, он уже давно знает, чем ты занимаешься. Помоги нам, мы в степи застряли, там какой-то козел дорогу закрыл, – попробовал я уговорить его.

– Чего ругаешься?! Не поеду я за двадцать километров!

– Какие двадцать? Наша машина здесь не далеко – километров пять-семь, – уже подозревая, кто виновник всех наших бед, наседаю я на него. – Так это твоя работа?

– Ну! Мне управляющий в обед дал задание: закрыть на границе совхоза дорогу по полям – до деревни. Туда почти двадцать километров. Вы-то как проехали? Ты управляющему не говори, а то он подумает, что я плохо закрыл дорогу, – наклонился он ко мне, дохнув мне в лицо крепким алкогольным духом.

– Да хорошо, хорошо ты закрыл! Своим горбом почувствовали, как хорошо! Да будь же ты человеком: помоги! Заплачу, сколько скажешь.

– Не надо мне деньги! Полтора литра давай, – растянул он губы в пьяной улыбке, – вместе выпьем. По рукам?

– Куда ж тебе еще пить?! – буркнул себе под нос и попробовал убедить его: – Деньги возьмешь, потом купишь. Где тебе среди ночи водку найду?!

– Где? Да я знаю где! У Матвеевны можно, у нее в любое время суток можно! Поехали! – потянул он руку к зажиганию.

– Ты понимаешь, что нам еще в Джетыгару надо ехать? Там люди в степи, выручай.

– А-а-а-а! Так вы из Джетыгары? Там теща моя живет. Вот такая женщина! - поднял он вверх большой палец, – всегда наливает и меня поддерживает. Так и сказали бы, поехали!

Позвал Геннадия Александровича, который все это время стоял возле трактора. Он втиснулся в кабину «Кировца», и мы поехали.

Удивительно, но механизатор, хотя и был хорошо выпившим, управлял техникой уверенно и поля знал, как свои пять пальцев.

Подъехав с нужной стороны к машине, висящей на снегу, он с такой виртуозностью откопал и снял УАЗик, что у меня просто не было слов.

Я поднялся к нему в кабину, чтобы рассчитаться, и по дороге в деревню стал уговаривать, чтобы он взял деньги и нас отпустил:

– Дорогой, мы с тобой, считай, земляки. Дай бог тебе здоровья, мы еще встретимся, вспомним, как ты нам дорогу закрыл, а потом сам же и спас. Когда мы доехали до деревни, была полночь. Всучил ему деньги, пересел в наш УАЗ, и мы поехали дальше. Чтобы поднять настроение, кто-то – уже не помню, Сергей или Геннадий Александрович, – рассказал советский анекдот в тему:

– Генеральный секретарь Горбачев после принятия антиалкогольного постановления ЦК прибыл на Свердловский завод машиностроения и ходил по цехам, разговаривал с людьми на рабочих местах. Подошел к токарю, который на сложном станке с числовым управлением точил особо сложную деталь, и спрашивает:

– Как вас зовут?

– Петр.

– Всем известно о вреде алкоголизма в производстве. Это снижает производительность труда и качество продукции. Вот, Петр, если бы Вы выпили стакан водки, разве смогли бы на таком современном станке точить такую сложную деталь?

– Легко, Михаил Сергеевич!

– А если бы два стакана выпили, смогли бы?

– Конечно, смог бы!

– А три стакана?

– Ну, работаю же!

Нам встретился именно такой экземпляр.

А дома мы были в три часа ночи.

Кукурузник

Помню, раньше из Джетыгары (в то время так назывался наш город) можно было вылететь в несколько городов Казахстана и России. Правда, только на АН-2, который в народе ласково назывался «кукурузник» – видимо, из-за того, что он очень широко применялся в сельском хозяйстве.

Впервые на таком самолете я полетел из Джетыгары в Костанай по срочному делу. Тогда настолько был озабочен проблемами, что никаких впечатлений от полета не осталось, я его даже не запомнил. В отличие от моего второго на АН-2 полета.

Как-то в конце восьмидесятых – дело было летом – прилетел из Баку в Челябинск, и мне нужно было попасть на железнодорожный вокзал, чтобы поездом добираться до Джетыгары. Только получил багаж, как слышу, диктор объявляет, что начинается регистрация билетов и оформление багажа на рейс Челябинск-Карталы-Бреды-Джетыгара. «Зачем болтаться в поезде 15 часов, если можно быть дома уже через пару-тройку часов?!» – подумал и отправился к кассе, где без проблем приобрел билет.

Неподалеку стояли какие-то люди, мужчина и две женщины среднего возраста, тоже кавказцы, по виду деревенские. Они услышали, что я купил билет на этот рейс

и подошли ко мне. Мужчина спросил: – Сынок, ты не знаешь, сколько летит этот самолет до Карталов?

– Здесь же недалеко, думаю, полчаса, максимум сорок минут, – со знающим видом ответил я.

Они поговорили меж собой на своем языке и – видимо, моя уверенность их убедила – решили тоже купить билеты.

Прошли регистрацию и сразу же все пошли на посадку.

Когда мы оказались в салоне самолета, огляделся и в целом был удовлетворен увиденным. Сидения были меньше, чем в больших самолетах, но мягкие. Пассажиров оказалось человек десять-двенадцать. Багаж мы взяли с собой, а в хвостовой части самолета лежала почта: посылки, письма, газеты и так далее.

У людей настроение было приподнятое, шутили, улыбались. Гости с Кавказа заняли задние места. Бортпроводника не было. Информацию о полете никто до нас не доводил.

Взлетели. Шум от мотора был очень сильный, даже рядом никого невозможно было услышать. Самолет очень болтался, и сильно трясло.

В этой ужасной болтанке с нетерпением ждал приземления в Карталах. Ожидал, что самолет сядет через полчаса. Переглядывался с гостями с Кавказа, мол, скоро ваша остановка.

Но прошло полчаса, а самолет не садился. Прошло еще полчаса, но на снижение высоты не было и намека. Я уже перестал оглядываться назад, чтобы не видеть недовольные лица кавказцев.

Часа через полтора понял, как сильно ошибся в своих расчетах, подумав, что скорость самолета измеряется в нескольких сотнях километров в час, а оказалось, что «кукурузник» летит лишь чуть-чуть быстрее, чем едет машина.

Когда же почти через два часа самолет пошел на посадку в Карталах, кавказских гостей мутило так, что они же могли подавлять тошноту. Их практически вынесли из самолета. На миг мои глаза встретились с глазами мужчины, который спрашивал меня о времени полета. Мне стало неудобно, хотя я сам стал заложником ситуации – мне нужно было лететь еще дальше, и чувствовал себя скверно.

В Карталах помыли пол самолета, и мы полетели дальше.

Когда, наконец, долетели до Джетыгары, мое состояние было хуже, чем у той кавказской троицы. Потом еще сутки лежал – отходил от экстремального полета.

Вот так я сэкономил время на дорогу.

*«Если увлеченно заниматься любимым делом,
можно пропустить даже апокалипсис»*

Макс Фрай

Попутчик

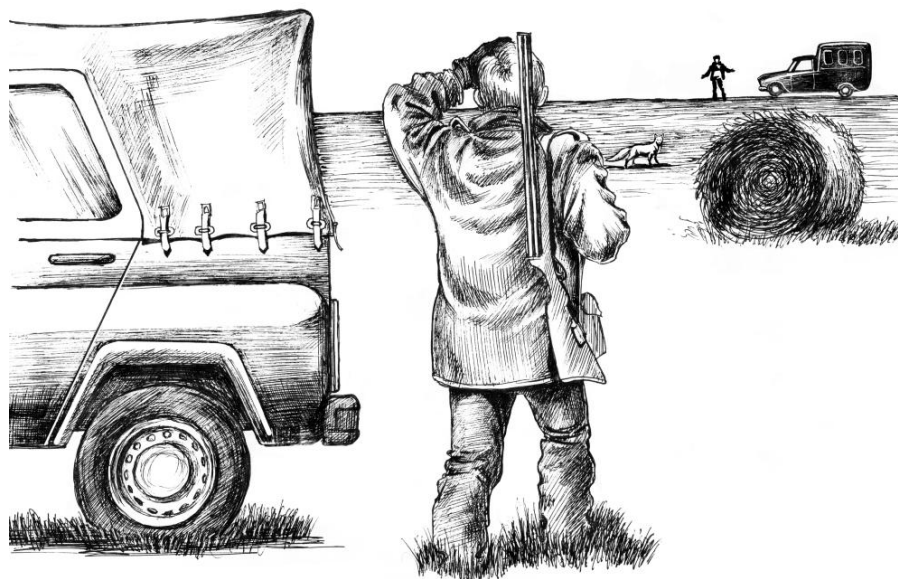
Середина 90-х прошлого века. На развалинах бывшего СССР каждая республика, ставшая независимым государством, пыталась наладить свою экономику. Но пока был полный разлад.

Часто по служебным делам я выезжал в Россию. Как правило, ездили мы напрямую, по полевым дорогам. В то время мы везли из России разный ширпотреб – денег у предприятий на оплату наших услуг не было, и расчет производился методом бартера. Мы выдавали привезенное своим работникам в счет зарплаты или меняли на товары производственного назначения.

Только-только в приграничных зонах начали появляться вагончики с таможенниками. Такие посты располагались не на самой границе, а на пересечении дорог или в ближних населенных пунктах. Люди, до этого времени не знакомые с понятием государственной независимости и таким ее проявлением, как граница, поначалу не обращали внимания на них. Да и у самих таможенников не было опыта работы, и пока они не совсем осознавали задачу, поставленную перед ними. Для тех же, кто работал с Россией – таких было большинство – появление постов вызывало, мягко говоря, раздражение и тревогу.

Как-то я собрался в город Ясный Оренбургской области. Накануне отъезда ко мне подошел знакомый предприниматель, сказал, что ему тоже нужно в Ясный, но он не знает дорогу, и предложил ехать вместе. Я был не против, тем более что он собирался ехать на своей машине. Договорились и отправились в путь утром, чтобы в тот же день вернуться обратно.

Ехали по степным дорогам, ориентировались по совхозным полям. Добрались без приключений. К вечеру закончили свои дела и выехали домой.

Мы были уже на территории Казахстана, когда водитель вдруг закричал:– Лиса!

– Давай за ней! – вспыхнувшим во мне охотничьим азартом отреагировал я, уже мысленно целясь в лису из двустволки, которая лежала в машине – я всегда брал с собой ружье, отправляясь на участки работ: а вдруг какая дичь встретится?

Мы на высокой скорости свернули с дороги и помчались за лисой. Через минуту я уже был наготове с ружьем, а водитель гнал машину за зверем – по полям, по оврагам и лужам. Стоял октябрь, поля уже были убраны, и всюду стояли скирды соломы. Лиса, спасаясь, кружила между ними. Минут через тридцать мы все-таки пустили ее.

От досады попросил остановить машину. И лишь когда вышел подышать и остыть и увидел несущийся к нам «Москвич», вспомнил о попутчике, который ехал за нами на «пирожковозе» со своей женой.

Они вышли из машины. У обоих был перепуганный взгляд. Машина в грязи и пыли, бампер разбит.

– Вы хотели нас бросить в степи? – с недоумением, обидой и укоризной в голосе, с несчастным лицом, посмотрел на меня мой попутчик.

Оказалось, что они не поняли наш внезапный бросок и все злосчастные полчаса ехали за нами по бездорожью, стараясь не упустить из виду. А мы, встретив лису, напрочь забыли о них...

Мы извинились и объяснились. А потом еще долго вместе смеялись.

*«Всему удалось найти
применение, кроме храпа»
Марк Твен*

Метод Антона

Только к полуночи приехали в Свердловск (ныне Екатеринбург).

Дорога была тяжелая. На УАЗике проехали более 800 километров. По нашим дорогам, в зимнее время, да по гололеду на холодной машине... Вдобавок еще всю дорогу дул сильный боковой ветер.

Наш водитель Антон ехал очень осторожно и медленно, ребята даже шутили над ним, мол, нас уже трактора обгонять стали.

Оставив машину в гараже у наших коллег, мы пешком прошли до общежития, где для нас заказывали одну большую комнату на четверых человек.

Только от одного вида комнаты мы поняли, что в общежитии никаких условий. Были молодыми, неприхотливыми: тепло – и ладно, тогда у нас и выбора не было.

– Ребята, я устал как собака, пока не выпью рюмку-другую не засну, – объявил Роман и вытащил из своей сумки бутылку водки.

– Я пас, ребята, не буду, завтра вдруг за руль сяду, давайте по-быстрому поужинаем и отдыхать. Кстати, у нас с утра что планируется? – спросил Антон.

– Я в институт, а вам торопиться особенно некуда, а вот Антону надо с утра заводить машину, чтобы завезти образцы в институт.

– Ну, Рома, получается, что только мы с тобой выпьем. Ну, ничего страшного, как говорится, больше достанется, – резюмировал Аркадий и поставил на стол еще одну бутылку водки и пошел на общую кухню общежития, чтобы поставить чай. Чайник и стаканы мы взяли у вахтера.

Мне через два дня предстояла защита кандидатской диссертации в институте горного дела. Четыре года учебы в аспирантуре пролетели быстро, и вот уже без пяти минут кандидат наук.

А сколько всего произошло за эти годы! Особенно тяжело мне дался кандидатский минимум по иностранному языку. Когда ходил записываться на экзамен, сначала спросил у девушки на кафедре:

– У вас какие языки можно сдавать?

Она с удивлением посмотрела на меня, мол, пришел сдавать экзамен и еще не решил, какой язык, и начала перечислять: английский, немецкий и французский.

– И все? А по восточным языкам: персидскому, турецкому... – не принимаете?

– Нет, только по европейским языкам.

– Ладно, тогда запишите меня на английский, – обреченно сказал я.

В средней школе у нас не было учителя, поэтому английский изучал самостоятельно и, конечно, имел определенные проблемы.

Сейчас специально пораньше приехал, чтобы подготовить ответы на полученные замечания по моей диссертационной работе. Надо также встретиться с моим научным руководителем и оппонентами. Автореферат работы я отправлял по специализированным институтам, предприятиям и крупным специалистам страны месяцем ранее. В течение последнего месяца я колесил по стране и выступал с докладами в Казани, Уфе, Асбесте, Москве и других городах.

Роман и Аркадий приехали в командировку и заодно – чтобы при необходимости помочь мне в организационных вопросах.

Помылись с дороги и приготвились поужинать, хотя уже было очень поздно. У кого что было в сумке, из того и накрыли стол.

Антон быстро перекусил и лег на кровать:

– Хочу отдохнуть с дороги, иначе завтра работать не смогу, голова болит. Ребята еще продолжали застолье, а я тоже прилег и, видимо, сразу заснул.

Ночью проснулся от шума. Свет был включен, и Антон громко кричал:

– Сволочи, алкаши, вы, наконец, дадите мне уснуть?

Я еле-еле открыл глаза и стал свидетелем забавной сцены. Антон в бешенстве раскидал одеяла Аркадия и Романа и пытался их силой поднять с постели.

– Что случилось, Антон? – спросил я.

– Да они оба храпят с такой силой, что на столе стаканы звенят. Я целый день за рулем, устал, еще глаз не сомкнул, башка раскалывается.

Его усилия были тщетны: пока он поднимал одного, другой уже падал и тут же начинал храпеть. Он мучился с ними почти полчаса, просил их, уговаривал, угрожал, кричал, но все было бесполезно. Они действительно так храпели, что не только заснуть, даже находиться в комнате было неприятно. Антон выбежал из комнаты и вскоре вернулся. С ведром.

– Что это, что ты задумал? – спросил я.

– Раз мне не дают спать, значит, никто спать не будет, я им устрою холодный душ! – Антон начал обливать их холодной водой.

Сначала они даже улыбались от удовольствия, но потом, видимо замерзли, проснулись и испуганно повскакивали с кроватей.

– Что это, крыша потекла, дождь идет? – бормотал Роман.

– Ты что делаешь?! Идиот! Вода же ледяная! – крикнул Аркадий.

Уже было глубокая ночь, или правильнее сказать, раннее утро – время, когда очень спать хочется. У меня глаза закрывались. При мне они дали слово, что пока Антон не

уснет, ложиться не будут. Дальше не смог наблюдать за этой драмой и заснул.

Накануне защиты я тоже применил метод Антона: попросил всех, пока не усну, чтобы они в постель не ложились, мне нужно было хорошо выспаться.

Защита прошла успешно. Аркадий все выступления записал на магнитофон. После защиты я организовал небольшой банкет у моих близких друзей, которые сами любезно предложили свой дом, поскольку с этого года в связи с антиалкогольной компанией члены комиссии на банкеты не ходили. Только к друзьям и близким.

И во время банкета Роман и Аркадий расслабились настолько, что Аркадий пристал к моему научному руководителю с просьбой помочь ему с защитой диссертации. Глубоко интеллигентный профессор выражал свою готовность по мере своих возможностей помочь ему:

– Вы тоже геолог? Работа Ваша уже готова?

Пока Аркадий что-то мямлил, Роман отрезал:

– Пусть он сначала в институт поступит, только потом о диссертации будет думать.

А бедный Антон снова не смог расслабиться – он развозил гостей по городу и пришел в общежитие позже всех, когда все уже уснули...

На привязи

Начиналась моя трудовая геологическая биография. Мне определили рабочее место рядом со столом известного геолога Лидии Яковлевны Шишковой – одного из первооткрывателей Джетыгаринского месторождения хризотил-асбеста. Ее, в то время уже пенсионерку, пригласили для пересчета запасов. На второй день работы мне поручили рисовать геологический разрез на миллиметровой бумаге. Изучив материалы, начал рисовку. Мне понадобился ластик. Посмотрел по сторонам и заметил ластик на столе Лидии Яковлевны. По студенческой привычке потянулся за ним без спросу. Смотрю, ластик привязан к столу резинкой. Потянул его к своему столу – резинка растянулась до максимума и остановила мою руку на полпути.

Поднял глаза на Лидию Яковлевну – она улыбается.

– Зачем это? – спрашиваю.

– Это, сынок, проверенная привычка полевых геологов – привязывать к своему ремню все, что нужно для работы в поле. Вот представь: идешь ты по маршруту и где-то забываешь компас или молоток, или еще что-нибудь и тебе приходится идти обратно – искать. А когда все привязано, ты точно ничего не оставишь. И к столу привязываю все по привычке. Между прочим, эта привычка и здесь очень полезна: народ постоянно теряет ручки, карандаши и на мои зарится, так же как ты, когда ластик мой взять хотел. Ты молодой, вся жизнь впереди, учись – пригодится...

*«Трудности порождают в человеке способности, необходимые для их преодоления»
Уэндел Филиппс*

Место встречи изменить нельзя

Очень старался уснуть в самолете, но мысли не давали. Почему-то на душе было тревожно. Сергей должен был приехать в аэропорт Челябинска, проделав почти 600 километров дороги, чтобы встретить нас. Была снежная зима, стояли сильные морозы. Да еще эти таможенные оформления, пограничный контроль... Мы пока никак не могли привыкнуть ко всем этим нововведениям, которые вдруг ниоткуда ворвались в нашу жизнь.

Посмотрел на часы, по моим расчетам наш самолет скоро пойдет на посадку. Я заранее привел свое кресло в вертикальное положение – все равно не спится.

Прошло около получаса расчетного времени приземления, как вдруг в самолете раздался голос бортпроводницы:

– Уважаемые пассажиры, в связи с тем, что аэропорт города Челябинска по погодным условиям не принимает, наш самолет приземлится в аэропорту Кольцово города Екатеринбург.

По салону прошла волна вздохов досады, мне же такой поворот событий сулил еще больше неприятностей, чем другим пассажирам. Нас же ждали в Челябинске!

От Екатеринбурга до Челябинска – более 250 километров, значит, до Житикары нам ехать больше 800 км. А времена были беспокойные. И с нами ребенок, еще и деньги с собой немалые – для бизнеса.

Приземлились, прошли все таможенные и пограничные процедуры. Забрали багаж. Нам предложили подождать, чтобы самолетом долететь до Челябинска, но, сколько ждать – этого никто не знал.

Не теряя времени, мы сразу договорились с таксистом и выехали. Шел сильный снег, дул ветер. Чем ближе к Челябинску, тем погода становилась все хуже. Машин было немного. Через два с половиной часа мы уже были в аэропорту Челябинска.

Я занес багаж в зал ожидания и побежал искать Сергея. Мои поиски не дали результата – ни его, ни его машину я не нашел. Тревога усилилась. Может быть, что-то случилось? Или он поздно выехал?

Чтобы выяснить все обстоятельства, решил заказать переговоры с Житикарой. Моему удивлению не было предела, когда Наталья, супруга Сергея сообщила новость:

– Услышав, что самолет приземлится в Екатеринбурге, он поехал туда встречать вас.

– Если позвонит, скажи, что мы уже в аэропорту Челябинска ждем.

Ведь он хотел сделать как лучше, а я опоздал со звонком, надо было позвонить из Екатеринбурга. Но знал: когда

нет связи, всегда необходимо придерживаться принципа: «Место встречи изменить нельзя».

Пока ждали Сергея, вспомнил интересный эпизод из моей «летней» жизни.

Как-то приехал в аэропорт Быково, а там объявили о задержке нашего рейса. Оказалось, что из-за поломки самолета еще вчерашний рейс не вылетел. Подумал: застрял здесь надолго, а мне по семейным обстоятельствам надо бы поскорее вылететь. Но выбора у меня не было, нашел место в зале ожидания и постарался устроиться поудобнее.

Как же я удивился, когда через полчаса объявили посадку на рейс Москва – Самара – Костанай! Пригласили всех пассажиров обоих рейсов: вчерашнего и сегодняшнего. В первую очередь пропустили тех, кто летел до Самары и пассажиров вчерашнего рейса. После пригласили пассажиров с детьми, женщин и стариков. Одному молодому человеку это не понравилась, и он начал толкаться, выражаясь нецензурными словами. От него сильно разило спиртным. Я сделал ему замечание. Он пригрозил разобраться со мной по приезду в Костанай. Несмотря на хамство, с молчаливого согласия девушки за стойкой он все-таки пошел на посадку. Самолет был АН-24 – не все пассажиры смогли вылететь, в том числе и я.

Вернулся, чтобы сесть в зале ожидания, но уже мест не было. Пришлось побродить по зданию аэропорта.

Настроился ждать долго: пока наш самолет полетит в Костанай, а потом вернется за нами – пройдет много времени. Но произошло то, на что мы даже не надеялись, – через полчаса объявили посадку для пассажиров, оставшихся от нашего рейса. Нас забрал на борт самолет, доставивший из Костаная запасные части для самолета, который после ремонта уже улетел. Поскольку мы летели без пересадки, то прибыли в Костанай раньше, чем рейс через Самару.

После прилета я ждал машину и так получилось, что в аэропорту Костаная встретил пассажиров с того рейса, куда нас не взяли. Они удивленными глазами смотрели на меня, а молодой человек, который устроил скандал в Москве, подошел ко мне:

– Это ты? Как здесь раньше нас оказался?

– У меня же личный самолет, на нем и прилетел, чтобы встретить тебя. Мне не терпится узнать, как ты со мной хочешь разобраться, – с иронией ответил я.

Но он все это принял за чистую монету, попросил извинения и удалился, видимо, в дороге у него было достаточно времени, чтобы протрезветь.

Только утром мы дождались Сергея и выехали домой.

Нарочно не придумаешь

Был с коллегами в командировке в Семее, который раньше назывался Семипалатинском. Два дня плотно поработали – собирали материалы для подсчета запасов золоторудного месторождения.

Пришло время отъезда, нас повезли в аэропорт. Дул ветер, валил снег. Мы подъехали как раз к регистрации рейса Семей – Астана. Прошли регистрацию билетов, сдали багаж, прошли контроль и сели ждать, когда объявят посадку.

Из окна зала ожидания мы видели, как идет подготовка к вылету нашего самолета.

Не прошло и получаса, как молодая женщина в униформе подошла к выходу, пригласила нас на посадку и начала отрывать купоны наших посадочных талонов.

Мы прошли первыми, вышли из здания и стали ждать автобус, чтобы доехать до борта самолета. Буквально через минуту последовала просьба вернуться обратно в здание.

– Что случилось? Задержка? Долго ждать? – засыпал я девушку вопросами.

– Думаю, не долго, проблема в автобусе, сейчас решат, – успокоила она меня.

Действительно, ждать нам пришлось недолго. Буквально через 10 минут девушка объявила через громкоговоритель о возобновлении посадки и добавила:

– Те, кому я уже оторвала, проходят первыми. Наступила гробовая тишина. Вдруг кто-то из пассажиров сострил:

– С нами инвалиды летят?

Я не растерялся:

– Ну раз уже оторвали, то терять нам больше нечего, – и первым пошел на посадку.

Девушка засмушалась, а пассажиры дружно захохотали,

Неловкое положение

– Сынок, ты уже больше месяца на каникулах. Сидишь у компьютера – из дома не выходишь. Так же нельзя. Это и для здоровья вредно.

– А что мне еще делать? – спросил сын.

– Вообще-то мы строим дом, там народу много – за всеми не уследишь. Бывает, то того нет, то этого не хватает. Кто-то из нас должен находиться там и все это контролировать. Ты же член семьи, все это делается и для тебя тоже. Я все не успеваю, у меня на работе дел хватает. Ты же можешь находиться там, пока я не освобожусь на работе.

– Я же в стройке ничего не понимаю! Чем я помогу? – удивился он.

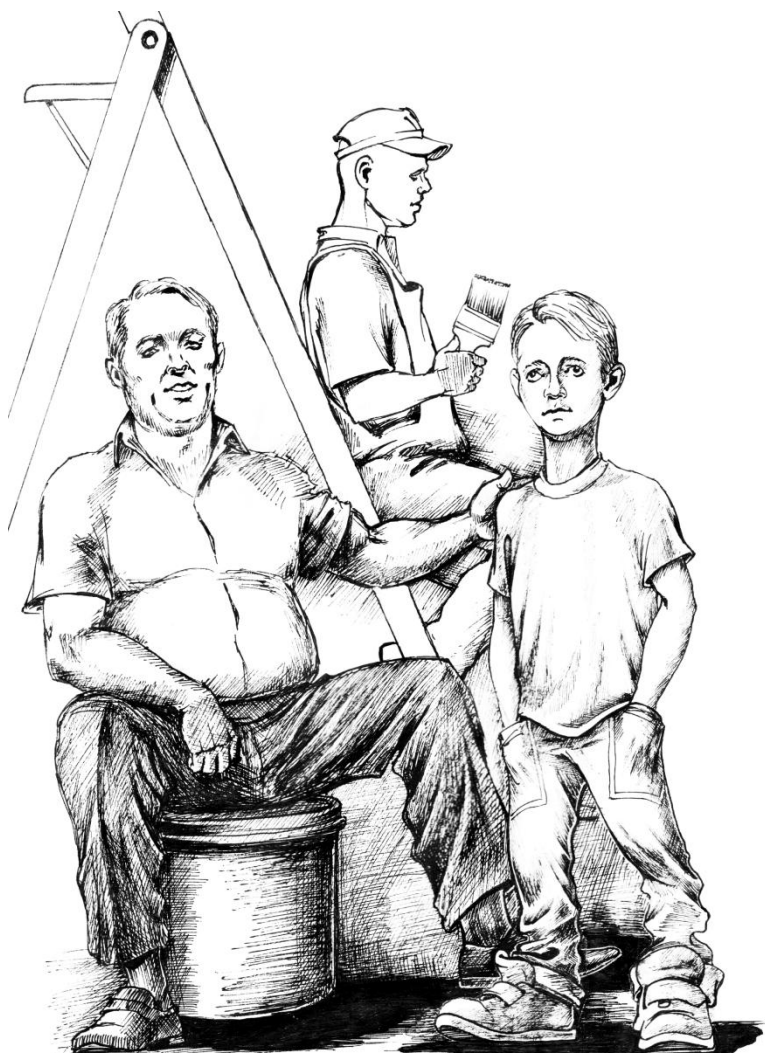
– Сначала будет тяжело, потом привыкнешь. В конце концов, проследишь, чтобы не украли стройматериалы.

На следующий день мы уже с утра были на стройке. Во время планерки я всем представил сына и сказал:

– Он мой представитель здесь и по всем вопросам обращайтесь к нему. Вопросы есть?

– У меня вопрос, – вдруг встал мой сын.

– Папа, я так понял, что главная моя задача – следить, чтобы никто ничего не воровал. Я правильно понял?

Я почувствовал себя неловко при работниках и только развел руками.

*«Ситуация не предвещала ничего хорошего,
потому оптимисты готовились к лучшему»*

М. Мамчич

Новогодний стол

В середине девяностых мы с друзьями договорились создать клуб общения. Планировали еженедельно вместе посещать баню, а после бани сидеть и общаться. Даже разработали график очередностей дежурства по организации досуга, меню для угощения и все это зафиксировали в уставе клуба и назвали клуб ЗКЛБ, что означало «Закрытый клуб любителей бани». Количество членов было ограничено, сначала нас было шестеро, а потом стало девять. Кроме того, что еженедельно встречались в бане, также вместе отмечали торжества и были вместе в трудные минуты, дружили семьями. У нас было много традиций и одна из них – обязательно собираться перед Новым годом проводить старый и отметить наступающий. И, конечно, за долгие годы общения с нами случилось много всяких казусов, смешных и не очень, даже таких, о которых, как один друг говорит, рассказать стыдно, зато вспомнить приятно...

А вот то, что произошло в один предновогодний день, запомнилось мне особо.

Мы, как обычно, заранее заказали столик в ресторане и пришли в условленное время.

Представшая перед нами картина сбила меня с толку и навела на странные размышления...

– Молодой человек, а почему стол накрыт как будто для поминок? Компот с булочками, блины с медом?

– Разве у вас не поминки?

– Какие поминки?! Сегодня 30 декабря, мы с друзьями заказали банкетный зал, чтобы проводить старый год и

отметить наступающий, а вы нам стол сервировали, как на поминки.

– Не знаю, почему так... Заказ принимал не я. Но давайте уберем булочки, компот и мед с блинами.

– Там же больше ничего не останется, – возмутился я, – заранее заказали, и вот тебе на... А сейчас в другом ресторане уже и свободного места не найдешь...

– Кто непосредственно делал заказ, ребята? – спросил я у друзей.

– Я заказывал, мне обещали сервировать нормальный стол – тем, чем бог послал. Видимо, им сегодня бог вот это и послал, – неловко засмеялся Маке.

– Начало нехорошее. Посмотрим, что же дальше будет, – уклончиво ответил Есеке, председатель нашего клуба.

Со стола убрали булочки. Когда забирали компот (из сухофруктов), кто-то из наших попросил оставить ему стаканчик.

– Вам один стакан хватит? – спросил официант.

– Да, наверное, пусть компот весь оставят и мед с блинами тоже - чай попьем, но их очень мало, принесите еще мед и блины, – сказал Заке.

– А блины и мед приносят сами заказчики, больше нет, – простодушно ответил молодой официант.

– Значит, вы нам продаете то, что кто-то принес из дома на поминки усопшего родственника? – завопил Батеке, – вы хоть скажите, кого мы будем поминать сегодня, а то

продукты люди принесли из дома, а при таком повороте событий разве мы можем пить за здоровье?

– А что у вас на горячее? – поинтересовался Саша.

– На первое лапша домашняя, а на второе – картошка с мясом, – отчитался официант.

– А после, рисовой каши не будет? – съехидничал Вазеке.

– Каша есть, можем и кашу.

– Да ребята... так Новый год я еще не встречал... На остатках чьих-то поминок отмечать Новый год – это что-то новенькое, – возмутился я.

– Наливать будут тоже не более трех раз или как? – пошутил Саша.

– А вот выпивку купили мы сами, так что ограничений нет, – посмеялся Маке.

– Что будем делать, ребята? – обратился к нам Есеке. – Деньги уже заплатили, так что давайте сядем, обсудим, как дальше поступать.

После долгих споров решили, что весь грех лежит на ресторане, поскольку мы заказали праздничный стол и оплатили его.

После застолья разошлись с двойными чувствами...

*«В жизни так много смешного и
нелепого, что плакать хочется»*

Б. Ю. Крутиер

Ориентир

Свой первый рабочий день в качестве руководителя предприятия я решил начать с посещения промышленной базы, где строили здание керносклада. Объект возводился за счет бюджетных средств и был на особом контроле. Приехал на стройплощадку, а там только начали фундамент заливать. Походил по периметру, посмотрел и у рабочего спрашиваю:

– Для фундамента разбивку кто делал?

– Как кто? Топограф. Он вчера целый день и сам мучился с этим фундаментом и нас замучил. То у него углы не получаются, то расстояния... Раз десять перемеряли.

– А где ваш прораб?

– У нас прораба нет, зато есть мастер, но сейчас его тоже нет.

– А где он?

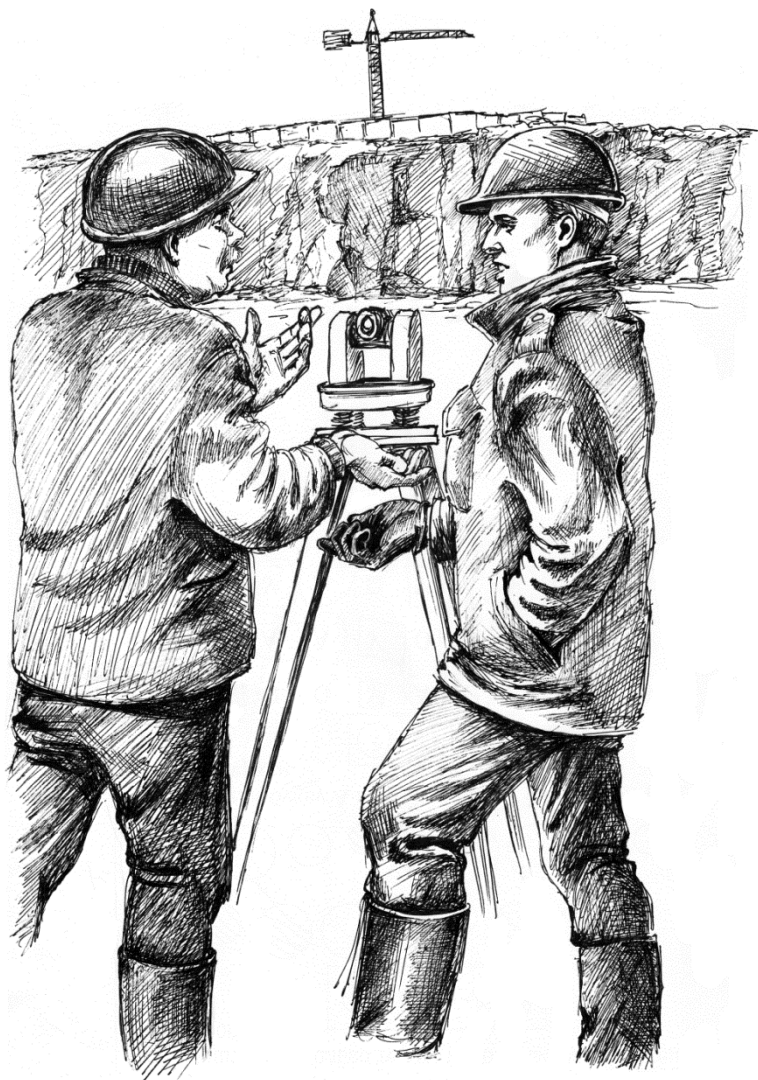
– Там же, где топограф – вчера они здесь лыка не вязали.

Попросил рулетку:

– Хочу перемерить ваш фундамент, что-то он очень подозрительно смотрится, как будто углы не прямые.

Принесли рулетку и начали мерить фундамент по диагонали. Диагонали отличались между собой почти на три с половиной метра.

Распорядился, чтобы приостановили работу, послал за топографом. Когда он приехал с теодолитом, сходу начал оправдываться, что он все делал по прибору.

– Николаич, если Вы все сделали правильно, то почему тогда углы не прямые и разница в диагоналях?

– Я и сам не пойму...Прибор вроде в порядке, я ведь уже тридцать лет работаю.

– Давайте еще раз при мне разбивайте и проверим, в чем дело.

Он установил свой прибор и начал разбивку. Рабочий с рейкой ходил по углам, а мы: я и мой водитель – держали рулетку.

– Ничего не пойму! Все точки слетели, и ничего не бьет. Я так же, как и вчера, ориентируюсь на тот башенный кран, на соседнем заводе. Он у них давно стоит и не работает, за два года все, что строили здесь, я разбивал именно так, и все было нормально.

– Сейчас мне все понятно. Сколько надо было выпить, чтобы допустить такую оплошность? Вы же опытный специалист, Николаич. Как можно ориентироваться на нестационарный объект? Вы не подумали, что башенный кран могут отремонтировать? Кран действительно восстановили, и он работает. Именно из-за этого ваши исходные данные каждый раз меняются, поскольку кран двигается!

Пришлось все начинать заново.

*К великому сожалению, как правило,
мы учимся только на своих ошибках*

Отдохнул так отдохнул!

Мы с семьей вылетали из Бангкока в Екатеринбург. Прошли регистрацию и сдали багаж. Настроение после отдыха на море было хорошее. Все загоревшие, особенно сыночек. Ему тогда было восемь лет. Он играл с детьми наших друзей, они шумели и бегали по терминалу. Я периодически кричал им, чтобы далеко не уходили, – боялся, что заблудятся.

Аэропорт состоял из множества терминалов с несколькими уровнями, связанными между собой эскалаторами. Народу было очень много. Я сидел и читал путеводитель по Таиланду. По официальным данным, в Бангкоке тогда жило более семи миллионов человек, а местные нам говорили, что на самом деле в два раза больше. После двухнедельного пребывания здесь у меня сформировалось положительное мнение о стране в целом.

Тарлан подбежал к маме и сказал, что проголодался.

Супруга и Тарлан вместе с детьми друзей поднялись по эскалатору на второй уровень, где находилось небольшое кафе. Когда они уходили, я сказал им вслед с тревогой:

– Далеко не идите, скоро посадка.

Думаю, из-за шума в зале меня никто не услышал. Не прошло и десяти минут, как объявили посадку на наш

рейс. Я забеспокоился и вместе с другом побежал в кафе за детьми. Когда мы подошли, дети еще ели. Друг поднял своих детей из-за стола, и они быстро ушли.

– Давай побыстрее, надо идти на посадку, – поторопил я Тарлана.

– Ты иди, мы сейчас подойдем, – сказала супруга.

Мне пришлось вернуться обратно, чтобы посидеть с нашими вещами, поскольку друзья уже уходили на посадку.

Через несколько минут подошла супруга и спрашивает:

– Где Тарлан? Ушел на посадку с детьми?

– Как?! Он же с тобой остался!

– Нет. Он сразу побежал за тобой.

У меня в глазах потемнело. Ужас и паника охватили меня при мысли, что мы потеряли ребенка в огромном аэропорту чужой страны. Бросив укоризненный взгляд на жену, помчался к эскалатору, поднялся на второй уровень. Забежал в кафе. Сына там не было.

Выбежав из кафе, понял, что Тарлан мог перепутать направление, поскольку по обе стороны шли одинаковые эскалаторы.

Я побежал по эскалатору и начал громко кричать:

– Тарлан, Тарлан, ты где?

Здесь тоже огромный зал, набитый пассажирами, люди таскали багаж, стояли в очереди на посадку...

Бежал, а в голове прокручивал все возможные истечения обстоятельств: мы уже не летим, поскольку без ребенка страну покидать не будем, да и до вылета

остались считанные минуты...

Чего только не предлагало мне мое услужливое воображение! Может, его украли? Может, его уже нет в аэропорту? А что делают с украденными детьми...

От таких мыслей – я просто сходил с ума.

– Тарлан, Тарлан, это папа, – кричал не своим голосом.

Вдруг вижу: со мной рядом бежит человек и на английском мне что-то говорит. Я, не убавляя шаг, выслушал его и понял, что он из службы охраны аэропорта и предлагает мне пройти на радиоузел для

объявления. На ходу дав согласие и попросив еще немного поискать ребенка, поскольку если он заблудился, то далеко уйти не мог, мы продолжили путь.

Только сейчас заметил, что супруга тоже бежала наравне со мной. Мы так прошли два терминала через эскалаторы вверх и вниз, не останавливались. С нами продолжал бежать и работник аэропорта.

Иногда думал, что сплю и все это мне снится. Буквально за один миг весь мир перевернулся, я готов был все отдать за то, чтобы происходящее оказалось сном. Но, к сожалению, это была жестокая действительность. Себя карал за то, что не настоял и не забрал ребенка из кафе с собой. Что думала супруга, известно было только ей одной...

Вдруг среди гула аэропорта я вдалеке уловил звуки, похожие на голос Тарлана. Он кричал: «Мама!»

– Я слышу его голос, это он, – побежал на его голос и через минуту уже видел его. Это точно был он! Он бежал и, поняв, что заблудился, испуганный, плакал и звал маму.

Не знаю, от радости или от того, что нервы сдали, я ухватил его за левое ухо и потащил за собой:

– Ты зачем побежал, не дожидаясь маму? – хотя понимал, что виноваты были мы – нельзя было ребенка оставлять одного. Не останавливаясь, поблагодарил работника аэропорта, и мы побежали обратно к нашим вещам. Там уже никого из наших соотечественников не было,

посадка кончилась. Мы на всякий случай побежали к выходу, где кончилась посадка, и на наше удивление нас запустили.

Оказалось, из-за нас задержали рейс, и когда мы забежали в самолет, многие пассажиры приветствовали нас одобрительными возгласами.

Я чувствовал себя опустошенным. В течение последнего получаса мы перенесли такой шок, что наши эмоции и впечатления от двухнедельного отдыха на море стерлись, отпуск, можно сказать, пошел коту под хвост...

По приезду домой, когда меня спрашивали о том, как отдохнул в Таиланде, в ответ рассказывал восточную притчу про волка и овцу.

В старину Шах, чтобы проверить мудрость своего визиря, дал ему овечку и несколько мешков ячменя и приказал:

– Ты должен кормить ее в течение месяца, но при этом смотри, чтобы она вообще не набирала вес.

Когда визирь со своей проблемой пришел домой, супруга, дочь чабана, узнав причину печали мужа, срочно уехала к отцу в горы и к утру привезла в клетке волка, сказав ему:

– Ты не переживай, можешь кормить овцу сколько хочешь, но после того, как накормишь, обязательно приводи ее к клетке, чтобы она увидела волка. Уверяю тебя, после этого она ни на грамм не поправится. Вот так я и отдохнул.

*«Проблема появляется оттуда,
откуда меньше всего ждешь»
Народная мудрость*

Отпуск в шапке

Начало восьмидесятых прошлого века. Зима. Собрался лететь домой. Билеты куплены, подарки подготовлены и упакованы в чемодан.

Автобус в Кустанай отходит от автовокзала в 6 часов утра. Надо быть там за десять минут до отправления.

Тогда в нашем городе такси еще не было, добраться до автовокзала можно было только на автобусе, но я не знал номер маршрута и, тем более, расписание движения. Поэтому выбрал самый надежный способ – пешком. Думал, как раз с утра пройду, подышу свежим морозным воздухом, два километра – это же не расстояние. Тем более, что недавно купил нутриевую шапку-ушанку, как раз ее и надену. Только утром встать надо рано, чтобы успеть собраться и дойти. Поставил будильник на половину пятого и лег спать.

Перед дорогой крепко поспать у меня никогда не получалось, а в этот день в ожидании скорой встречи со своими родителями и родными я долго не мог заснуть и в своем воображении был уже с ними...

Проснулся по звонку будильника. Собрался, с чемоданом в руке вышел на улицу.

Мне показалось, что мороз был не очень сильным, но дул ветер. Не стал опускать ушки своей новой шапки.

Шел быстрыми шагами, периодически перекладывая чемодан из руки в руку. По дороге от интенсивности ходьбы даже вспотел.

Вдруг в правое ухо как будто чиркнули чем-то, я аж чемодан уронил на землю. Руками прижал уши – они были очень холодными. Правое ухо вообще не чувствовало тепло от руки. Очень испугался, лихорадочно начал растирать уши снегом, потом развязал и отпустил ушки моей новой шапки. Продолжил путь, поскольку надо было спешить на автобус.

Наконец-то дошел до автовокзала, вошел в зал ожидания. На мой автобус уже шла посадка. Поднял ушки шапки и пошел на посадку.

Как только зашел в автобус, женщина-кондуктор
внимательно посмотрела на меня:
– У тебя правое ухо отморожено, ты не чувствуешь,
что ли?

– Как отморожено!? Я же уже согрел уши, думал, все прошло.

– Поздновато ты спохватился, вот увидишь, неделю-другую будешь мучиться, – покачала головой она.

А водитель автобуса то ли в шутку, то ли всерьез добавил:

– Если еще пройдет! Ты посмотри, оно у тебя уже в два раза больше второго и красное. Хочешь, чтобы в морозы уши были целыми, заранее развяжи ушки шапки. А сейчас уже поздно, наоборот, не надо закрывать.

Посмотрел на себя в водительском зеркале и ужаснулся, окончательно расстроился, что отморозил уши. Сел на свое место. Мне уже представлялись жуткие картины с моими отмороженными ушами, даже вспомнил кадры кинохроники о пленных немцах под Сталинградом.

Ухо всюду зудело, как после ожога. Только тогда начал понимать, какую проблему создал сам себе на время своего отпуска.

Мне было стыдно показаться людям на глаза с распухшим до невообразимых размеров и красным ухом. Пришлось весь отпуск ходить в нутриевой шапке с опущенными ушками.

Как назло, в Азербайджане стояла очень теплая погода. Когда меня спрашивали, почему хожу в теплую погоду в шапке, еще и с опущенными ушками, я отвечал:

– Моя голова отбывает наказание за то, что своевременно не приняла правильное решение.

*«Любой может испортить обед.
Но повар делает это профессионально»
Игорь Карпов*

Поварешка

Жарким летним днем мы с группой специалистов возвращались с участка работ. Ехали на УАЗике, степной дорогой, и за нашей машиной поднималась стена пыли. В степи дул суховей, нещадно палило солнце. Очень хотелось поскорее выйти из раскаленной машины и спрятаться в тенечке. От жары и пыли пересохло в горле, мучила жажда.

Когда проезжали село Волгоградское, кто-то из ребят предложил пообедать в совхозной столовой:

– Здесь неплохо готовят, мяса много кладут.

Мы устали и проголодались – время-то было обеденное, и мы единодушно согласились. Водитель остановил машину возле одноэтажного строения, над входом в которое красовалась вывеска с крупными буквами «Столовая».

Было тихо и безлюдно. Мы вышли из машины, стряхнули пыль с одежды и обуви. Походив на улице, немного размялись.

– Ну что, идем? Странно только, что людей нет, – удивленно огляделся я вокруг.

– Видимо, у них обед с часу, – предположил наш водитель. – Скоро придут. Как раз и покушаем, пока никого нет.

На входе была оборудована специальная комнатка с умывальником, где мы помыли руки и с наслаждением ополоснули прохладной водой наши пыльные, разгоряченные лица. Пока ждали друг друга, с интересом поглядывали по сторонам. Внутри здание оказалось большим. Зал был оформлен со вкусом, над стенами поработал художник, присутствовал свадебный декор – видимо, все сельские торжества проходили здесь.

Между кухней и залом были расположены несколько окошек. Возле одного стопкой стояли подносы. Все взяли подносы, ложки и вилки и гурьбой двинулись к следующему окошку, где виднелись стаканы со сметаной. Инженер по технике безопасности Паша крикнул в окошко:

– Девчата!

Появилась девушка с пышной фигурой, в белом халатике и в шлепанцах.

– Боже мой, сколько мужчин, и все ненашенские! – игриво заулыбалась она. – Всех накормим, напоим. Первое желаете? Окрошка, борщ, лапша. На второе гуляш, плов, мясо по-казахски.

В руках у нее была большая поварешка с длинной ручкой. Перечисляя названия блюд, она указывала половником на большие алюминиевые кастрюли. Судя по их объему,

готовили здесь много, и в этот раз, как обычно, собирались накормить большое количество людей.

– Мне полборща, пожалуйста, – попросил я.

Она только хотела опустить поварешку в кастрюлю с борщом, как зазвонил телефон. Звонок был настолько громким, что телефонный аппарат аж ходуном заходил на металлическом столе, на котором стоял.

– Минуточку, – снова улыбнулась девушка и побежала к телефону.

Видимо, разговор был приятным, потому что она не торопилась класть трубку.

Вдруг Паша слегка толкнул меня в бок локтем:

– Смотрите!

И только тут все мы, в ожидании разглядывавшие аппетитное содержимое кастрюль, увидели, что девушка, разговаривая по телефону, скинула с одной ноги шлепанец и чешет поварешкой свою правую пятку.

Мы не успели опомниться, как она положила трубку, шагнула к плите и зачерпнула этой поварешкой из кастрюли:

– Кому борщ? – повернулась она к нам с тарелкой.

– Спасибо, не надо! – буквально крикнули мы в один голос и вылетели из столовой.

Только слышали в след голос поварихи, которая, видимо, так и не поняла, что произошло:

– Мальчики, вы куда?

По дороге про еду уже никто не говорил.

*«Когда целуешься с вором,
не забывай пересчитывать свои зубы»
Еврейская пословица*

Простак

Сделав пересадку в Саратове, мы потратили на перелет из Кустаная до Москвы на АН-24 почти пять часов. Когда я, взяв свою сумку из багажника самолета, шел к зданию аэропорта, от шума двигателя еще гудело в ушах, побаливала голова.

С развалом СССР я перестал любить поездки в Москву. Еще совсем недавно этот город был любимой столицей, сейчас он стал чужой, и от этого мне было обидно: будто ее – Москву, столицу – у меня украли.

Прилетел по работе – несмотря на развал страны, мы еще финансировались и работали в составе московской компании.

Вышел из аэропорта Быково и отправился на станцию, чтобы сесть на электричку. Было начало весны, кое-где еще лежал снег. Мне казалось, что люди вокруг озабоченные, никто ни на кого не обращал внимания. Я тоже был занят своими мыслями и все думал о завтрашнем заседании Научно-технического совета. Надо бы еще найти время встретиться с родственниками и передать им гостинцы.

Вдруг вижу: молодой человек, пробегая, согнулся и как будто что-то поднял с асфальта, мимоходом шепнул мне: – Я нашел кошелек, давай поделимся.

Даже не повернув головы в его сторону, я продолжал идти, по-прежнему был занят своими мыслями. Когда подошел к переходу через линии железной дороги, меня остановил взволнованный человек средних лет с бородой, с виду приезжий, и начал сходу говорить:

– Я потерял кошелек, мужик проходил сейчас и показал на Вас, что Вы его нашли и подняли. Верните, пожалуйста.

– Да, что Вы говорите?! Я никакого кошелька не видел и тем более не поднимал. Оставьте меня в покое, – бросил я и хотел было идти дальше.

– Покажите свой кошелек, просто посмотрю: я свои деньги знаю, у меня были доллары. Или вызываю милиционера.

– Да ради бога, вызывайте кого хотите! Смотрите: у меня только рубли, – вытащил я из кармана свой портмоне и показал ему.

Он буквально провел руками по деньгам и сказал:

– Извините, это не мои деньги.

Я положил портмоне в карман и пошел дальше. Сел на электричку до Москвы и по дороге все переживал за бородача: несчастный, приехал в большой город и потерял деньги, как ему тяжело!

Прибыл в нашу ведомственную гостиницу, которая находилась недалеко от станции метро Новокузнецкая, и начал оформляться. Когда пошел в кассу платить за проживание, вдруг обнаружил, что у меня пропали практически все деньги. В кошельке обнаружил только

одну пятидесятитысячную купюру. Такие только ввели в обращение, и они в то время были самыми крупными. И их в моем кошельке было шесть штук.

Только тогда понял, что бородач, которого я принял за приезжего и всю дорогу жалел и переживал за него, был профессиональным вором, членом организованной преступной шайки. Одним движением пальцев он на моих глазах из моего кошелька вытащил практически все деньги, оставив только одну купюру, чтобы я не сразу догадался о пропаже.

Хорошо, что в кармане еще были деньги, я смог заплатить за гостиницу. На обратный билет и проживание пришлось взять деньги в головном офисе.

Рассказывать на работе о произошедшем я тогда постеснялся.

И как же мне было обидно, что я оказался не готов к таким вызовам больного в то время общества!

*«Обстоятельства переменчивы,
принципы – никогда»
Оноре де Бальзак*

Профессор

Далекие студенческие годы. Четвертый курс. Апрельская суббота накануне Дня геолога. Мы учились во вторую смену. Наш курс собрался на первом этаже университета в ожидании последней пары. Это была лекция профессора Субхи Бекташи, известного ученого, в то время работавшего главным геологом Управления геологии Республики, который преподавал у нас методы поисков месторождений. Мы надеялись отпроситься у него: впервые всей группой решили отметить День геолога, заказали столы в кафешке неподалеку. Волновались, не зная, что получится из нашей затеи: профессор был строгий, и студенты его побаивались. А вот я его любил: его лекции были интересными, и он ко мне относился очень хорошо, даже другим в пример ставил.

– Идет! – сообщил кто-то, прервав гул в холле.

Несколько человек подбежали к дверям, чтобы убедиться. Действительно, профессор приближался к основному входу быстрыми, энергичными шагами.

Староста нашей группы Саид пристал ко мне:

– Слушай, он тебя уважает, так что давай-ка лучше с ним поговоришь ты, а мы рядом будем. Скажешь: мол, праздник, суббота, мы хотим отметить День геолога и ус-

петь разъехаться по домам. Я не успел возразить, как профессор уже был у дверей и вошел в университет. Когда он поравнялся со мной, я выпалил:

– Профессор, от всех нас поздравляю Вас с наступающим профессиональным праздником. Знаете, мы хотели сегодня отметить День геолога и просим Вас отпустить нас с последней пары.

По его лицу не скользнуло ни тени, и было совсем неясно, какое действие на него произвела моя бесцеремонная просьба. Лишь слегка приподнялась левая бровь, и он, не останавливаясь, спросил:

– А где остальные, почему же ты один?

– В каком смысле один?! – я растерянно обернулся и никого не увидел: ни старосты, подбившего меня на этот разговор с профессором, ни других однокурсников. Струсив, все убежали в аудиторию.

Он ухмыльнулся и на ходу строго произнес:

– Сначала станьте геологами, а потом будете отмечать. Все на пару!

В том же году я был на преддипломной практике в Ордубадском районе Азербайджана. Сначала приехал в село Келеки, где расположилась экспедиция, чтобы определиться с местом практики, а уже оттуда отправился в горы.

Через неделю с оказией вернулся на базу экспедиции и остановился в общежитии. Думал взять в фондах материалы для дипломной работы. В общежитии встретил однокурсников и некоторых выпускников нашего университета, и мы решили устроить пикник на берегу реки, пересекавшей деревню. А почему бы и нет?! Места там неописуемо красивые.

Решили приготовить шашлыки и купили козленка.

Видимо, козленок почувствовал неладное: пока мы тащили его к берегу, он непрерывно блеял, несколько раз вырывался, и мы всей деревней ловили его...

Шашлык получился на славу. Мы замечательно отдохнули и хорошо пообщались. Кто-то из студентов сказал, что видел здесь профессора Бекташи, и предложил сходить к нему, чтобы отпроситься домой. Причин нашлась бы целая куча: и деньги кончились, и теплой одежды нет... Ну, а материалы можно будет взять потом, во время следующего семестра, в центральном фонде Управления.

Ребята долго уговаривали меня идти с ними, пока я не напомнил, как они бросили меня в канун Дня геолога, и рассказал смешную историю, произошедшую с Насреддином во время правления Тимура.

– После Индийского похода в войсках Тимура появились слоны. По легенде, он распределил слонов на постой между деревнями. Привели слона и туда, где жил Насреддин.

Слон целыми днями ходил по дворам и угодьям, съедал и ломал все подряд. Народ очень был недоволен этим, но больше всего страдали богачи: бедным-то терять нечего. И однажды несколько богачей собрались и пришли к Насреддину, чтобы он с ними вместе отправился к Тимуру. Они решили просить правителя забрать слона из их деревни, иначе здесь не останется еды и все будет разрушено.

Насреддин, несмотря на молодость, был умным, начитанным и имел авторитет среди населения. Богачи сулили ему вознаграждение, если он поможет

им найти нужные слова для объяснения с Тимуром, и он согласился.

Когда они прибыли во дворец, их провели в помещение, где Тимур проводил прием. Диванхана была полна народу. Пришлось ждать своей очереди.

Насреддин устал с дороги и уснул прямо там, где сидел. Проснулся он от громкого крика. Наказывали того, кто стоял в очереди перед ним, – за то, что жаловался на слона Тимура.

Насреддин повернулся к своим попутчикам, чтобы посоветоваться, что делать, но их и след простыл. Хотел незаметно удалиться, как вдруг услышал грозный голос Тимура:

– Ты зачем приходил?

– Ваше величество, у меня вопрос пустяковый, не хочу отрывать Вас от великих дел.

– Раз уж пришел – говори.

– Я о слоне, который живет в нашей деревне.

– Чтоооо?! Ты жалуешься на моего слона?

– Да благословит Вас Аллах, Великий Амир! Напротив, мы очень рады, что у нас живет слон. Но нам очень жаль его: он скучает в одиночестве. Мы хотели просить Вас, если это возможно, прислать нам слоницу.

На лице Тимура появилась улыбка и он приказал:

– Пусть каждый, кто любит меня, одарит подарками этого человека. И немедленно отправьте в его деревню слоницу.

Свита Тимура засыпала Насреддина подарками и деньгами. Стража проводила его к парадным дверям,

откуда выводили людей, заслуживших благосклонность повелителя.

Попутчики же Насреддина ждали его у других дверей – у тех, откуда выбрасывали избитые тела наказанных. Когда увидели его у парадной двери, глазам своим не поверили:

– Как тебе, Насреддин, удалось заслужить похвалу Тимура?

– Как-то само собой получилось. Ваше предательство и крики человека, который был передо мной, многому меня научили и изменили мое отношение к слону Тимура.

– И что, он заберет слона?

– Нет, ждите еще и слоницу.

Заканчивая рассказ, я пошутил:

– Если вы меня опять одного оставите, надолго придется вам здесь задержаться.

Все рассмеялись. А на следующий день мы отправились к профессору. Правда, на этот раз держались вместе и старались своими доводами разжалобить его.

Он внимательно нас выслушал и отрезал:

– Марш по отрядам! Судя по тому, что вы вчера вытворяли в деревне, никак не скажешь, что вы без денег. Крик бедного козленка долго еще будет звучать в ушах сельчан! А что касается одежды, ватник найдется каждому...

Ремень

По семейным обстоятельствам супруга находилась в Узбекистане: ухаживала за больным отцом. Мы с маленьким сыном остались дома вдвоем. Он ходил в садик, я – на работу, а потом дома он играл, а я занимался делами.

Впереди был Новый год. Нарядили елку, купили подарки. Я в шутку возле елки повесил ремень. Когда сынишка спросил почему, ответил:

– Дед Мороз не только подарки носит, но еще и детей, которые не слушаются своих родителей и плохо себя ведут, ремнем по одному месту бьет.

Сказал и забыл. Но ребенок на глазах изменился: стал слушаться, капризы куда-то исчезли, начал мне по дому помогать, дело дошло до того, что к приезду мамы квартиру пылесосил уже он. Как говорится, все показатели пошли вверх.

После Нового года убрали елку и, конечно же, ремень. Все вернулось на круги своя.

Прошло несколько лет, сын уже учился в школе, когда однажды меня встретил друг и спросил:

– Тебя не приглашали в школу?

– Нет, а что случилось? – вопросом на вопрос ответил я.

– Как что?! Разве ты не знаешь, что твой сын написал свободное сочинение на тему «Ущемление прав детей родителями», где рассказал, что ты на него в детстве

воздействовал ремнем и с тобой по этому поводу учителя должны бы провести беседу.

Когда вечером поговорил с сыном о его сочинении, он мне напомнил об истории с ремнем возле елки.

– Но я же ни разу не использовал ремень по назначению! Сейчас вижу, что зря! – засмеялся я.

Секрет вкусного чая

Раньше на дачах люди часто собирались семьями, с друзьями и весело проводили время. У моего друга Вани дача была прямо на берегу реки. Чудесное было место, которое подходило и для рыбалки, и для купания, и Ваня трепетно за ним следил: не позволял здесь сорить и рыбачить всем, кому не лень.

В один прекрасный июльский день мы с родными из Узбекистана отдыхали на Ваниной даче. Наш узбекский гость Собир готовил уху из двух щучек и нескольких плотвичек, кто-то из ребят помог почистить картошку.

Запах ухи вкусно щекотал ноздри, и все ходили вокруг походной кастрюли: с нетерпением ждали, когда же хозяин объявит, что можно садиться за стол.

Ужинать мы собирались в дачном домике – небольшом двухэтажном сооружении. Когда уха была готова, уже стемнело, и поскольку на даче не было электричества, для освещения комнаты использовали лампочки, запитанные из аккумуляторов машин. Видимость, конечно, была не ахти, но это никому не казалось неудобством. Даже наоборот: тусклый свет придавал какое-то особое настроение.

Стол успели сервировать засветло, и некоторые в ожидании ухи начали отмечать встречу. Когда, наконец,

уху подали, мы дружно накинулись на нее. Уха удалась на славу – язык проглотишь! Все хвалили Собира за кулинарное мастерство, и некоторые даже «резервировали» добавку.

Отварная картошка и шашлыки превратили наш ужин в пир для желудков. А тосты и анекдоты, охотничьи байки никому не давали скучать.

Ну и, конечно, какое застолье без чая?! Тем более, после такого обильного ужина!

Воду мы вскипятили в ведре, чай заварили в большой чашке. «Чайханщиком» был Ильхом, а я получал и передавал стаканы, чашки, пиалы – одним словом, был помощником чайханщика.

Все нахваливали чай. Одни говорили, что он такой вкусный из-за воды, другие видели причину в необычных условиях чаепития...

– Слушайте, не могу найти тряпку, которой посуду мыл и стол вытирал. Никто не видел? – спросил Ваня.

– Да, я тоже искал – нет нигде, – ответил кто-то, – в темноте разве найдешь?

– Давайте чаю! Такого я еще не пил – как лечебный отвар! – протянул свою пиалу Ваня. – Ильхом, ты туда ничего не добавлял? Может, поделишься секретом?

– Да нет никакого секрета! Обычный кипяток с заваркой.

– Там еще много кипятка осталось? – спросил я.

– Не вижу, – склонился Ильхом над ведром.

Он достал из кармана зажигалку, зажег ее и поднес к ведру.

– Ну? – в нетерпении воскликнул я, немного раздраженный его затянувшимся молчанием.

– Черт! – наконец тихо произнес он. – Тряпка, которую ищут... она здесь. Как она сюда попала?

– Ну вот, попили чайку! – буркнул себе под нос и быстро шепнул Ильхому:

– Только не говори никому, не порти людям удовольствие

– вон как нахваливают!

Мы с Ильхомом перестали пить чай, а остальные с большим удовольствием продолжали чаепитие и быстро опустошили ведро с кипятком.

Потом мы помыли посуду и вытерли стол этой злосчастной тряпкой и как ни в чем не бывало легли спать.

Только утром, когда собрались ехать домой, я раскрыл всем наш секрет вкусного чая...

*«В действительности все
не так, как на самом деле»
Леф С. Е.*

Семейные тусы

– Можно? – робко спросил я и продолжал стоять у двери кабинета.

– Почему ты там стоишь? Проходи! – пригласил меня главный геолог и кивком головы указал на стул перед ним.

Я вошел и сел.

– Слушаю, ты что-то хотел?

– Знаете, занимаюсь составлением отчета по месторождению строительного камня, и мне нужны материалы о производстве строительного камня по региону. У нас в районе есть предприятие «Каменный карьер», думаю, надо сходить туда и взять у них кое-какие материалы.

– Хорошо, ты можешь после обеда туда сходить. Их контора находится в старом городе по улице Школьной.

По данным из отчетов и исторических материалов, предприятие «Каменный карьер» занималось производством бутового камня из гранита. Именно из этого камня раньше были построены многие здания в регионе. С большим интересом ждал встречи

со специалистами и знакомства с геологическими условиями отработки месторождения карьером.

К часу дня я уже был возле конторы «Каменного карьера». Люди возвращались с обеда. Ровно в час зашел в приемную директора и представился:

– Я из геологоразведочной партии и мне необходимо познакомиться с материалами по вашему производству.

Женщина лет сорока, услышав слово «партия», подняла голову и внимательно посмотрела на меня, предложила мне сесть и быстро куда-то вышла. Через минуту она вернулась с немолодой полной женщиной.

– Директора нашего нет, а вот наш главный технолог, все Вам покажет и расскажет. Вы проходите в производственный отдел.

– Меня зовут Ангелина Захаровна, – представилась главный технолог.

Изумленный таким приемом, молча вышел за ней и пошел в производственный отдел. Там мне освободили стол, предложили чай.

– Да только с обеда, спасибо. Лучше посмотрю документы и материалы.

Мне принесли кипу журналов и отчетов за последние годы. И только собрался изучать отчеты, как Ангелина Захаровна говорит:

– Продукцию и материалы в складе посмотрите или образцы сюда принести.

– Да что Вы?! Зачем сюда?! Конечно же, в складе посмотрим! – сказал, и подумал: – как же они камни притащат сюда?

– Тогда пойдемте в склад, пока кладовщица на месте, – предложила она.

Я встал, и мы вышли из здания. Склады находились на горе, недалеко от конторы, минут пять-семь ходьбы.

Когда дошли до складов, Ангелина Захаровна уже запыхалась.

– Даша, открой дверь, это я, – прокричала она и постучала в дверь склада, одноэтажного здания барачного типа.

Через минуту дверь открылась, мы оказались в длинном коридоре с высокими потолками.

– Открой склад готовой продукции, – велела Ангелина Захаровна.

– Заходите, он открытый, – сказала молодая девушка и оценивающим взглядом посмотрела на меня.

Когда мы зашли в склад, сначала ничего не понял и подумал, что они что-то перепутали: все помещение было забито мужскими семейными трусами в полоску.

– А где продукция из карьера? Причем здесь мужские трусы? – спрашиваю у Ангелины Захаровны.

– Разве Вы не знаете, что мы трусы шьем уже давно, а в карьере лет пять не работаем, поскольку потребности на бутовый камень нет.

– Да? А меня интересовала только продукция из карьера и данные по ее производству, поскольку я из геологоразведочной партии.

– Из какой партии? А нам сказали, что Вы из горкома партии.

– Да нет, я геолог и пришел собрать материалы по производству строительных материалов, ведь предприятие называется «Каменный карьер». Увидеть забитые семейными трусами склады я никак не ожидал.

В воздухе повисла неловкая тишина. Я не выдержал:

– Забавные у Вас этикетки к трусам: «Джетыгаринский каменный карьер, семейные трусы», как будто трусы добывают в карьере.

Прошло немного времени, и по телевизору в программе «Вокруг смеха» показали семейные трусы с этикеткой из Джетыгаринского каменного карьера. Но я к этому никакого отношения не имел.

*«Уж сколько раз твердили миру:
сыр без присмотра – нету сыра...»
Народная мудрость*

С кем не бывает

Однажды зимним днем я с супругой поехал по магазинам делать покупки. Зашли в магазин одежды и разошлись по отделам: каждый ходил и искал, что ему было нужно.

Прошло совсем немного времени, как я увидел, что моя жена уже стоит и ждет меня. Я этому удивился: как правило, я ее ждал.

Решил, что она уже успела все посмотреть и не нашла, что хотела, поэтому ждет меня, чтобы отправиться в другой магазин.

Быстро вышел из мужского отдела и подошел к ней, взял ее под ручку и повел к выходу. Она шла молча, а я рассказывал ей о том, что мне понравилось в мужском отделе.

В это время в магазин зашла пара – наши хорошие знакомые, и мы столкнулись с ними на выходе.

Я поздоровался. Они с удивлением посмотрели на нас, кивнули и прошли мимо. Такая холодность меня озадачила, и обернулся им вслед: хотел спросить, что случилось, может, они чем-то обижены.

Вдруг вижу: возле отдела для женщин стоит моя супруга и изумленными глазами смотрит мне вслед.

Растерянно повернулся к своей спутнице.

Женщина, внешне очень похожая на мою жену, одетая в пальто такого же цвета, ехидно улыбалась. Видимо, она сразу поняла, что я принял ее за другую, но молчала: наверное, хотела посмотреть, чем все кончится. Попросив прощения у незнакомки, обескураженный, подошел к женскому отделу, где супруга в шутку говорила нашим знакомым:

– На минуту нельзя мужа оставить без присмотра: сразу подбирают.

*«Не можешь противостоять
– противолези!»*

Согым - святое дело

С приходом морозов у нас в северном Казахстане наступает время согыма – забивают крупный скот на зиму. Чаще всего заготавливают конину, для чего режут заранее откормленных лошадей. Примечательно то, что независимо от того, где живут казахи – в городе или в деревне, как правило, режут согым. Если раньше на согым лошадей откармливали сами, сейчас же – в связи с урбанизацией – покупают на базаре или у тех, кто специально откармливает их к сезону. К середине ноября мои друзья-казахи уже собирают информацию по региону о наличии лошадей, их жирности и, конечно же, о цене. Те, кому мяса одной лошади много, как правило, кооперируются по несколько человек, но не более четырех, поскольку мясо делят по количеству ног, и вместе ездят по селам, подыскивая подходящую лошадь. Потом на помощь созываются родные, друзья или знакомые. Как только лошадь забили, женщины чистят внутренности и готовят куырдак из парного мяса.

Я часто слышал от аксакалов о том, что бульон конины очень помогает при морозе, поскольку, в отличие от баранины, быстро не густеет и греет человеческое тело. Считается, что жирное мясо – показатель достатка

угощающего. Когда казы срезают с ребра коня, его толщину измеряют в пальцах или сере – ладони. Чем больше пальцев помещается на срезе, тем лучше.

По традиции, семья, которая приобрела согым, угощает родственников, друзей, соседей бесбармаком из свежей конины. Получается, что всю зиму ходим в гости друг к другу – отведать согым.

Еще очень интересные детали: мясо из разных частей туши имеет свое значение и при дележке согыма оно распределяется поровну, чтобы каждому напарнику в долю попадали все части. И хозяйка, когда делит мясо по порциям, также учитывает значения каждого куска мяса, поскольку гостям согым подается с учетом возраста, степени родства, общественного статуса и по многим другим признакам.

Всегда поражаюсь, как огромную тушу разделявают без применения топора, а только с помощью ножа.

Естественно, что с этой народной традицией связаны многие казусные события, приколы, розыгрыши со мною и моими друзьями.

Помню субботний день февраля. Собрался в магазин за хлебом. Жили мы в коттеджном поселке, до магазина пять-шесть минут ходьбы. Когда вышел за калитку, понял, что поход в магазин будет не легким: начался буран.

Сначала подумал вернуться домой, но потом решил идти: вдруг буран надолго, а дома хлеба нет. Может, успею, пока он еще не сильно разыгрался.

Действительно, туда дошел быстро. Среди многоэтажных домов видимость была еще терпимой. Не стал тянуть время, после покупки хлеба сразу же пошел обратно.

На выезде из микрорайона к нашему поселку света белого видно не было. Из-за сильного ветра липкий снег моментально забивал лицо. Шел почти полусогнутый, иногда даже на четвереньках. По дороге столкнулся с соседом по улице – Бахытбеком. Он практически полз в сторону микрорайона.

– Куда в такую погоду?

– Иду, вернее, ползу на согым: родственники пригласили. А не пойти нельзя. Будет большая обида, и никто не поймет того, что я из-за бурана не пришел. Это святое, а я и так семью не взял с собой – еще из-за этого буду объясняться.

– Ну, удачи тебе! Раз решился на это в такую погоду, значит, точно святое дело, – в недоумении сказал я и попрощался.

*«Красота – покоряет,
красотки – разоряют»
Борис Шапиро*

Женские ноги

– Да чтобы я с тобой еще раз согым выбирал!!! Из-за тебя всю зиму вместо нормального мяса кости есть будем. Даже не знаю, как перед гостями оправдываться, почему такое мясо взял на согым! – сокрушался Атаке, упрекая Маке.

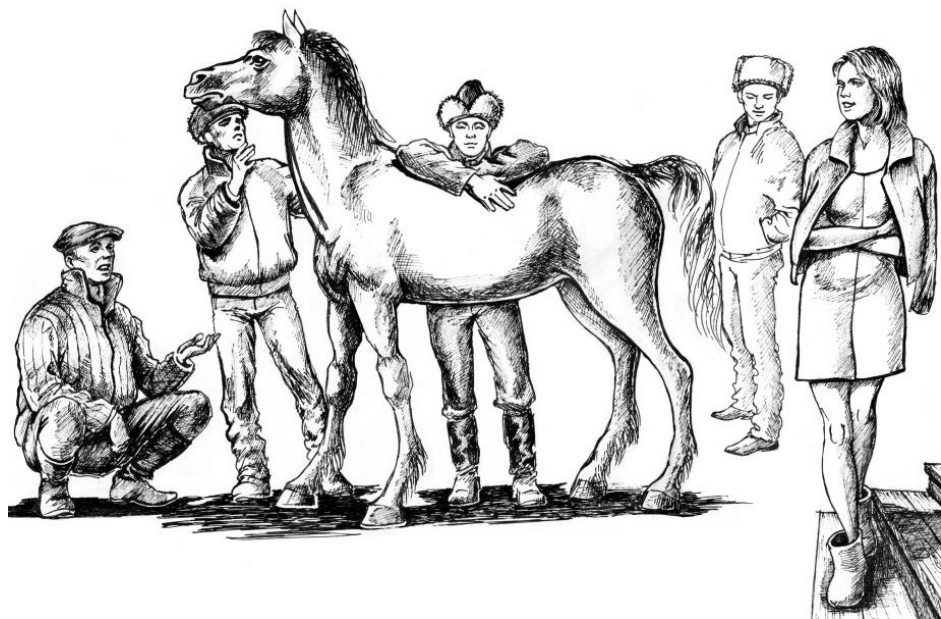
– Это ты виноват! И меня подвел, и себя! Ты же старший, поэтому должен был посмотреть, что за лошадь режут для нас на согым. Ты для чего в такую даль ездил? Лошадь выбирать или любоваться женщиной? Давай чай поьем, давай чай поьем, лошадь подождет!

Вот и попили чай – на несколько сотен тысяч тенге. Мне так обидно, что я три ноги взял, а ты всего одну... зато разглядел еще пару женских ножек. Я же взял теще, шурина и себе. После такого мяса дорога к теще закрыта надолго, даже не знаю, как оправдываться перед ней, – парировал Маке.

– Говорите спокойно: что случилось? Мы не пойдем вас, – вмешался я в разговор, – причем здесь женские ноги и согым?

– Я тоже думаю: причем здесь женщина? А он как та мышь: сыр увидел и забыл про остальное.

– А ты что? Не пил, что ли?! Мы приехали в село, где продавали лошадь на согым, – начал Атаке. – Зашли во двор, а там во дворе несколько здоровых мужиков ждут нас.

Мы толком еще не успели посмотреть на лошадь, как из дверей дома выглянула красивая женщина, несмотря на мороз, в одном коротком халате с голыми ножками и пригласила нас на чай. У нас как будто головы снесло! Вместо того, чтобы проверить

упитанность лошади и проследить, как режут согым, мы пошли домой пить чай, как будто год не пили. А наша очаровательница перед нами кружилась и угощала нас чаем. Удивительно было то, что дома больше никого не было: все домочадцы были во дворе. Я ему говорю: ты иди, мол, посмотри, как там дела. А он мне: сам иди, мол, я тоже чай хочу. А когда поняли, что-то не так, и вышли во двор, лошадь уже зарезали. А там мясо худое, практически без внутреннего жира и казы. Когда мы намекнули, что мясо не возьмем, все мужики как бы невзначай начали крутить в руках ножи, давая понять, что уж лучше бы нам забрать мясо: «Вы же сами сказали: режьте!»

И только тогда мы поняли, что все это было уловкой для того, чтобы продать нам худую лошадь на согым. Вот так мы съездили в деревню за согымом...

Прошло много лет, но при каждом удобном случае мы просим своих друзей рассказать, как они вместе покупали согым.

Сколько пальцев

Как-то за дастарханом я сидел рядом со стариком. Он в молодые годы работал в геологической отрасли, поэтому часто заводил разговоры о делах на нашем предприятии, любил пошутить.

Обычно рассказав какую-нибудь историю, он не дожидаясь реакции окружающих, сам первым начинал с таким смаком смеяться, что многие, даже те, которые не слушали его не могли сдержаться от смеха. Чувствовалось, что и в тот день у него было приподнятое настроение. Он с нескрываемым удовольствием ел мясо и рассказывал о своем последнем походе к врачу:

– Я со всеми результатами анализов пришел к ней. Она меня осмотрела и говорит: «Вам, Агай, нельзя жирное кушать. У вас поджелудочная больная».

А я ей: «Дочка, не понимаю, что ты имеешь в виду, когда говоришь «жирное»? Ты же знаешь, мы, казахи, жирность мяса на согым определяем по толщине казы в пальцах. Лучше ты мне скажи, сколько пальцев можно кушать, а сколько – нельзя, и мне станет понятно», – засмеялся он, положив в рот хороший кусок жирной конины.

Знаю

Главное блюдо казахов называют по-разному. Там, где я живу, чаще всего слышу слово «бесбармак», что означает «пять пальцев» – видимо, еще из-за того, что, как правило, казахи это блюдо едят руками. Конечно, очень важно, чтобы руки были чистыми. Это и для себя важно, и для других сидящих за дастарханом: все едят из одного табака. Поэтому перед едой все гости тщательно моют руки.

В столовой мечети, когда подавали мясо, с целью соблюдения гигиены мы с другом Атаке настаивали, чтобы люди после того, как помыли руки и сели за дастархан, друг с другом за руки не здоровались.

Однажды в мечети все было готово для подачи мяса, уже все гости, помыв руки, сидели за дастарханами. В это время один опоздавший молодой, а потом еще оказалось, что наглый человек зашел и начал ходить по залу и со всеми здороваться за руки. Когда дошел до нас, мы ему говорим:

– Ты что, не слышал?! После того, как руки помыли и сели за дастархан, нельзя за руки здороваться.

– Знаю, слышал, но я еще руки не помыл, – сказал он и спокойно пошел к умывальникам. Весь народ пошел следом за ним.

*«Не расстраивайтесь по поводу
людей или ситуаций – они
бессильны без вашей реакции»
Омар Хайям*

Розыгрыш

Пригласили друзей казахов на согым. В отличие от них мы на стол подавали узбекский плов. Но из-за непогоды нам пришлось отменить мероприятие: был сильный буран, и к нам не только подъехать, даже дойти было невозможно. Но потом поняли, что поступили опрометчиво, поскольку пришлось выслушивать от друзей в свой адрес претензии, хоть и с шуткой, но колких. А чтобы всех собрать, пришлось потом ждать почти две недели.

Наконец, время назначено, и мы ждем гостей. Первыми пришел Кайрат со своей супругой. Несмотря на то, что он работал у нас в городе более года, его супруга Саня только переехала к нему, и многие ее еще не знали. Сегодня они впервые должны были появиться перед друзьями вместе.

Мы их встретили и только завели в дом, в дверь опять позвонили.

– Там еще пришли гости. Давай встречай, – попросила меня жена.

Я не успел выйти навстречу – они уже были в прихожей.

– Проходите друзья, мы очень рады видеть вас у себя!

– А мы идем и думаем: может, опять отменили? А то прошлый раз у нас облом получился, мы всем отказали, сказали, что к тебе идем, а ты взял и отменил. Приглашений было много, но из-за тебя мы не смогли побывать нигде. Так что ты должен нам за моральный и материальный ущерб! – сходу начал Есеке.

– Все пришли? Или мы первые? – спросил Атаке, – никак не могу приучить ребят к порядку, чтобы приходили вовремя. А я думаю, надо начинать вовремя, а кто опоздал – пусть кушает то, что останется на столе до его прихода, – в шутку добавил он.

– Кто это за нас все решает? Мы знаем, что на плов опаздывать нельзя, – за дверь услышали голос Маке.

– Да вы проходите, Кайрат и Саня уже здесь, а остальные скоро соберутся, – пригласил я их в комнату.

Пока Кайрат знакомил друзей с супругой, практически все гости собрались. Кроме Саке – он должен был подойти с минуты на минуту.

– Может, начнем? Пока мы сядем, они подойдут, – предложил я.

– Как скажешь – ты же хозяин, – сказал Есеке.

Только гости начали рассаживаться за стол, пришел Саке с супругой и начал со всеми здороваться. Когда они подошли к Кайрату, тот представил свою супругу:

– Познакомьтесь, это моя супруга – Сания.

– Как супруга?! В прошлый раз ты же с другой был? – сказал Саке и сделал удивленные глаза.

Наступила гробовая тишина. Сания покраснела, а Кайрат, не зная, как реагировать на слова Саке, кинулся успокаивать супругу.

Такое напряжение за столом продолжалось недолго – мы все, кто уже был знаком с этим розыгрышем Саке, начали громко смеяться.

Только после этого Кайрат и Сания поняли, что их разыграли, и тоже заулыбались.

*«У кого нет своей личной жизни,
тот занимается чужой...»*

Спроси у соседей...

Нам нравилось проводить время на дачном участке, как говорится, покопаться в земле. Да и земля благодарила неплохо: мы практически обеспечивали себя картошкой, заготовками на зиму – соленьями, компотами и вареньем.

Чтобы поехать на дачу, сначала надо было сходить за машиной в гараж. Гараж находился за городом, в так называемом гаражном кооперативе. Если за час вернешься – хорошо. После поездки на дачу опять надо было машину поставить в гараж и идти домой пешком. Расстояние от дома до гаража и от дома до дачных участков практически было одинаковым – можно бы сразу на дачу пешком ходить, но сам факт, что ты едешь на дачу, а не идешь пешком, имел значение, особенно для женщин. А мужчин в целом такое расположение вещей тоже вполне устраивало. В гаражах они встречались, общались, и, естественно, «соображали». Особенно вечером, после того, как поставят машины. У многих в гаражах были сооружены комнаты отдыха с «пристроенной кухней». Тем более, что все запасы на зиму хранились там.

Но во время уборки, для вывозки урожая с дачных участков, обходиться без машины было тяжело.

Картошку выкапывали, после недолгой сушки прямо на участке завозили в гараж для дальнейшего хранения на зиму. Остальной же урожай сначала везли домой, перерабатывали и только потом отправляли в гараж, чтобы спустить в погреб.

Когда супруга меня спрашивала о том, сколько мы выкопали картошки или сколько заготовили банок на зиму, я полушуткой отвечал:

– Про картошку я спрошу у Макарыча, соседа-пенсионера по даче: он знает все, что собирается по соседним участкам.

Узнал о такой его осведомленности совершенно случайно. Как-то во время уборки картошки мы с соседями пили чай. Как обычно, каждый жаловался на плохой урожай. Когда я сказал, что уже половину выкопал, а собрал всего пятнадцать ведер, он машинально меня поправил: не пятнадцать, а семнадцать...

– А про соленья-варенья спроси у тети Нади: она тебе точно весь ассортимент разложит по банкам – когда я вывозил банки в гараж, она всегда с бабушками-соседками сидела на лавочке перед подъездом.

*«Рассеянный одно дело делает дважды»
Калмыкская поговорка*

Тайник

Многие, рассказывая истории из своей жизни, делают это так неуклюже, что зачастую не только вся «соль» пропадает, но и слушатель теряет нить. Но Ваня, мой друг, точно не из этой категории! Он рассказывает так реалистично и сочно, что веришь каждому его слову и лишь потом начинаешь подозревать, что не все услышанное достоверно. Даже я, зная Ваню давно – столько не живут, – иной раз попадаюсь в его хитросплетения правды и вымысла. Впрочем, я и не против: уж больно интересно он заливает. Только смеюсь иногда: «Готов тебя слушать, даже если только треть – правда!»

Как-то раз мы разговорились об охоте, и я уже предвкушал удовольствие от новой Ваниной байки – на этот раз охотничьей. И мой чудесный друг, конечно же, оправдал мои ожидания, хотя невероятная история, поведенная им, приключилась не на охоте, а была, так сказать, в продолжение темы...

Ваня тогда учился в Челябинске, на заочке ветеринарного института. Время между экзаменами тратилось не только на подготовку к ним: вместе с однокурсником Ваня продавал на рынке звериные шкуры. Торговля шла неплохо, и к концу сессии всё было распродано. Ребята сдали коменданту студенческого общежития свою комнату и выехали домой – в Казахстан.

– Обычно мы ехали на автобусе, но поскольку в этот раз были при деньгах и чувствовали себя особо важными персонами, наняли машину.

По дороге, когда Челябинск был уже километрах в двухстах позади, водитель решил заправить машину и попросил у нас часть оплаты авансом. Я: «Не вопрос!» – повернулся к другу: мол, деньги у тебя – давай. Он округлил глаза: «Да ты что?! Разве они не у тебя?!»

И тут я с ужасом вспомнил, что мы забыли деньги... в матрасе, куда по старой солдатской привычке зашили, чтобы не потерять, да и от чужих глаз подальше.

После громких взаимных упреков пришлось просить водителя везти нас обратно в Челябинск, в общежитие. Пока ехали, обмозговывали ситуацию: матрасы-то мы сдали

коменданту. Так что надо было придумывать причину, чтобы получить разрешение порыться в них.

Когда подъехали к общежитию, время было послеобеденное. Нам повезло: комендант, которому нужно было в этот день на какое-то собрание, всё ещё был у себя.

Мы слёзно попросили наши матрасы, объясняя, что забыли в них свои документы. Комендант, тучный отставной моряк, выслушал нас и почему-то с нотками сарказма в голосе буркнул:

– Ну, ищите. Может, найдете.

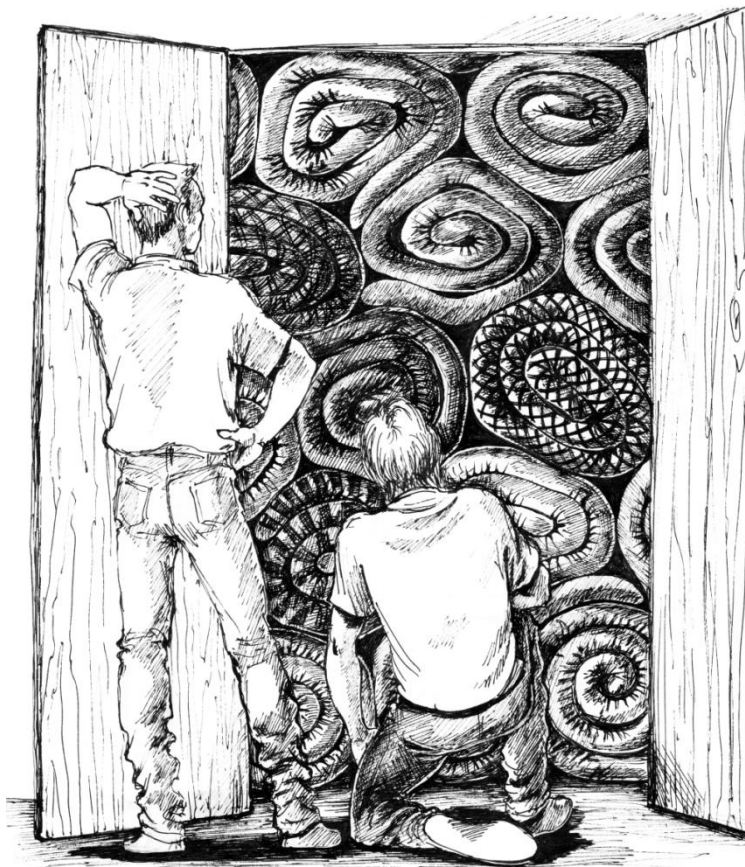
– Егор Иваныч, да че там искать: зайдём и выйдем. Нам всего-то 5 минут надо.

По его лицу скользнула странная улыбка, и мы с ним пошли к дверям кладовки, в которой складировались матрасы и другие постельные принадлежности.

Когда он повернул ключ в замке и распахнул дверь, мы застыли с идиотскими выражениями на лицах: комната была буквально забита матрасами.

– Сегодня массово сдавали матрасы: многие уезжали. Ну, мы их все заодно рассортировали перед ремонтом. Так, что пятью минутами вам не обойтись, – посмотрел он на нас уже с долей сочувствия, но строго добавил: – Чтобы после вас был такой же порядок. Поняли? Иначе не видать вам больше места в общежитии!

Мы несколько часов перебирали матрасы, проверяя каждый. А когда нашли наш злосчастный тайник, радоваться уже не было сил.

Все это время водитель караулил нас на выходе из общежития. Мы отдали ему деньги и вернулись в кладовку – наводить порядок. Когда закончили, было уже поздно, и нам пришлось проситься на ночлег к ребятам, которые еще не уехали домой. А наутро мы отправились на автовокзал, чтобы ехать домой на автобусе.

*«Пытаться очиститься от
неоправданного подозрения, либо
излишне, либо бесполезно»
Мария фон Эбнер-Эшенбах*

Шарф

Как-то зимой дома ждали гостей. Приехал знакомый из-за рубежа и должен бы зайти с коллегой. Я за ними отправил машину, но почему-то они опаздывали. Мы их пригласили на самаркандский плов, а там, как твердит моя супруга, все регламентировано: если опоздаешь, рис переварится.

Звоню водителю:

– Саша, где вы? Почему так долго?

– Все нормально. Они зашли за цветами в магазин, сейчас подъедем.

– Не нужно было куда-то заезжать, зачем это?

– Они настаивали. Да вот они уже выходят из магазина.

Успокоил супругу и вышел встречать их.

Гости осмотрели дом внутри, а потом их пригласили за стол. К этому моменту приехал Саша, что-то занес и передал супруге.

Жена зашла в каминную комнату, где сидели гости, и сообщила:

– Твой шарф нашелся, ты где-то его оставил.

Гости переглянулись, а когда супруга ушла, мой знакомый обратился ко мне с шуткой:

– Ну ты даешь, молодец! Я сегодня видел ту девушку, у которой ты шарф оставил... Ну она очень даже ничего. У тебя вкус хороший.

– О чем ты? Кто она? Что за девушка? Где ты ее мог увидеть? – с улыбкой спросил я.

– Давай колись, ты что? Не знаешь, у кого забыл? Или их у тебя так много?

– Да ты расскажи, что случилось? Откуда эти сведения? – смутился я.

– Когда мы вышли из магазина, к твоей машине подошла красивая девушка и сказала водителю, что шеф свой шарф оставил у меня, пусть не переживает, нужно просто заехать и забрать.

Совсем ничего понял, думал, он меня разыгрывает, посмотрел в сторону коллеги, он тоже одобрительно кивнул.

– Интересно, у кого я мог оставить свой шарф? Сейчас узнаю у водителя, – и позвонил Саше:

– Ты у кого забрал шарф? Что это за история?

– Да это Вика из золотого отдела в торговом центре. В тот день, когда Вы делали покупку у нее в отделе, шарф забыли на прилавке. Когда я стоял возле цветочного магазина, она подходила к машине, и Ваши гости стали свидетелями разговора.

Вот так, буквально на пустом месте, и рождаются слухи.

*«Каждый слышит только то,
что хочет услышать»*

Болтушка

Нам домой очень часто звонят пациентки супруги: она врач акушер-гинеколог. Чтобы меня не смущать, она обычно закрывается в другой комнате и разговаривает. Раньше, когда мы жили в маленькой квартирке, уходить было некуда, и если среди ночи звонили из больницы, спросонья она отвечала при мне, поэтому я уже «разбирался» в некоторых терминах и при каждом удобном случае шутил на эти темы. Когда у нас в гостях бывали наши друзья – супружеская пара, в которой жена всю жизнь тоже работала акушером-гинекологом, – муж всерьез говорил, что хоть он и инженер-строитель, но иногда, в критических ситуациях, ему приходилось давать кое-какие элементарные рекомендации пациенткам.

Однажды моя супруга находилась в отъезде. Как обычно, звонили пациентки и искали ее. Я объяснял ситуацию, говорил, когда она будет. Но некоторые, которые, видимо, даже не знали кто врач – женщина или мужчина – сразу начинали рассказывать о своих проблемах.

Для неподготовленного человека слышать это, мягко говоря, было неприятно. Я сразу их останавливал и объяснял, что я не врач, она в отъезде, будет попозже.

Был субботний день, зазвонил домашний телефон.

Поднял трубку:

– Я Вас слушаю.

– Квартира доктора?

– Да. Что хотели?

На другом конце провода женский голос сразу начал рассказывать о своих проблемах. На мои многократные предупреждения она не обратила никакого внимания и продолжала рассказывать о своих болячках, а в конце задала вопрос:

– Вы можете меня посмотреть?

– Девушка, уже полчаса пытаюсь Вам сказать, что я не врач, супруга в отъезде. А что касается того, чтобы Вас посмотреть, то после услышанного: вряд ли! – пошутил я и положил трубку.

*«Хороший врач спасет если не от
болезни, то хотя бы от плохого врача»*

Жан Поль.

Шрам

Наши близкие друзья всей семьей пришли в гости отмечать с нами старый Новый год.

Дети бегали по дому, мы сидели с гостями за столом. Вдруг я почувствовал сильные боли в правом боку, тихо встал и пошел в детскую комнату. Прилег на диване. Думал, полежу, и боли пройдут.

Зашла супруга, осмотрела меня. Все симптомы указывали на аппендицит.

Но в такую ночь ехать в больницу не хотелось. К тому же я переживал из-за того, что порчу людям праздник.

В какой-то момент ситуация стала критической, и мы все-таки решили вызвать «скорую помощь». Ждали долго. Наконец, дождались.

На всякий случай собрали в сумку кое-какие личные вещи и гигиенические принадлежности, извинились перед друзьями и поехали в больницу.

На улицах города было безлюдно, нам встретилась лишь пара машин. Видимо, подумали мы, все сидят за праздничными столами. Было около девяти часов вечера.

Дежурного врача мы не дождались, пришлось самим подниматься к нему на третий этаж – в ординаторскую

хирургического отделения. Застали там всю смену за праздничным столом.

Дежурный хирург, молодой парень, был навеселе и начал меня отчитывать: мол, мало того, что я сам не отмечаю праздник, еще и порчу его другим.

– Сегодня никто не должен болеть! Идите домой, выпейте вина. У Вас нет признаков аппендицита – скоро все пройдет. Я хотел позвонить главному врачу – как-никак знали друг друга давно, – но не решился.

Спустились в приемный покой, чтобы нас отвезли обратно.

– А мы пациентов по домам не развозим. Добирайтесь сами... Другого выхода, кроме того, как идти пешком, у нас не было. Расстояние до дома – около трех километров. Последние пятьсот метров я шел из последних сил: боль была очень сильной.

Наконец, дошли до дома. Переждал до утра. Утром сразу вызвал свою машину, позвонил главному врачу и поехал в больницу.

Через полчаса меня в срочном порядке готовили к операции...

Пройдя послеоперационную реабилитацию, опять стал ходить в баню с друзьями. Кто-то из них обратил внимание на размеры моего послеоперационного шрама.

– Ну и шрам у тебя! Почему такой большой?

– Потому что операцию делал главный врач, вы же знаете: у него большое сердце, но и руки очень большие, – высказал я свои соображения.

– Да это еще ничего, – включился в наш разговор друг, – вот моему родственнику недавно этот же врач вырезал геморрой...

*«Жизнь не для того, чтобы ждать,
когда стихнет ливень. Она для того,
чтобы научиться танцевать под дождем»*

Омар Хайям

«Доходчивое» объяснение

Когда я у моего друга, у которого в начале двухтысячных годов хотели отобрать годами выстраданный бизнес, спросил о проблеме с властями, он, по жизни очень веселый человек, вместо ответа рассказал мне притчу, которая, по его мнению, лучше всего отображает суть происходящего:

– Как-то в начале коллективизации в деревнях всех заставляли свой скот сдавать в колхоз. К одному чабану по имени Ибрагим председатель колхоза несколько раз посылал своих гонцов с требованием пригнать свое стадо, но он каждый раз прогонял их, даже не дослушав. Наконец, председателю все это надоело, и он сам сел на лошадь, поехал в горы и нашел место, где Ибрагим, лежа на своей бурке, наблюдал за отарой. Председатель подъехал к нему, и, сидя на лошади, окликнул:

– Это ты – Ибрагим?

– Да, а ты кто такой, и что тебе надо?

Едва он успел договорить, как председатель начал бить его кнутом, да так что тот даже не мог с места сдвинуться. Ибрагим завопил:

– Ты зачем меня бьешь? В чем я виноват?

Председатель, продолжая бить его, объяснил:

– Сколько раз я к тебе людей посылал, чтобы ты пригнал отару в колхоз? Ты что не понимаешь, когда тебе объясняют?

Ибрагим, прося пощады, ответил:

– Дело в том, что никто доходчиво, как ты сейчас, не объяснял, а теперь я все понял и сегодня же пригоню овец...

Где-где?...

Наш самолет оторвался от земли и начал набирать высоту. Почему-то его сильно трясло. Мой сосед слева, прижимаясь к креслу, сквозь зубы полушуткой-полусерьезно сказал:

– Как будто за штурвалом ученик, и мы не летим, а едем по грейдеру.

Наконец-то мы набрали нужную высоту, но тряска не прекратилась. Бортпроводница ходила по самолету и просила не расстегивать ремни безопасности. Самолет то терял высоту, то опять набирал. Я, чтобы уменьшить неприятные ощущения от резких потерь высоты, левой рукой держался за край багажной полки над головой и практически все время находился в полувисячем состоянии.

Мужчине средних лет в солнцезащитных очках стало плохо, и он лег прямо на пол самолета, положив под голову свою дорожную сумку.

Прошло больше двух часов, вдруг объявили:

– Уважаемые пассажиры! Наш самолет начал снижение для посадки в аэропорту города Караганда. Командир корабля принял решение приземлиться для дозаправки.

По салону Ан-24 прокатилась волна неодобрительных возгласов.

– Как так? Причем здесь Караганда? Это же прямой рейс в Алматы.

– Я лечу транзитом, мне ведь надо дальше в Ташкент лететь. Наверняка, теперь опоздаю на самолет. Почему заранее не предупреждаете? А почему не заправились в Кустанае? – обратился к бортпроводнице мужчина в тубетейке.

– Видимо, из-за того, что наш самолет летит не прямо, а вверх-вниз, произошел перерасход топлива, – съязвил кто-то с задних рядов.

– Вы знаете, мы сами только что получили распоряжение командира корабля. Прошу пристегнуть привязные ремни и приготовиться к посадке, – объявила бортпроводница.

– Вы же, мужчина, садитесь на свое место и освободите проход, пожалуйста.

– Уважаемые пассажиры! С вами говорит командир корабля. Наша посадка вынужденная, поскольку в Костанайском аэропорту необходимого количества топлива не оказалось. В Караганде мы долго не задержимся, заправимся и продолжим наш полет в Алматы, – прозвучало сообщение по громкоговорителю.

Увы... Эти явления в девяностые годы прошлого века были не редкими. Аэропорты и авиаперевозчики не могли договориться по поводу заправки самолетов.

После того, как самолет приземлился, мы ждали, пока пилоты первым выйдут из самолета. Когда вышел командир, он представил молодого пилота и сказал:

– Уважаемые пассажиры, прошу прощения за некоторые неудобства, которые были во время полета. Дело в том, что это первый рейс моего молодого коллеги, когда он самостоятельно управляет самолетом.

– Молодой человек, Ваш первый самостоятельный рейс чуть ли не стал моим последним рейсом! Вы что забыли, что на борту пассажиры? – со стоном высказался мужчина, пролетевший лежа на полу.

Нас высадили и провели в зал транзита, чтобы при посадке больше не тратить время на досмотр, и попросили не расходиться.

Вдруг зазвонил мой сотовый телефон, все обернулись, поскольку в то время «мобильники» были еще в диковинку. Нажав кнопку своего «Эриксона», я ответил на звонок.

– Я слушаю.

– Алло, ты где? – услышал голос супруги.

– Где-где? В Караганде! – произнес я известное изречение.

– Ты почему со мной говоришь в таком тоне? – она с обидой положила трубку.

– Ну, что ты будешь делать!?! На правду обиделась!

На лицах моих попутчиков появилась улыбка.

Транзитный пассажир в тубетейке подошел ко мне и, как бы сочувствуя, произнес:

– Не переживай, земляк, – не ты один сегодня пострадал из-за Караганды.

*«Все тайное рано или поздно
становится явным»
Сократ*

Тайна всей жизни

Вечером вышел выносить мусор. Когда зашел в квартиру, супруга сказала, что меня искал Сергей. Я набрал телефонный номер:

- Что случилось, все живы, здоровы? – спросил у Сергея.
- Звонил Паша, сын Рафика Георгиевича. Спрашивал Вас, сказал: не смог дозвониться. Я сообщил ему Ваш новый адрес. Он не приходил?
- Пока не было. Не знаешь, что случилось? С Рафиком Георгиевичем все в порядке?
- Он мне ничего не сказал, и по разговору тоже ничего особенного я не почувствовал, – на этом мы завершили разговор.

Только я положил трубку, позвонили в дверь. Открыл. У двери стоял Паша.

- Проходи, Паша, мы на время ремонта переехали в эту квартиру, видимо, поэтому ты не дозвонился.
- Извините, не могу зайти: тороплюсь. Знаете, я пришел сообщить: умер мой отец.
- Как? Почему? Я его видел недавно, неделю назад, вроде, все было хорошо.
- Ему сделали операцию, произошло кровоизлияние.

– Как жаль! Ему же через неделю только пятьдесят шесть должно было исполниться? Еще не успел пожить! Примите мои соболезнования и передайте маме, что мы поможем с похоронами.

После ухода Паши не мог найти себе места. Смерть человека, с которым нас связывали почти пятнадцать лет совместной работы и дружеские отношения, была для меня большим ударом. Он работал главным геологом и совсем недавно вышел на пенсию.

В последнее время замечал ухудшение его здоровья: он жаловался на боли в голове, – но скоропостижного ухода не ожидал.

Рафик Георгиевич был образованным человеком. Я благодарен ему за то, что научился у него многому, особенно ценным для меня был его стиль выражения мыслей на русском языке. Он любил свою профессию, семью. Обладал своеобразным характером, отличался неординарностью в подходах к решению проблем, из-за чего часто не находил понимания у окружающих. Иногда высказывал мысли о том, что окружение недооценивает его.

Но при этом любил шутить и очень часто сам попадал в смешные истории.

Помню, как-то в командировке ночью он вышел из комнаты, где спали еще несколько человек, в туалет, и дверь номера захлопнулась. Он стоял возле двери и тихим голосом звал водителя, который спал на кровати ближе

к двери. Но дверь открыл Аркадий, шуток которого Рафик Георгиевич больше всего боялся. Естественно, Аркадий шуткой отчитал его: мол, шатаешься по ночам без штанов, честным людям спать не даешь. А на следующий день шантажировал: «Давай организовывай стол, иначе сообщу жене!»

На другой день, когда наша машина застряла по дороге и мы все расположились в совхозном диспетчерском пункте на ночлег, Аркадий позвонил своей жене, чтобы сообщить о ситуации. Услышав по телефону голос диспетчера-женщины, супруга Аркадия устроила скандал и потребовала, чтобы он немедленно пришел домой.

Рафик Георгиевич, ждавший своей очереди, чтобы тоже позвонить домой и предупредить домочадцев, оценив ситуацию, произнес:

– Лучше пусть жены переживают о том, почему нас нет, чем подумают так, как жена Аркадия, – и передумал звонить.

А потом шутил с Аркадием: мол, увижу супругу твою – скажу, что в тот день мы уже были в городе, и там оправдывайся как хочешь.

Прошло почти двадцать лет, как его не стало.

Однажды врач, к которой я ходил на сеансы мануальной терапии, взволнованно сообщила мне сенсационное известие:

– Вы знаете, оказывается, в нашем городе жил сын самого Берии!

– Как?! – удивился я, – откуда ему здесь взяться?! Неужели столько лет живем здесь и до сих пор ничего об этом не слышали?!

– Да я сама только узнала, от своей давней знакомой. Ей уже много лет, живет одна, дети разъехались. Она приходила на консультацию и вот выложила...

– Я много читал о детях Лаврентия Берии, о том, что он их много наплодил и они жили по всему бывшему Советскому Союзу. Не знаю почему, но когда слышу о них, всегда представляю себе людей со сломанными судьбами, испытавшими лишения, и мне кажется, что их жизнь покрыта тайной... А как он к нам-то попал? Откуда она узнала?

– Да ведь он был ее мужем, они прожили вместе больше 30 лет.

– Интересно, Вы давно ее знали, а она только сейчас Вам об этом рассказала? И только Вам одной... Как же они оказались в Житикаре? Она не рассказывала?

– Все очень просто. Мама ее мужа в тридцатых годах жила в Аджарии и работала на даче Лаврентия Берии. Тогда он был первым секретарем Закавказского крайкома ВКП(б). Она была красивой девушкой, и он, конечно, ее заметил и, когда приезжал отдыхать, приглашал к себе. Она забеременела и родила сына в конце 1937 года. Когда Берия узнал о рождении ребенка, дал указание перевезти девушку с ребенком в Алма-Ату – практически отправил в изгнание.

Организовал все так, чтобы она вышла замуж, как говорится, устроил ее жизнь. Мальчик вырос в семье, взял фамилию и отчество отчима, закончил Алма-атинский политехнический институт и приехал к нам по направлению, работал здесь геологом.

– Подождите-ка, как зовут Вашу знакомую? – встрепенулся я.

– Наина Игнатьевна.

– Ну и ну! Я же работал с ним, Рафиком Георгиевичем, почти пятнадцать лет, и никогда и намека не прозвучало на то, что он сын Берии! Хотя... он всегда мне говорил о том, что у него кавказские корни: мол, мы в какой-то мере земляки. Еще удивлялся: какие кавказские корни, если родители русские?! То, что он родился в Батуми, столице Аджарской АССР в декабре 1937 года, я знал. Но не мог даже предположить, что он – сын человека, который долгое время занимал один из высших постов СССР, был расстрелян как враг народа и остался в памяти людей палачом миллионов невинных советских граждан...

Вот Вы сказали, и я сейчас начал вспоминать скрытность его характера, какую-то глубокую тоску, сопровождавшую его всю жизнь... Была, была в его жизни какая-то тайна – что-то, о чем он не хотел говорить. Я чувствовал это: мы были достаточно близки, очень много колесили вместе.

– А вот я его ни разу и не видела, знала только Наину Игнатьевну...

– Помню, после похорон Наина Игнатьевна упомянула что-то о его большой тайне. Тогда она сообщила только о том, что по национальности он был евреем и ото всех это скрывал. Почему – не знаю. Думаю, он хотел, чтобы не было даже косвенных намеков на его родственную связь с таким неоднозначным человеком как Лаврентий Берия. Хотя у евреев национальность определяется по материнской линии...

После того, как я совершенно случайно узнал эту тайну, много раз рассматривал старые фотографии и был поражен их – моего коллеги и Берии – внешней схожестью: как говорится, один в один. И чем больше я в этом убеждался, тем понятнее становилась мне глубокая печаль, которая всегда присутствовала в глазах Рафика Георгиевича...

Неисповедимы пути Господни...

Пожар выявил многое

Было начало декабря 1991 года. Для меня, как и для многих вокруг, мир рушился. В это время произошло то, в чем отразилась вся трагедия катящейся в пропасть страны...

Вечером после ужина, часов в восемь, зазвонил телефон. Поднял трубку, а там директор рудоуправления Виктор:

– Низами, ты знаешь, что у тебя контора горит?

– Да что ты говоришь?! Откуда информация? Я сейчас уточню...

Звоню в пожарную часть комбината. Спрашиваю у дежурного:

– Извините, что у вас там горит?

– Здание четвертой столовой, уже пожарные расчеты выехали.

Набираю телефон Виктора:

– Слушай, это у тебя столовая горит, а ты меня пугаешь.

– Ну и вечер сегодня! – с тревогой он положил трубку.

Я только успокоился и хотел идти в душ, опять звонок.

– Квартира Джафарова? Выходите, за Вами заедет дежурный автобус комбината, контора вашего предприятия горит.

Только положил трубку, опять звонок:

– Я уточнил: точно, это твоя контора горит, – слышу голос Виктора.

– Спасибо, Виктор. Да, уже выезжаю, – сказал и перезвонил водителю, геологам и бухгалтеру. Оделся и выбежал, дежурный автобус уже ждал.

Когда мы подъехали, пожарные машины всюду заливали огонь в центре длинного здания, где находилась и наша контора. В старом здании расположились несколько предприятий, которые оказывали услуги асбестовому комбинату. Стены здания были из прессованных из древесной стружки с цементом плиток. Я оценил ситуацию и понял: надежды на то, что потушим пожар, не было. Но можно спасти из горящего здания сейфы, документы, архивные материалы, бухгалтерские документы, трудовые книжки и другие ценности. К этому моменту уже подъехал Сергей и несколько наших работников.

Всю ночь мы работали: спасали основной архив геологических материалов, бухгалтерскую документацию, мебель. Вдвоем с Сергеем таскали сейфы, которые на следующий день вчетвером не могли поднять.

Особенно трудно было добраться до трудовых книжек: они были в сейфе в комнате на втором этаже, под которой уже горел первый этаж. Вытаскивать сейф было опасно: мог рухнуть пол. Решили не трогать его, а забрать только трудовые книжки. Медлить было нельзя: пол уже дымился. Меня привязали страховочным

канатом, и я смог добраться до сейфа и забрать все, что было внутри. Буквально через несколько минут после этого несгораемый сейф вместе с полом рухнул вниз, где бесчинствовало пламя.

К утру пожарные практически прекратили работы. Остановить распространение огня не представлялось возможным: облитые водой плиты из древесной стружки разгорались снова.

Из-за напряжения мы даже не заметили, как наступило утро. Многие наши сотрудники только приезжая на работу узнавали о пожаре. Сразу начали вывозить спасенные из пожара сейфы, мебель, документы, отчеты, чертежи и другие геологические материалы на свою промышленную базу, чтобы разместить в вагончиках. Но нашлись и такие, кто вместе того, чтобы помочь в спасении имущества предприятия и ценных геологических материалов, лихорадочно стал растаскивать доски, шифер, двери, окна... Было очень больно смотреть на эту картину, особенно после того, что нам пришлось пережить за эту ночь.

К десяти часам утра меня пригласили в контору обогатительной фабрики, где якобы заседала комиссия, состоявшая из тогдашнего руководства фабрики, по факту пожара, поскольку здание было на их балансе. Я знал, что здание очень старое и уже давно не имело остаточной стоимости, да и источник и причина пожара еще не были выяснены.

По прибытию мне вручили счет за якобы нанесенный ущерб от пожара. Интересен был тот факт, что немалые деньги мы должны были перечислить не на расчетный счет фабрики, а на счет какого-то кооператива, и только тогда к нам не было бы никаких претензий.

Чувствуя сговор, сидел и смотрел в лица этих людей, которые хотели на чужом горе погреть руки. Я потребовал результаты экспертизы по определению причины и источника пожара, и выяснилось, что пожар начался вовсе не в нашей конторе, а рядом, где забыли выключить электроприборы. Демонстративно встал и ушел, не стал дальше продолжать разговор, сослался на то, что в это непростое время надо быть вместе с коллективом.

К обеду ко мне приехал сам директор комбината, выразил свое сочувствие и добавил:

– Это здание давно изжило само себя, и к вам мы никаких претензий не имеем. Единственное, чем поможем, – предоставим вам земельный участок для строительства новой конторы.

Остатки здания догорали еще три дня. Несколько наших работников – мы их тогда называли падальщиками – взяли отпуск за свой счет и «боролись» с огнем, собирая себе на дачный участок уцелевшие стройматериалы. С позиции так называемого здравого смысла их действия можно было оправдать: все равно сгорит, а так можно для дела использовать. Но с моральной

точки зрения, особенно в то время, когда все рушилось и растаскивалось, многие, и я в том числе, эти действия осуждали.

Вскоре мы устроились в вагончиках и определились с документами и архивными материалами, своевременно выдали зарплату и начали ремонт здания в старом городе, которое предоставили друзья.

Через неделю в районной многотиражке вышла статья под заголовком «Пожар выявил многое» – о том, как разные члены коллектива и окружающие вели себя в чрезвычайной ситуации. По сути, поведение людей в трудное время в нашем небольшом коллективе не отличалось от того, что происходило в то время в обществе. Коллектив болел тем же, чем болело общество.

*«Лучше быть хорошим, чем плохим.
Но иногда порядочность приобретается
слишком высокой ценой»*

Стивен Кинг

Цена человеческой жизни

В тот зимний день мы хоронили тракториста. Специалистом он был высочайшего класса, про таких говорят: «От Бога». Отличался веселым нравом и неповторимым чувством юмора. Помню, когда он работал на бульдозере, всё шутил:

– Никогда не разбогатею: всегда от себя гребу. Хорошо тому, кто на грейфере работает: эта техника под себя гребет!

Пока шло погребение, я решил походить немного вокруг, читая надписи на надгробиях: вдруг наткнулся на могилы тех, кого знал, – ведь редко бываю на православном кладбище.

Увидел молодого человека, который положил на могильный холмик свежие гвоздики, и подошел к нему, каким-то необъяснимым образом почувствовав, что должен это сделать.

– Мама, – ответил он на мой немой вопрос. – Она очень любила гвоздики. Любила жизнь и трепетно относилась ко всему живому. Людям доверяла. А люди ее убили.

Я, прочитав надпись, узнал эту могилу и осторожно встал рядом:

– Мамы не умирают, живут и после смерти...

Когда я вернулся к месту, где хоронили нашего тракториста, мыслями был в другом месте, в другом времени. Во всех деталях вспоминал то утро несколько лет назад, когда меня разбудил телефонный звонок —

долгий, назойливый. Обычно такие звонки шли, когда звонили по междугородней связи.

– Кто это так рано?! – в голове сразу зароилась сотня тревожных мыслей. – С родными что-то не так? Или на работе что-то случилось?

С колотящимся сердцем я выскочил в коридор и спросонья едва не уронил телефонный аппарат, который стоял на табуретке возле входной двери. Длинный телефонный шнур, лежавший на полу, зацепился за ногу. Снял трубку. На том конце провода кто-то, тяжело дыша, что-то невнятно говорил.

– Алло! Кто это, что случилось? – чуя недоброе и боясь пропустить хоть слово, с силой прижал я трубку к уху.

– Здесь ужас какой-то, все в крови... – доносился из трубки дрожащий, срывающийся голос.

– Да кто Вы? Откуда звоните? – болезненно пытался и не мог вспомнить, почему этот голос кажется мне знакомым.

– Тут я, пришел и вижу, что убили...

– Кого убили? Кто вы? – уже срывался я на крик.

– Я это, водитель. На базе предприятия. Сторожа убили, все в крови.

– Боже мой, Владимир Николаевич! Что Вы там так рано делаете? – пытался осмыслить я услышанное. – Кто еще есть на базе?

– Я же на водовозке. Здесь еще наш плотник, он всегда рано приходит на работу.

– Милицию вызвали? – лихорадочно заработал мой мозг.

– Вызвали. И Вам вот сразу звоню...

– Владимир Николаевич, ничего там не трогайте. Я скоро приеду.

От шока я даже не спросил, кто сторожил в эту ночь. На нашей базе тогда дежурили сотрудники вневедомственной охраны. Некоторые из них работали на нашем объекте долгое время, и мы относились к ним как к своим. Перебирая в голове всех сторожей, начал быстро собираться.

– Что же случилось? Похоже, пытались что-то украсть, – единственное правдоподобное предположение из множества других блеснуло в моей голове.

Я набрал номер моего водителя Саши. Пока ждал его, позвонили из горотдела, сообщили, что оперативники выехали на место. Вышел из подъезда и, всей грудью вдыхая прохладный утренний воздух, нервно мерил шаги в ожидании служебного УАЗика.

– Саша, ты не знаешь, кто ночью сторожил на базе? – первым делом, как только сел в машину, спросил.

– Я вчера в конце рабочего дня был там, охрану принимала Нина.

– Боже ты мой, Нина! Добрейшей души человек. Кому она помешала? – в моей голове образ этой женщины никак не мог вписаться в ситуацию с убийством.

Когда прибыл на базу, милиция уже была на месте. Картина, которую мы увидели, была жуткой...

Голова была разбита так, что лица Нины было не узнать. Одежда разорвана...

Позже было установлено, что изнасилование было инсценировано, чтобы сбить с пути оперативников.

Нину убили обыкновенной штыковой лопатой, которая всегда стояла возле сторожки. Убийца застал свою жертву возле телефона – видимо, женщина хотела звонить.

Приехал вахтовый автобус с рабочими. Майор, который возглавлял опергруппу, попросил приостановить работу на промбазе: требовалось допросить всех без исключения. Когда я подошел к нашему автобусу, где сидели рабочие с карьера, заметил двух незнакомых парней. Спросил у водителя:

– Кто они?

– Грузчики в мелкооптовом магазине рядом с нашей базой, – объяснил он. – По просьбе их директора возим на работу и обратно.

Милиция привезла собаку, чтобы по свежим следам попытаться выяснить хоть что-то. Это был пес нашего бывшего работника, который перешел работать в милицию. Собака взяла след и побежала в сторону старого города.

Начальник базы, мастера, кладовщица проверили свои материальные ценности и сообщили, что у них ничего не пропало. Главная версия – о краже – рассыпалась. Мотив преступления оставался неизвестен.

Убитая – худенькая немолодая женщина, которая по специальности была геологом. Однако по профессии она уже не работала: не смогла после того, как получила увечье и стала инвалидом. Поэтому устроилась в охрану.

В то время – восьмидесятые годы прошлого столетия – в отделе вневедомственной охраны работали, в основном, люди с ограниченными возможностями: времена были поспокойнее нынешних, и работа сторожа была под силу инвалидам.

К обеду – после того, как завершились следственные мероприятия и увезли покойного, – нам разрешили убрать в сторожке. Но такая работа была не для слабонервных: все вокруг было в крови. Пришлось искать человека со стороны.

Я собрал коллектив. Все были в подавленном состоянии. Объявил, что будут допрошены все без исключения, поэтому никому нельзя уезжать с базы. Водитель водовозки, который только вышел на смену, возмутился: – Мне же надо в карьер: там буровые без воды будут простаивать.

– Сказали, что тебя особенно будут допрашивать! – сострил кто-то с места.

– Да я только приехал на работу, всю ночь был дома, отсыпался от вчерашней дневной смены, – начал оправдываться тот.

– Ребята, давайте шуточки, обвинения в сторону: мы должны милиции помогать, чтобы нашли убийцу, а не балаганить, иначе мы здесь нормально работать не сможем. Вон уже оправдываться друг перед другом начали, – поставил я точку.

На следующий день милиционеры еще раз приехали на промзону – уточнить детали. Майор сообщил

ошеломляющую новость: арестовали подозреваемого, и он дал признательные показания.

Убийцей оказался молодой грузчик из соседнего мелкооптового магазина. Тот самый, что сидел вчера в нашем автобусе, смеялся и острил, как ни в чем не бывало...

В тот злополучный день руководитель мелкооптового магазина оставил на окне своего кабинета магнитофон и не закрыл шторы. А грузчик заметил магнитофон. Вечером после работы он изрядно выпил с коллегами и с ними поехал в город. А когда стемнело, вернулся: хотел разбить стекло и завладеть магнитофоном.

На свою беду его заметила Нина – в обязанностях сторожей была охрана и нашей базы, и мелкооптового магазина. Женщина сначала хотела просто спугнуть его. Но потом поняла, что он пьян, и побежала звонить.

Он настиг ее уже в сторожке и хладнокровно, по-зверски начал бить лопатой по голове. Потом решил, что надо инсценировать изнасилование, и стал снимать и разрывать ее одежду.

После пешком добрался до старого города, где пошел к своей знакомой. Присутствие крови на своей одежде и обуви он объяснил ей тем, что помогал резать корову. Попросил у нее сменную одежду, переоделся, а свои вещи закопал.

На следующий день кровавую одежду нашла и откопала собака.

Мамина любовь

В разговоре мама часто использовала афоризмы и пословицы. Они у нее были припасены на все случаи жизни. Если мы не торопились с выполнением какого-нибудь дела, она тут же учила нас уму-разуму:

– Долго не сидите, а то потом уходящим в пятки, а приходящим в руки будете глядеть.

Или когда за работу брались с неохотой:

– Собака, которая ходит за отарой по принуждению, отару охранять не будет.

Предупреждением для того, чтобы быть внимательными, были мамины слова:

– Будете поправлять брови, смотрите, чтобы глаз не выбили.

А если случайно или специально что-нибудь сломаем, испортим, в ход шла притча:

– Черный раб все думал, как навредить своему хозяину, и ничего умнее не придумал, чем убить своего ребенка, чтобы у хозяина одним рабом меньше стало. Потом понял: хозяину все равно, а у самого душа болит.

Маму считали человеком, приносящим удачу. Помню, некоторые соседи, которые собирались утром на базар, еще с вечера специально оставляли у нее свои деньги, чтобы она утром их им отдавала своими руками.

Я сразу, как начал работать, стал из своей зарплаты посылать маме деньги, думал, что помогаю своим родителям. Однажды, когда я приехал домой, она пошла в Сберкасса и перевела на мое имя внушительную сумму денег – больше, чем я ей за все время отправил. После этого мои дела в бизнесе пошли в гору. До сих пор храню и еще каждому из своих детей передал на удачу деньги, которые мама дала мне своими руками.

Она была суеверным человеком. Всегда остерегала нас от необдуманных высказываний и поступков и призывала делать только добро. Не любила, когда злословили. На всю жизнь запомнил ее притчу о человеке, который собрался в дальнюю и долгую дорогу:

– Он пригасил всех своих односельчан и объявил о своих намерениях. Многие начали ему желать хорошей дороги, здоровья и скорейшего возвращения. Обращаясь к одному из сельчан, который всегда отличался злословием, он сказал: «Я уезжаю, дорога моя будет долгой и нелегкой. Пожелай мне хорошей дороги и я, когда вернусь домой, подарю тебе эту красивую шубу со своего плеча». «А может, ты шубу мне сразу подаришь?! А то поедешь, с тобой что-нибудь случится, еще и не вернешься, дорога-то долгая и нелегкая».

Мама вырастила десятерых детей. Ее любви и нежности хватало на всех, она не уставала повторять нам:

– Вы, как мои десять пальцев на руках: у каждого свое место, и все одинаково дороги мне.

Встречи с мамой всегда были очень долгожданными и трогательными. Каждый раз при встрече, сидя перед ней на коленях, я целовал ей руки. Они пахли свежескошенной травой и хлебом из тандыра. Может быть, поэтому сенокос – моя любимая пора.

Последние десять дней, в течение которых мне посчастливилось посидеть у ее кровати и ухаживать за ней, остались в моей памяти как последняя возможность, предоставленная мне судьбою, вернуть ей хоть миллионную долю того, что она делала для меня. В эти особые дни моей жизни я просил Всевышнего о том, чтобы он не забирал мою маму, и карал себя мыслями, почему же раньше не находил времени быть с ней рядом подольше. Когда она в последний раз вздохнула и ушла на небеса, я мгновенно стал беспомощным и опустошенным – как будто у меня отобрали самого себя. Все делал по инерции, не веря тому, что произошло. Надеялся, что все, происходящее со мной, – это кошмарный сон.

На похоронах людей было очень много, ведь к ней было особое отношение. Во время похорон, кроме сыновей и внуков, еще многие и многие ждали своей очереди, чтобы удостоиться чести нести ее до кладбища.

Мама очень любила нас, и ее любовь оберегает всех детей даже после ее смерти.

В первую же весну на ее могиле выросли пшеничные колосья – ровно столько, сколько она вырастила детей....

Джафаров Низами Наджафоглы

Доктор геолого–минералогических наук, академик Международной Инженерной Академии (МАИ) и Национальной Инженерной Академии РК (НИА РК), Почетный разведчик недр РК, главный редактор «Горно–геологического журнала», член Союза журналистов Казахстана.

Низами Джафаров родился 2 июня 1957 года в селе Тазакенд Исмаиллинского района Азербайджанской ССР в семье колхозников, был по счету седьмым-восьмым ребенком, т. к. имеет брата-близнеца – Физули.

Отец, Наджаф Кадыров, был участником Великой Отечественной войны. Мать, Бадам Кадырова, во время войны работала в колхозе. Всего в семье у них было десять детей: четыре девочки и шесть мальчиков.

Джафаров Н.Н. пошел в школу в 1963 году сначала в подготовительный класс, а в 1964 году – в первый класс школы родной деревни. Однако из-за экономических трудностей родители вынуждены были направить близнецов Низами и Физули на учебу в соседний район, в школу-интернат, где они проучились по четвертый класс. По словам Джафарова, учеба в интернате сыграла положительную роль в его школьной жизни. Окончив

среднюю школу в деревне в 1974 году Низами поступил на первый курс геолого-географического факультета Азербайджанского Государственного Университета им С.М. Кирова в городе Баку. Окончив с отличием университет по специальности «Геологическая съемка, поиски и разведка месторождений полезных ископаемых» на родном языке в 1979 году по направлению приехал в Казахстан, где начал трудовую деятельность в городе Джетыгара Кустанайской области. Работал геологом и главным геологом, а в 1982 г. назначен руководителем геологоразведочного предприятия. Работу на производстве совмещал с научной деятельностью. В 1981 году поступил в аспирантуру Свердловского горного института им. В.В.Вахрущева и в 1985 году защитил кандидатскую диссертацию.

В 1988–89 гг. был направлен в Йеменскую Арабскую республику в качестве технического директора «Контракта по разведке месторождения цементного сырья», где и познакомился со своей будущей супругой Мавжудой, прибывшей в ЙАР из Узбекистана для работы в качестве акушера-гинеколога.

В 1999 году защитил докторскую диссертацию на тему «Хризотил-асбест Казахстана». В 2001 году в Москве был избран академиком Международной инженерной академии (МИА), а 2003 году в г. Алматы – академиком Национальной инженерной академии Республики Казахстан (НИА РК).

Вся научная и производственная деятельность Джафарова Н. Н. направлена на выполнение работ по различным вопросам изучения, формирования и сохранения месторождений полезных ископаемых, на комплексное и рациональное использование недр. Низами Наджафоглы – автор 2-х монографий, более 75 опубликованных научных трудов, а также 40 научных проектов, отчетов и методических пособий.

Джафаров Н. Н. является инициатором издания и главным редактором Республиканского научно-технического «Горно-геологического журнала», который выпускается с 2003 г. Журнал

имеет большой международный авторитет, на его страницах печатаются видные ученые, опытные производственники, молодые специалисты не только Казахстана, а многих стран ближнего и дальнего зарубежья.

В 2005 году Джафарову Н. Н. присвоено звание «Почетный разведчик недр Республики Казахстан».

Указом Президента Республики Казахстан награжден медалью «За трудовые заслуги», юбилейными медалями к 10-, 20- и 25-летию Независимости Республики Казахстан. Так же имеет медали «20 лет маслихатам Казахстана», «За верность профессии».

Живет в городе Житикара Костанайской области. Работает Генеральным директором ТОО «Асбестовое геологоразведочное предприятие».

Владеет несколькими языками.

Джафаров Низами Наджафоглы

С кем не бывает...

(рассказы из жизни)

Редактор: Прокофьева М. К.

Иллюстрации к рассказам: Мун Юрий

Дизайн обложки, портрет автора: Хафизов Икром и Мун Юрий

Компьютерная обработка: Отлыгина В. А.

Capital Press

111024, Москва, шоссе Энтузиастов, д. 11А, корп. 1

Отпечатано в типографии ООО "ТДДС-Столица-8"

Тел.: 8 (495) 363-4884, www.capitalpress.ru

Подписано в печать 19.04.2017. Формат 60x84¹/₁₆.

Заказ № 4165. Усл. печ. л. 14. Тираж 1000.

Capital Press
Москва 2017 г.